

**Российская Академия наук
Министерство культуры Российской Федерации
Российский институт культурологии**

МУЗЕЙ И ЭТНОЛОГИЯ

Серия электронных изданий

MUSEUM PRO

Выпуск 2.0.

Москва 1997

*Печатается по решению
секции Ученого совета РИК*

Редакционная коллегия:

Е.Л. Галкина (ответственный редактор)

Е.Е.Кузьмина

Н.А.Никишин

Сборник посвящен исследованию роли и значения музея в контексте современных этносоциальных процессов. Наряду с аналитическими материалами, публикуются проектные разработки, дающие представление о новых тенденциях в создании музейных концепций.

© Лаборатория музейного проектирования,
Российский институт культурологии, 1997

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ

РАЗДЕЛ I

МУЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Е.Е.КУЗЬМИНА Роль музея в решении этнических проблем (анализ исторического опыта)
- Н.А.НИКИШИН Музей в пограничном регионе
- Е.П.ВОРОТЫНЦЕВА Феномен деятельности музея в условиях многонационального состава населения (на материалах Северного Кавказа)

РАЗДЕЛ II

ВОПРОСЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

- В.Ю.ДУКЕЛЬСКИЙ Историческая ретроспекция как средство экспозиционного раскрытия межкультурных взаимодействий
- М.Б.ГНЕДОВСКИЙ Внутренний образ культуры и его экспозиционное выражение
- Т.П.ПОЛЯКОВ Сны о Сарапуле или путешествие по Китеж-Граду (сценарий центральной экспозиции Музея истории и культуры Среднего Прикамья. Удмуртия, город Сарапул)

РАЗДЕЛ III

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ПРЕДПРОЕКТНЫЕ РАЗРАБОТКИ ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ МУЗЕЕВ

- Е.Е.КУЗЬМИНА Некоторые современные концепции и проблема модернизации музеев России
- А.А.СУСОКОЛОВ Русский этнос в к.ХІХ -н.ХХ в. Этапы кризиса экстенсивной культуры (опыт этноэкологического анализа)
- Ю.У.ГУРАЛЬНИК,
Е.Е.КУЗЬМИНА Русские в многонациональном регионе (по материалам социологического исследования)

Аннотации статей

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВВЕДЕНИЕ

Этнокультурная проблематика является крайне актуальной в контексте социально-политической ситуации, сложившейся ныне в России. Большинство социологических концепций конца XIX - начала XX века предрекали исчезновение этноса как социального феномена в индустриальном обществе или, по крайней мере, существенное падение его роли в историческом процессе. Однако, этим прогнозам не суждено было сбыться - в целом ряде исторических ситуаций второй половины XX века этнос играет все более и более заметную роль. Объяснить этот факт призвана наука, отразить - музей, который является одним из важнейших средств в культурной рефлексии. Рассматривая этнос не только как экономическую и политическую группировку, но и учитывая его психологические культурные функции, этнические ценности музей участвует в сохранении и трансляции их, формировании самосознания общности. В результате исторического развития в середине XIX века механизм воспроизводства этнической культуры ряда этносов, в том числе русского, оказался в значительной степени подорванным. Этот кризис принято называть “провалом исторической памяти”. Провал этот - одна из характерных черт русского менталитета в XX веке. Стремление вернуться к этническим ценностям на определенном этапе социального развития коренится в глубинных свойствах человеческой психики и свойственно всем этносам.

Этнические ценности - одни из немногих, которые могут удовлетворить потребность человека в информационной стабильности. Музей - зеркало в которое смотрится национальное сообщество, пытаясь отыскать свой образ, охватить единым взглядом историю, культуру, территорию.

Национальный музей - плоть от плоти национальной культуры, выражение надежды на национальное возрождение, шанс культурного выживания и культурного самоопределения народа. Создание музейных экспозиций, посвященных национальным культурам, является существенной частью модернизации, происходящей в российских музеях. Создание таких экспозиций стало сегодня одним из приоритетных направлений. Музеи, расположенные в многонациональных регионах, так или иначе затрагивают в своей деятельности этнокультурную проблематику, и каждый по своему создают экспозиционными средствами образы различных культур.

Обращаясь к теме многонациональной культуры, музей неизбежно оказывается в эпицентре общественных дискуссий, жарких споров, страстей и даже конфликтов. Для движения вперед необходимо иметь концепцию о пройденном маршруте - эту концепцию в той или иной степени предлагает музей. С одной стороны - это позволяет ему привлечь к себе внимание публики, с другой, многократно повышают его ответственность в достижении главной цели - способствовать прояснению и гармонизации межнациональных отношений.

Музей как социальный институт всем ходом своего развития подготовлен также к тому, чтобы “охлаждать” кипящие страсти и конфликты, способствовать выживанию, воспроизводству и развитию национальных культур.

В нынешнем быстро меняющемся мире не остается неизменной и сама концепция музея. В области создания этнокультурных экспозиций сегодня рядом возникают музей-культурный центр, скансен, экомузей, музей-притча и т.д. Такая многоукладность конечно же на пользу музейному делу в целом - ведь каждому новому типу музея соответствует свой ракурс восприятия культуры.

Всем перечисленным выше проблемам и посвящен предлагаемый вниманию читателей сборник.

Первый раздел его содержит ряд статей, дающих возможность говорить о значении музея в современном контексте этносоциальных процессов, наметившихся принципиально новых тенденциях в создании концепций этнокультурных экспозиций различных музеев.

Сборник открывается статьей Е.Е.Кузьминой “Роль музея в решении этнических проблем (анализ исторического опыта)”. Привлекая внимание к проблеме “музей как центр сохранения и презентации этнических традиций в современных условиях”, автор основывает главные положения статьи на своем понимании места музея в системе наук и видит его как особую коммуникативную систему. В статье рассматриваются несколько аспектов: во-первых, автором сделана ретроспекция и анализ опыта работ музеев страны с этнической тематикой в советский период; во-вторых делается попытка корреляции задач сохранения традиции культурной традиции средствами музея с учетом специфики тех или иных этнических групп, в-третьих на основе анализа всех материалов обосновывается важнейшая роль музея как одного из основных источников передачи культурной традиции в современном мире; и, наконец, автором предполагается ряд конкретных практических мер для создания необходимых условий эффективного выполнения музеями их роли в этническом аспекте. В этой связи им предлагаются пять основных моделей герменевтической методики трансляции традиции в общество.

Статья Н.А. Никишина посвящена музейному исследованию проблемы “Русские в многонациональном регионе” на фоне происходящих в нашей стране процессов административно-политических, экономических и культурных “переделов” и преобразований. Поиски путей необходимой в связи с этими процессами модернизации унаследованной от прежней системы модели музея представляются вполне закономерными. Речь идет о превращении музея в институт, способный реально участвовать в решении актуальных для региона задач. При этом ориентация делается на содействие развитию тех культурных образований, в среде которых музей существует. В частности, автор касается ряда аспектов возможного содействия музеев решению проблем гармонизации межнациональных отношений на примере ряда музеев, расположенных в контактных зонах различных национально-культурных образований.

Роль музея в условиях многонационального состава населения рассматривается Е.П.Воротынцевой на материалах Северного Кавказа сер. XIX-нач. XX века. Привлекая неизвестные ранее материалы, автор делает попытку выяснить цели, задачи, структуру музея на разных исторических этапах в условиях полиэтничного региона и оценить значение музея как особого социокультурного института в регулировании и моделировании и межэтнических процессов.

Второй раздел сборника посвящен вопросам межкультурных взаимодействий в музейной экспозиции

Исторической ретроспекции как средству экспозиционного раскрытия межкультурных взаимодействий посвящена статья В.Ю.Дукельского. В качестве объекта исследования выступает концепция взаимодействия русской и татарской культур, нашедшая воплощение в проекте экспозиции Музея Татарстана в 1991-1993 г. Истоки многих современных проблем автор видит в истории взаимодействий разноэтничных групп населения Поволжья.

М.Б.Гнедовский в статье “Внутренний образ культуры и ее экспозиционное выражение...” продолжает тему модернизации на примере отечественных и зарубежных экспозиций. Значительное место отводится обоснованию концепции экомuzeя ханты и манси “Торум Маа”. Культура, в частности национальная, рассматривается им в дихотомии ее внутреннего и внешнего образа, творческое отношение к наследию, непосредственное участие в деятельности музея носителей живых форм культурных традиций, стремление к сохранению духа, но не буквы традиционной культуры, позволяет автору рассматривать экомuzeй как мост между культурами, связывающей воедино ценности каждой из них. Важнейшие цели такого музея автор видит в реабилитации ценностей культуры в сознании населения. Музей нужен для формирования национального самосознания коренных народов, уважения самобытных культур, понимания их мировоззренческого смысла, гуманности, экологичности, для нормального развития всего региона.

Проблемы взаимодействия национальных культур русских, удмуртов, башкир, татар решаются в концепции центральной экспозиции музея истории и культуры Среднего Прикамья - статья Т.П.Полякова “Миф о Сарапуле...”. Экспериментальный характер будущей экспозиции отразился в жанре сценарной концепции, которую сам автор определяет как поэтический миф о Городе, которого нет, точнее который существует в иных измерениях Пространства и Времени. Цель статьи - добиться смещения привычных центров “тяжести” традиционного музея, трансформировать краеведческую структуру в художественную структуру поэтического мифа. Тихие, продолжительные, кошмарные, сказочные, умные, райские, добрые сны о Сарапуле сплетаются в литературно-художественные идеи сюжета новой экспозиции, в которой Кама объединяет все живущие на ее берегах народы, и памятники их культур органически сплетаются в этническое многоголосие текстов, предметов, знаков, символов.

Наконец, третий завершающий раздел рассматривает роль этнографических исследований как предпроектных разработок для модернизации музеев.

Статья Е.Е.Кузьминой “Некоторые современные концепции и проблема модернизации музеев России ” насыщена анализом работ авторов различных научных культурологических и этнографических школ и несомненно будет интересна широкому кругу читателей. Актуальнейшую задачу музейных деятелей России на современном этапе автор видит в содействии формирования новой культуры, нового мировоззрения русского общества, культуры отвечающей потребностям современной эпохи, при учете архетипа и особенностей русской этнопсихологии.

Третий раздел содержит также статьи, посвященные различным аспектам изучения русского и взаимодействующим с ним этносам: экологическим, философским, социологическим.

В этом смысле особенно характерна статья А.А.Сусоколова “Русский этнос в конце XIX- нач. XX века...” Динамика демографических и культурных процессов, этапы кризиса экстенсивной культуры русского этноса рассматриваются автором с точки зрения информационной концепции этноса. Одна из основных гипотез автора - специфика этнокультурных процессов, этнического самосознания, особенности эстетического восприятия в значительной степени были обусловлены экстенсивными факторами развития русской цивилизации.

Статья Ю.У.Гуральника, Е.Е.Кузьминой позволяет читателям познакомиться с интересными материалами социологического исследования “Русские в многонациональном регионе”: инструментарием, программой, данными анализа, основными гипотезами и выводами авторов. Данные этого исследования вносят новые штрихи в представление о современном состоянии менталитета русского этноса.

В целом материалы сборника являются достаточно репрезентативными в смысле демонстрации широкого спектра музееведческих подходов к этнокультурной проблематике.

Коллективу авторов хочется надеяться, что этот совместный труд будет полезен и интересен музейным работникам, исследователям, студентам, всем, интересующимся обсуждаемыми в нем проблемами.

Е.Л.Галкина

РАЗДЕЛ I

МУЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

РОЛЬ МУЗЕЯ В РЕШЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ (АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА)

Последние годы ознаменовались весьма драматичным развитием межнациональных отношений, крайним, трагическим выражением которых явились события в Чечне, Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Якутии и в других регионах страны, а в Москве и в Санкт-Петербурге заявили о себе общество "Память" и ему подобные.

В том, что процессы роста национальной розни, приведшие сегодня общество к кризисной ситуации, не были своевременно приостановлены, повинна не только администрация, но и ученые. Тяжкое бремя ответственности несет и музей, являющийся тем особым социокультурным институтом, который обладает уникальными возможностями для межпоколенной трансляции культурных традиций, т.е. для национального и интернационального воспитания.

Для того, чтобы сегодня извлечь уроки из прошлого и реализовать специфические возможности музея в сохранении и развитии этнических культур, необходимо проанализировать опыт, десятилетиями осуществлявшийся музеем в области межнациональной и межпоколенной коммуникации, выяснить, когда и по каким причинам музей утратил эту свою функцию или, по крайней мере, стал использовать мало эффективные формы работы.

Автор не ставит перед собой задачи дать развернутую картину истории деятельности музея как центра сохранения и презентации этнических традиций и предпринять исчерпывающий анализ современной ситуации - такая работа может (и должна!) стать объектом монографии после тщательных поисков в архивах и проведении серии социологических исследований в разных регионах страны. Свою цель автор видит в том, чтобы привлечь к этой проблеме внимание как музейных работников и музееведов, так и этнологов, культурологов, социологов и психологов, и помочь музейным работникам встать на путь научно обоснованной деятельности по воспитанию детей и молодежи.

Состояние этнических проблем в стране делает попытку разработки этого вопроса весьма своевременной.

Актуальность темы диктуется также тем, что нынешнее десятилетие объявлено ЮНЕСКО десятилетием культуры, а среди приоритетных тем выделены "Диалог Европа - Азия", "Дети - наследники культуры" и "Освоение культурного наследия цивилизации".

Прежде чем рассмотреть вопрос о роли музея в сохранении и презентации этнических культур и снятии межнациональных конфликтов, представляется необходимым остановиться на вопросе о том, что автор понимает под музеем и как оценивает место музееведения в системе наук.

Вслед за рядом зарубежных (1) и присоединившихся к ним отечественных ученых (2) музей рассматривается автором как коммуникативная знаковая система, в которой посредством особого языка (языков) осуществляется связь посетителя (реципиента)

1. с музейным предметом (3), который воспринимается в своей полифункциональности как знак культуры определенной эпохи, определенного этноса, социальной группы, конкретного мастера, раскрывающий заложенный в нем не только информационный, но в силу своей аттрактивности также эмоциональный потенциал, и оказывающий комплексное воздействие на посетителя;

2. с экспозиционером, создавшим научную концепцию экспозиции в соответствии со своим мировоззрением, представлением о закономерностях развития истории человеческого общества, материальной культуры и искусства и своим аксиологическим (ценностным) отношением к истории и культуре, которое он подсознательно, а чаще целеустремленно пытается передать посетителю;

3. с архитектором, художником, дизайнером, разработавшими художественное решение экспозиции, которым они стремятся эмоционально воздействовать на посетителя, чтобы транслировать идеи научной концепции экспозиции (4);

4. со сценаристом, объединившим в единое целое научную концепцию и художественное решение и придавшим им динамичный драматичный характер (5);

5. с экскурсоводом, который решает задачу посредством эмоционально окрашенной передачи информации, заложенной в экспозиции и каждом музейном предмете (артефакте), передать посетителям концепцию экспозиции, воплотившуюся в синтезе научно-художественного решения и драматургического сценария;

6. наконец, в обратной связи посетителя с экскурсоводом и проектировщиками.

Остановиться на этих вопросах было необходимо в связи с тем, что способности восприятия посетителем поэтики экспозиции определяются его общекультурным уровнем, зависящим от возраста, образования, социального положения, конфессиональной и этнической принадлежности. Национальность поставлена нами на последнее место, но как мы постараемся показать ниже, имеет огромное значение в мировоззрении и системе ценностей личности, в том числе и ребенка, и даже в подсознательных способностях эстетического восприятия. Поэтому этнопсихологические особенности личности должны учитываться на всех этапах музейной коммуникации и должны исследоваться психологами и социологами при изучении обратной связи музея и посетителя, т.е. оценке эффективности деятельности музея.

Представление автора о музее как особой семиотической коммуникативной системе определяет и отличный от традиционного взгляд на место музееведения среди наук. В отличие от рассмотрения музееведения как одной из прикладных исторических дисциплин, что нашло отражение в последних по времени трудах "Музейные термины" и "Музееведение" (учебное

пособие) (7), в нашем представлении музееведение есть комплексная наука, изучающая и прогнозирующая закономерности развития музея как социального института, предназначенного для хранения и изучения музейных предметов (артефактов) и интерхронологической, интерлокальной и интернациональной трансляции их (музейных предметов) информационного и эмоционального потенциала с целью сохранения ядра культуры, социализации сменяющихся подрастающих поколений и создания в социуме аксиологических установок, ведущих к социальному регулированию общества.

Такой взгляд на роль музея в обществе связывает музееведение прежде всего с философией, культурологией, социологией, психологией и в особенности с этнопсихологией, изучающей специфику этнического сознания.

Проблемы межпоколенной и межэтнической трансляции культуры и восприятия музейной экспозиции как особой знаковой системы в семиотическом смысле слова ставят задачу перевода культурного текста с одного языка на другой и задачу погружения реципиента в другое культурное пространство. Существует несколько основных подходов к культурной трансляции, предложенных философами и культурологами, в том числе Дж.Фрезером, создавшим учение об этнографических аналогиях, К.Леви-Сроссом, разработавшим метод структурного анализа, Леруа-Гураном, К.Ясперсом, Э.Гуссерлем, обосновавшим феноменологический метод трансцендентальной редукции и метод редукции, выработанный Р.Ингарденом, созданный В.Дильтеем и М.Хайдеггером герменевтический метод, воспринятый Ж.-П.Сартром и другими экзистенциалистами (9), а также идеи, выдвинутые советскими учеными, начиная с В.Я.Проппа и О.М.Фрейденберг и кончая Вяч.Вс.Ивановым, В.Н.Топоровым, Е.М.Мелетинским, М.И.Стеблиным-Каменским, М.М.Бахтиным, А.Я.Гуревичем, Д.С.Лихачевым, Ю.М.Лотманом, Б.М.Храпченко, Э.А.Баллером, В.М.Межуевым и др. (10)

Выработанные в философии и культурологии подходы к вопросам культурной коммуникации имеют принципиальное значение для проблемы национального и интернационального воспитания подрастающего поколения музейными средствами.

Музей - уникальное учреждение культуры. Если современные футурологи утверждают, что новые средства информации приведут в XXI веке к гибели таких привычных культурных учреждений как библиотека и даже школа в ее современном виде, то музей останется вечно, так как его основу составляют подлинные исторические предметы и произведения искусства, общение с которыми дает человеку эффект сопричастности, глубокое эмоциональное переживание.

Музей как важнейший социальный институт представляет собой динамическую систему, что и обеспечивает его жизнеспособность на протяжении тысячелетий. Функции музея в обществе, формы его деятельности, даже сама архитектура многократно видоизменялись в зависимости от конкретной социально-исторической ситуации. К сожалению, это недостаточно осознается и музейными работниками и, что особенно трагично, некоторыми музееведами, все еще воспринимающими музей в формах, отлившихся в XIX веке. Последнее в отечественном музееведении определение социальной функции музея "комплектование и учет, хранение, изучение и популяризация

подлинных памятников истории и культуры и природных объектов" (11). Это определение не соответствует тем высоким целям, которые призван осуществить музей в современном мире.

Основная функция музея, остающаяся неизменной на протяжении более, чем трехтысячелетней истории его существования, действительно - сохранять и консервировать подлинные образцы культуры и передавать их следующим поколениям для поддержания исторической памяти. Недаром старинное название музея - древлехранилище.

Именно музей сберегает подлинные творения всех этапов истории человеческой цивилизации - будь то статуэтка из палеолитической стоянки Мальта в Сибири или Пьета Микеланджело, орнаментированный горшок андроновской культуры или саркофаг Александра Македонского, шаманский бубен хантов или "Виноградники в Арле" Ван Гога, - все вместе они составляют ядро культуры, из которого каждое следующее поколение отбирает то, что ему кажется особенно ценным.

Вторая функция музея - изучение коллекции. Именно систематизация музейных коллекций в XVIII-XIX вв. способствовала дифференциации научных дисциплин. Однако сегодня узкая специализация в науке привела к резкому обособлению отдельных научных дисциплин.

Величайшие умы XX века В.И.Вернадский и И.Пригожин (12) разными путями пришли к утверждению необходимости возврата к целостному восприятию мира, природы и человека и истории цивилизации. Такое восприятие близко идеям нового мышления.

В современном мире музей является единственным учреждением культуры, которое, храня разнородные коллекции, сберегает комплексность научных знаний о природе и человеке и позволяет составить единую целостную картину взаимосвязи процессов развития в природе и в обществе и их отражения в культуре.

В отличие от учебного заведения, которое дает определенный набор сведений в разных областях знания или в одном специальном, музей способен передать целостный мировоззренческий комплекс, основанный на синтезе новейших достижений разнородных научных дисциплин и подкрепляемый подлинными образцами из своих коллекций. Именно это выдвигает музей в качестве ведущего учреждения культуры XXI века и делает его уникальным институтом трансгеографической, транскультурной и транспоколенной коммуникации. Поэтому в музееведении все более утверждается представление о музее как об особой коммуникативной системе. Особенность музейной коммуникации, принципиально отличающая ее от печати и других средств массовой информации, состоит в том, что, во-первых, будучи основана на подлинниках, она абсолютно достоверна. Это обстоятельство имеет очень большое значение, в особенности для молодежи, которой свойственен возрастной скептицизм и нигилизм и которая высоко ценит подлинник.

Вторая особенность музейной коммуникации - ее невербальный, зрительный характер, что также необычайно важно при общении с подростками, так как в их сознании слова девальвированы, и с маленькими детьми, так как у них лучше развито зрительное и тактильное восприятие (13).

В-третьих, музейная коммуникация может быть комплексной и сочетать зрительное и тактильное восприятие подлинного объемного предмета с сопровождающим текстом, записанным на этикетках или сообщаемым экскурсоводом, с аудиовизуальными средствами, которые все больше входят в музейную практику.

Наконец, музейная коммуникация имеет эстетический и эмоциональный характер, так что получаемые в музее впечатления от общения с подлинными предметами воспринимаются не только сознанием как информация, но и подсознанием, становясь эмоциональным переживанием человека и частью его личности.

Таким образом, музей как коммуникативная система сочетает в себе возможности образования - т.е. передачи накопленных прошлыми поколениями конкретных знаний и культурных ценностей, обучения - т.е. передачи конкретных умений и навыков, и, что особенно важно, воспитания - т.е. эмоциональных воздействий, формирующих нравственный, эстетический и ценностно-ориентационный мир личности.

Специфические особенности музейной трансляции культурного текста в значительной мере совпадают с теми формами трансляции, которые действуют в традиционных культурах: подлинность культурных образцов, не только вербальный, но зрительный характер передачи текста, комплексность и, главное, эмоциональность.

Изучение музееведческой литературы показало, что серьезных исследований, специально посвященных воспитанию этнического самосознания музейными средствами, практически нет.

Например, в учебном пособии "Музееведение. Музеи исторического профиля" (14) не содержится не только специального раздела посвященного этой теме, но нет ее даже в предметном указателе. В музееведческих трудах, посвященных экспозициям и музеям разных профилей, в особенности - революционным, очень часто упоминается воспитание патриотизма и интернационализма, но делается это бегло и попутно.

Вызывает удивление то, что даже в работах, посвященных этнографическим экспозициям и музеям этого профиля (15), включая и работы высококвалифицированных этнографов-профессионалов (16), тема трансляции национальных традиций и интернациональной коммуникации не получила серьезного научного обоснования.

При оценке идеологической работы музея интенсивность и результативность борьбы музея с шовинизмом и националистическими извращениями в мировоззрении подростков не учитывалась как один из важнейших аспектов воспитательной работы музеев (17). Социологические исследования роли музеев в воспитании уважения национальных традиций и эффективности музейных экспозиций с точки зрения межпоколенной трансляции традиционной культуры, насколько мне известно, также не предпринимались.

Нынешнее состояние разработки проблемы трансляции этнических традиций и воспитания общечеловеческих ценностей общепризнаны и регулярно прокламируются, но методы научного подхода к проблеме не

разработаны, а эффективность проводимых мероприятий не оценена. Это диктует, на наш взгляд, задачу соединить новейшие представления современной мировой этнографической науки в области изучения различных типов этнических процессов, протекающих в современном обществе, с практикой отражения этих процессов в музейной деятельности с целью создания наиболее эффективных методов работы по воспитанию этнического самосознания.

Представляется, что такая задача может быть осуществлена только профессионалом-музееведом (учитывая междисциплинарный характер науки музееведения), поскольку, как уже отмечалось, специалисты-этнографы, как правило, крайне далеки от практики музейной работы и не знакомы ни с новейшими достижениями музееведения, ни с возможностями музейной педагогики; деятели же музеев в особенности краеведческих, составляющих большинство в музейной сети страны, к сожалению, отторгнуты от достижений "высокой науки". Это определяет необходимость последовательного рассмотрения нескольких вопросов:

1) Формулировка основных дефиниций, связанных с этническими процессами в современной этнографической науке (этногенез, сегментация, миграция, ассимиляция, культурная традиция и основные признаки ее сохранения и методы трансляции, хозяйственно-культурный тип, определяющий устойчивость традиции, язык и этнопсихология как главные факторы, определяющие традицию и т.д.).

2) Предлагаемая классификация некоторых основных типов этнических процессов в современном мире, которые должны найти отражение в музейной экспозиции.

3) Современные этнографические, социологические и психологические концепции, связанные с процессом социализации личности ребенка и межпоколенной трансляцией этнических традиций (18).

4) Рассмотрение некоторого уже накопленного в музеях позитивного опыта по воспитанию детей и подростков.

5) Выработанные на основе проведенного анализа предложения некоторых наиболее эффективных, с точки зрения автора, форм работы музеев по социализации личности и восприятию этнических культурных традиций, перспективных видов экспозиций и новых типов музея, которые могли бы с наибольшей полнотой решать задачу гармонизации восприятия этнических традиций и высокого этнического самосознания и уважения к иноэтничным культурным традициям, т.е. воспитание интернационализма, что наиболее соответствует современным идеям нового мышления.

Музей как особый социо-культурный институт, созданный человечеством в ходе развития цивилизации, зарождается в процессе формирования философских представлений о времени и пространстве и становления этнического самосознания в период перехода от стадии мифологического мировосприятия к стадии эпического, а затем исторического мышления и линейного представления о времени.

В основе музея с момента его возникновения на Древнем Востоке во II тысячелетии до н.э. лежит стремление сохранить культурные образцы прошлого как знак связи поколений данной этнической группы или народа и использовать

их как эталоны в процессе развития национальной культуры и в целях патриотического воспитания молодежи. Эта особенность музея была оценена уже властителями переднеазиатских деспотий в целях государственной консолидации.

Музеи Древней Греции, послужившие прообразом современным музеям, вопреки широко бытующим в западной музееведческой литературе представлениям о музее как о хранилище произведений искусств, первоначально служили центрами патриотического воспитания жителей полиса. В музейонах хранились статуи героев - защитников города, их оружие и трофеи (19), а во время праздников музейон, не менее знаменитых, чем олимпийские игры, устраивались прославляющие героев представления, предводительствуемые музой истории Клио, атрибутами которой были восковая дощечка, на которой она записывала имена героев, и военная труба геликон, звук которой призывал молодых граждан повторить в битве подвиги предков.

Таким образом, музей как социальный институт с момента своего зарождения был центром патриотического воспитания молодежи и мемориалом национальных героев, память о которых должна была бережно храниться грядущими поколениями.

История возникновения и развития музеев в России хорошо исследована (20). Для нашей темы важно лишь подчеркнуть, что при основании в 1714 г. Кунсткамеры по личному указу Петра I в ней собирались материалы, отражающие историю не только русскую, но и остатки культуры других народов России, а также этнографические коллекции со всего мира (21).

Интерес к этнографии народов России проявляла Екатерина II, прославленная в оде Г.Р.Державина "К Фелице" как "царевна киргиз-кайсацкие орды": при ней во время масленичных гуляний в Петербург были свезены представители всех народностей России, которые участвовали в гуляниях в своих национальных костюмах, образуя первую своеобразную этнографическую выставку.

Дальнейшее развитие музейного дела в России связано, во-первых, с частным коллекционированием, во-вторых, с деятельностью различных обществ.

Существенно отметить, что движение за создание музеев и прежде всего - главного национального музея России - Исторического в Москве (открыт только в 1872г.) - рассматривалось общественностью как патриотический акт и было обусловлено ростом этнического самосознания (23).

Тот же процесс роста национального самосознания и национальной гордости привел к возникновению первых музеев в губернских центрах России: Оренбурге (1830), Астрахани (1836), Владимире (1854), Ярославле (1864), Новгороде (1865), Вятке (1866), Твери (1866), Екатеринославе (1871), Пскове (1876), Самаре (1880), Рязани (1884), Саратове (1887), Смоленске (1888), Перми (1890), Симбирске (1895), Воронеже (1896), Орле (1897) и т.д. (24) Многие музеи возникли на основе местных обществ, ученых архивных комиссий (Саратов, Симбирск), Уральского общества любителей естествознания (Екатеринбург), часто на пожертвования граждан и стали центрами научной и культурной жизни края, вокруг которых собиралась прогрессивная

интеллигенция и в особенности студенчество, служа отечеству для воспитания просвещенных граждан, готовых защищать его по примеру отцов.

Уже с XVIII века стали образовываться музеи и в Сибири (Иркутский музей - 1782 г.), причем создание этнографических коллекций было одной из важных сторон их деятельности. Установлено, что до Октябрьской революции музейная сеть в Сибири насчитывала уже несколько десятков музеев. (25) Эти музеи создавались по инициативе ведущих ученых и широкого круга сибирской интеллигенции, на средства, добывавшиеся путем подписки среди местных жителей, пожертвования частных лиц, без всякого вложения государственных средств и зачастую вопреки противодействию государственной администрации. Крупнейшие ученые страны принимали деятельное участие в музейном строительстве: достаточно вспомнить музей в Кяхте, богатейшее этнографическое собрание которого создавалось при участии Н.П.Пржевальского, Г.Н. и В.Потаниных, П.К.Козлова, В.А.Обручева.

Музеи с самого начала были средоточием культурной жизни региона, объединяя не только научные, но и все прогрессивные силы. В зарождении музеев принимали участие наиболее прогрессивные представители русского общества, начиная с декабристов и шестидесятников, что определило гуманистический подход к национальным традициям народов Сибири.

Этнографические коллекции были использованы не только для изучения быта "инородцев". Достижения народов Сибири в приспособлении своих хозяйственно-культурных типов к разнообразным экологическим условиям сурового края пропагандировались музеями в целях экономического освоения Сибири.

С самого начала своего существования областные музеи России стали формироваться как комплексные, включающие этнографические коллекции. Это было закреплено "Проектом положения для губернских и областных музеев", принятом на VII археологическом съезде в Ярославле в 1887 году. В результате дальнейшей специализации выделились чисто этнографические музеи (25).

Таким образом, музей в России с момента своего зарождения был связан с прогрессивными движениями в обществе и был средством этнического и гуманистического воспитания.

В начале XX века в деятельности музеев в России можно выделить три основных аспекта:

1) Изучение этнической культуры своего народа и своего края;

2) Изучение культуры экзотических народов, знакомство с которыми состоялось во время путешествий (подобные коллекции были широко представлены в Кунсткамере, куда они поступали в результате кругосветных плаваний и экспедиций И.Ф.Крузенштерна, Ю.Ф.Лисянского, Н.Н.Миклухо-Маклая и др., в музеях городов Кяхты, Томска, куда коллекции поступали от купцов, торговавших с Востоком, и др.).

3) Изучение общечеловеческих ценностей в духе идей космизма, развивавшихся Н.Ф.Федоровым (26) - библиотекарем Румянцевского музея. Н.Ф.Федоров представлял музей как центр, где хранится общечеловеческая память о предках - "отцах", общение с которыми поможет человечеству

преодолеть социальные и национальные различия и придти к всеобщему братству и бессмертию духа, хранимого в музее в виде творений "отцов". Философия космизма Н.Ф.Федорова оказала большое влияние на В.Л.Соловьева и особенно на К.Э.Циолковского и В.И.Вернадского, отразившись в его теории ноосферы.

Особую роль в утверждении идей интернационализма в деятельности музеев сыграл Н.К.Рерих. Его служение сохранению культурного наследия человечества во многом определяет до сих пор формы работы ЮНЕСКО, ИКОМа и ИКОМОСа.

Следующий - принципиально новый этап деятельности музеев по воспитанию молодежи связан с установлением в стране советской власти.

Борьба с капиталистическим и империалистическим мировоззрением (в котором идеи национальной независимости играли большую - и на начальных стадиях капитализма - прогрессивную роль) привела к тому, что в марксистской трактовке идеи противостояния выступили на первый план. По учению марксистов, "так как положение рабочих всех стран одинаково, ...врачи у них одни и те же, то и бороться они должны сообща." (27) В полемике с мелкобуржуазными националистами В.И.Ленин писал: "Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм - вот два непримиримо-враждебных лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два мирозерцания) в национальном вопросе." (28) Эти идеи легли в основу создания I Интернационала. После Октябрьской революции В.И.Ленин на смену лозунгу "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" выдвинул лозунг "Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!" (29) и выступил инициатором создания III-го Интернационала. История интернационала стала одной из главных тем в музеях Революции в послеоктябрьский период.

В 20-е годы получили распространение концепции мировой революции, всемирного братства пролетариата и стирания национальной розни в эпоху коммунизма. (30). Эти идеи легли в основу музейных экспозиций 20-х годов, в которых классовый и революционный подход безусловно превалировал над национальным. Такой подход был особенно ярко выражен в музеях Революции.

В результате слияния выставки истпарпта и историко-революционной выставки "Красная Москва" был образован Историко-революционный музей, преобразованный в 1924 г. в Музей Революции СССР. По словам его основателя Н.М.Дружинина, "задача Музея Революции - давать наглядное изображение истории революционного движения на территории бывшей России, последовательного развития ВКП (б) и международного коммунистического движения." (31) В музее был создан особый отдел, посвященный Коминтерну, где устраивались просмотры кинофильмов и лучшие художники страны организовывали яркие динамичные выставки, пропагандируя новыми формами искусства новые идеи интернационализма рабочих. Единство содержания и формы, синтез научной концепции экспозиции с авангардистским художественным решением обусловил и большое эмоциональное воздействие этих выставок и их агитационный накал. Экспозиции Музея Революции явились эталоном и тиражировались в отделах советского периода краеведческих и революционных музеев. (32)

С другой стороны, эти годы были ознаменованы необычайным интересом к истории народов окраин страны, не имевших до революции своей письменной истории. Внимание к их культуре выразилось в том, что были выработаны письменности для бесписьменных народов, организованы археологические и этнографические экспедиции и созданы исторические и краеведческие музеи. Уже в 1920г. стал функционировать краеведческий музей в Ижевске (Удмуртская АССР), в 1921г. - в Элисте (Калмыцкая АССР) и Нальчике (Кабардино-Балкарская АССР), в 1923г. - в Махачкале (Дагестанская АССР), в 1924г. - в Грозном (Чечено-Ингушская АССР), в 1925г. - в Майкопе (Адыгейская АССР), в 1927г. - Эвенкийский в Туре. (33) В те же годы были основаны многие музеи в Средней Азии. (34) Эти музеи развивали чувство национального самосознания и гордости малых народов, чувство патриотизма.

Важным фактором культурной жизни страны явилась 1-ая конференция по краеведению (35), на которой отмечалась необходимость собирательской деятельности и комплексного изучения местных ресурсов, природы и истории края. Широкий размах краеведческого движения в период восстановления народного хозяйства способствовал проявлению творческой активности и детей, и молодежи, воспитанию у них патриотического чувства любви к малой родине.

Серьезное значение для научно-обоснованного решения межнациональных проблем мог бы иметь выход в свет книги Г.Шпета (36), в которой доказывается, что каждый народ в результате присущего ему темперамента и длительного опыта исторического развития имеет определенные национальные черты. В настоящее время книга Г.Шпета переведена на другие языки, а его идеи получили подтверждение в исследованиях, осуществлявшихся в 60-е годы по инициативе ЮНЕСКО группой молодых ученых, показавших, что родственные по происхождению народы, расселившиеся в различных экологических нишах и ведущие разное хозяйство, сохраняют сходные социальные институты, семейные отношения и духовный склад, отражающие их былой исторический опыт.

Сейчас проходившая в этнографии в 70-е годы дискуссия по поводу этнопсихологии завершена (37). Однако в 30-е годы учение Г.Шпета было признано в нашей стране антинаучным.

Национальная политика в стране начала определяться не учеными-этнографами, антропологами и историками, а волюнтаристскими решениями политических лидеров.

Главным теоретиком по национальному вопросу стал И.В.Сталин. Им было дано определение нации как "исторически сложившейся общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры" (38).

В сталинской Конституции 1936г. провозглашалось равенство народов нашей страны. Эти правильные по своему существу слова оказались в вопиющем противоречии с реальной политикой и обрушившимися массовыми репрессиями, в результате которых пострадали лучшие представители многих народов нашей страны.

Тяжким, незаживающим до сих пор испытанием для многих народов явилось насильственное переселение на восток страны в годы Великой

Отечественной войны немцев Поволжья, крымских татар, чеченцев и некоторых других народностей Северного Кавказа. Эти трагические страницы национальной истории нашей страны не должны быть забыты и должны найти адекватное отражение в музее.

Вместе с тем Великая Отечественная война явилась самой суровой и самой действенной проверкой духа патриотизма и интернационализма, воспитанного в советских людях. И здесь музей оказался в авангарде культурных учреждений, сделав все возможное и невозможное для спасения национального культурного достояния, с первых самых трагических дней развернув комплектование фондов и "по горячим следам" осуществляя огромную и крайне важную работу по патриотическому воспитанию, устраивая временные выставки, проводя огромную экскурсионную работу (39).

Деятельность по патриотическому воспитанию в годы войны - это самая яркая страница в истории советских музеев. И сегодня экспозиции, посвященные войне, остаются в отделах советского периода исторических и краеведческих музеев наиболее искренними и эмоциональными, т.е. наиболее эффективно содействующими воспитанию у юных посетителей чувств патриотизма и интернационализма (40).

В 50-е годы И.В.Сталин вновь вернулся к национальным вопросам. Была выдвинута теория борьбы с космополитизмом, противопоставлявшимся советскому и пролетарскому интернационализму. Эта кампания стоила жизни и работы многим выдающимся филологам, литературоведам, историкам, искусствоведам. В 1950г. И.В.Сталин опубликовал в "Правде" статью "Марксизм и вопросы языкознания", направленную против концепции развития языка, созданной академиком Н.Я.Марром (41). Это послужило сигналом для варфоломеевской ночи избиения крупнейших лингвистов, этнографов, антропологов, археологов, литературоведов, обвиненных в марризме, а заодно и философов, "допустивших отклонения от марксизма".

Разгром советской исторической и в особенности этнографической науки, борьба с космополитизмом, на практике означавшая отказ от изучения зарубежного опыта анализа межнациональных проблем, привели к длительному застою в решении национальных вопросов и отказу от научного подхода к ним.

В 70-е годы в аппарате Л.И.Брежнева была создана концепция единого советского народа (42). Согласно этой концепции в процессе развития социалистического общества национальная специфика стирается, место национального самосознания занимает сознание общесоциалистическое, наднациональное (43). Эта концепция настойчиво повторялась на праздновании 50-летия Октября, на юбилеях Советских республик.

К сожалению она получила развитие и в трудах специалистов по советскому периоду, нашла поддержку и у части ведущих этнографов страны (44), хотя именно в эти годы стали отчетливо проявляться первые признаки напряженности в межнациональных отношениях, в среде национальной интеллигенции второго поколения стали звучать националистические нотки, примером чего могут служить выход в свет книги Щ.Сулейменова "Аз и я", "Память" В.Чивилихина, обсуждение учебника "История Азербайджанской ССР" и др.

Проводником идеи единого советского народа выступил Музей Революции СССР, экспозиции которого были тиражированы в других музеях революции, а также этнографических и краеведческих.

Начатый после ликвидации краеведческого движения в 30-х годах процесс стандартизации и унификации музейных экспозиций, рассчитанных не на воспитание ярко индивидуальных человеческих личностей с только им присущими национальными чертами, а на фабрикацию по единому шаблону людей-винтиков для обслуживания государственной машины, достиг в 70-е годы своего апогея.

Лишенные творческого поиска и свежей мысли, фальшивые по своей сути, эти экспозиции и в эстетическом отношении были крайне бедны и сухи. Формализм научного решения экспозиции сочетался с формализмом художественного решения. Единый помпезный имперский стиль сталинского ампира с его громоздкими нависающими формами, сухой и жесткой симметрией были призваны подавить человека и утвердить в нем идею могущества государственной системы. Этот имперский канон, насаждавшийся повсеместно, идеально служил идее всеобщего единства и превосходства государственных интересов над национальными.

Ярким примером может служить анализ Трудов ЦМР СССР, посвященных 50-летию образования СССР. В связи с празднованием юбилея был проведен Всесоюзный смотр, целью которого была активизация коммунистического воспитания трудящихся и массовой научно-просветительной деятельности (45). При этом при оценке деятельности республик их национальная самобытность и специфика межнациональных отношений даже не упоминались. Эти идеи были заложены в научный план комплектования экспонатов и в основу выставки "В единой семье народов СССР" (46).

Формы работы музеев по национальному и интернациональному воспитанию были унифицированы не только в РСФСР, но и в различных республиках (47) и не касались проблем этнической специфики и долгого исторического опыта каждого народа.

Так, в музеях Грузии освещение национальной политики сводилось к демонстрации постановлений партии и правительства, отражению в плоскостном фотоматериале электрификации, индустриализации и коллективизации и демонстрации подарков из других республик. Те же разделы отражали национальную политику в совершенно другом регионе страны - в Латвии, но здесь добавилось разоблачение буржуазных выродков - латышских эмигрантов и как об особом успехе перестройки латышских музеев говорилось, что если "раньше особый упор делался на специфику данного района", то теперь показываются широкие связи его промышленности. И в Средней Азии эта тема преподносилась теми же средствами: опять копии правительственных документов, фотографии политических деятелей, фотографии заводов и фабрик. А ведь речь шла о столь разных народах, имевших столь долгий и непохожий опыт исторического развития, что неизбежно обуславливало разные пути вхождения в социалистическое содружество и преодоление совершенно особых трудностей на этом пути для каждого народа!

Такие формы работы музеев, естественно, не могли способствовать решению национальных проблем.

В работах 70-80-х годов отчетливо проводилась идея музея как чисто пропагандистского учреждения, призванного быть проводником идей партии. Достаточно выразительны в этом отношении названия некоторых работ: "Актуальные вопросы деятельности музеев в свете постановлений ЦК КПСС", "Музеи - идеологические учреждения", "Музей - очаг воспитания" и т.п. (48)

В музееведческих исследованиях, посвященных патриотическому и интернациональному воспитанию, приводились сведения о росте численности музеев, экспонатов, международных выставок, посетителей и, главное, о пропаганде брежневских идей новой исторической общности - советского народа (49), при этом конкретный анализ как реальной этнической ситуации в различных регионах, так и специфики музейных средств воспитания отсутствуют.

В том же ключе написан ряд кандидатских диссертаций (50). Как особое достоинство экспозиций рассматривался их характер прямых иллюстраций постановлений ЦК КПСС. В одних и тех же словах декларировалась всемирно-историческая роль СССР как олицетворения ленинских принципов пролетарского интернационализма, приводились списки тем экскурсий, повторявшихся в разных музеях: "Осуществление в СССР программы КПСС по национальным вопросам", "Торжество ленинской национальной политики", "Стройки коммунизма". Ю.С.Егоров как главное достоинство в работе исторических и краеведческих музеев отметил то, что пропаганда и популяризация решений партии в деятельности музеев составлявшая в 1965г. 70%, в 1970г. возросла до 98%. На этом единообразно унылом фоне диссонансом прозвучал только голос польской исследовательницы А.Т.Якубовской, проанализировавшей массовую работу советских музеев и сделавшей ряд негативных выводов.

Весьма интересный источник для анализа деятельности исторических и революционных музеев в 70-80-е годы представляют методические рекомендации, посвященные вопросам национального и интернационального воспитания (51). На протяжении десяти лет в них с завидным упорством повторялись как заклятие слова о превосходстве социалистического строя, об уже преодоленных национальных различиях, об едином советском народе, о необходимости дальше крепить дружбу между народами, но при этом начисто отсутствовал анализ весьма динамичной этнической ситуации.

Характерно и то, что даже в методических рекомендациях 1981г., когда этнографическая наука сделала большой шаг вперед, в списке рекомендуемой литературы содержались восемь работ Л.И.Брежнева, а также М.А.Суслова, А.П.Кириленко и Н.А.Тихонова, ряд трудов специалистов по советской истории, но ни одного серьезного этнографического исследования.

На наш взгляд, это свидетельствует о глубоком кризисе музея как центра национального и интернационального воспитания, кризисе, который был одной, но отнюдь не последней из причин, породившей нынешнее обострение межнациональных отношений.

С целью активизировать работу по интернациональному воспитанию в 70-е годы в республиках были созданы музеи дружбы народов. К сожалению, эта прекрасная и очень своевременная идея была реализована крайне непоследовательно и неудачно, поскольку теоретическая и музееведческая мысль в СССР оказалась не готовой к реализации этой новой идеи. Поэтому вместо того, чтобы стать музеями нового типа, воплощающими новые типы экспозиций и реализующими новые формы работы с посетителями и в особенностях с детьми для предотвращения межнациональных конфликтов, как это имело место в Музеях города Лондона и Института Содружества наций в Англии, Этнографическом музее в Торонто, Этнологическом музее в Осака и других, наши музеи воплотились в традиционных формах, или копирующих Музей Революции, или приближающихся к этнографическому музею. Примером первого типа явились музеи Бакинский и Киевский, второго - Молдавский (52). Деятельность первых страдала теми же недостатками, что работа большинства музеев Революции: отсутствие подлинников, перегруженность экспозиций плоскостным неаттрактивным материалом, пропагандистская или в лучшем случае дидактическая форма работы с посетителями - все это сделало работу этих музеев крайне малоэффективной.

Музеи, которые пошли по пути этнографических, достигли больших успехов, но также не предложили принципиально новых методов деятельности и оказались не способны помочь молодежи в решении межнациональных проблем, что явилось одной из важных причин нынешнего кризиса.

В чем же видится выход из создавшегося тупика?

Представляется, что музей должен вновь вернуться к созданию форм работы в области этнического и интернационального воспитания на основе представлений, разработанных современной философией, культурологией, этнографией в области этнической межнациональной коммуникации.

Эти научные принципы должны быть положены в основу создания форм работы музея с учетом новейших достижений музеологии на базе специфически музейных видов деятельности.

Следует особо подчеркнуть, что национальный вопрос является сложнейшим, ибо национальные взаимоотношения находятся в постоянной динамике. На протяжении истории человечества, начиная по крайней мере с эпохи верхнего палеолита, постоянно идут процессы как сегментации и расселения племен, так и ассимиляции и интеграции. Процессы эти были разнонаправлены, осуществлялись на различных территориях в разное время и привели к тому, что в современном мире, по заключению антропологов и палеоэтнографов (53), практически не осталось чистых популяций, даже на окраинах ойкумены и в изолированных горных районах.

При анализе национального вопроса основным в культурологии и этнографии признается понятие традиции.

Роль традиций в культуре была оценена уже создателем исторической культурологии итальянским философом Джамбатистой Вико (1668-1744) (54) и в настоящее время широко обсуждается в науке (55). В любых исследованиях, посвященных проблемам культуры, будь то философских, психологических, исторических, этнографических или искусствоведческих, неизменно

обсуждается соотношение традиции и культуры. В нашу задачу не входит анализ этих проблем, до сих пор остающихся остро дискуссионными (достаточно сказать, что только в отечественной культурологии насчитывается более 200 определений понятия культура).

Более подробно следует остановиться на интерпретации понятия "этническая культурная традиция". Этот вопрос рассматривался как на конкретных этнографических материалах, так и в социологическом и философском аспектах. Наиболее плодотворным для решения проблемы традиций представляется диспут, прошедший на страницах журнала "Советская этнеография" в 1981 году в связи со статьей Э.С.Маркаряна "Узловые проблемы теории культурной традиции" (56). Он понимает под традицией "выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах", и далее: традиция есть "трансляция информации, несущей конкретизированный опыт поколений и соответствующие механизмы его отбора и закрепления".

Принявший участие в дискуссии С.А.Арутюнов показал различие понятий "традиция", "обычай", "ритуал" и пришел к заключению, что этническая традиция предстает прежде всего в независимых от технологии производства сферах культуры - языке и метаязыке коммуникации, в искусстве, в семейном быте и обрядности, в стереотипах межэтнических отношений (57).

А.И.Першиц обратил внимание на то, что многие этнические традиции имеют межформационный характер (58), причем сохранение и возрождение этнической традиции обусловлены аксиологически - признанием значимости культурного наследия для данного коллектива.

Представляется, что понятие этническая традиция может быть определено как статистически устойчивая совокупность взаимодействующих, составляющих целостную систему элементов материальной и духовной культуры этнической группы, а также сами способы передачи информации от поколения к поколению, направленные на сохранение и самоподдержание этой системы и обеспечивающие высокую степень инвариантности этапов развития культуры и ее устойчивости на протяжении долгого времени.

Традиционная культура включает как тип поселения, жилища, орудия труда, предметы быта, костюм, атрибуты культовой деятельности, так и способы их изготовления, в особенности важные - функционально не обусловленные производственные приемы, специфичные для данной этнической группы и выступающие в качестве этнических индикаторов (59), а также нормы поведения, этикет и весь мировоззренческий комплекс, включая мифологические представления, а в более развитых обществах - эпос и другие формы фольклора, танец, определенные элементы и мотивы орнамента и способы его нанесения, образцы и композиции изобразительного искусства, отражающие идеологические представления народа. К числу важных элементов традиционной культуры Б.М.Бернштейн относит канон в искусстве (60).

В отличие от современной культуры, разделяемой на материальную и духовную, традиционная культура составляет целостный комплекс, в котором все вещи и действия несут знаковую семантическую нагрузку, связанную с системой мировоззрения и самосознания данного этнического коллектива.

Этнически знаковые "идейно-эстетические представления обеспечивают жизнь этнической традиции в культуре", - говорит Я.В.Чеснов (61).

В традиционных культурах агентами в передаче культурного наследия молодому поколению выступают родители и весь коллектив, включая старейшин и специальных наставников, причем в процессе социализации личности большую роль играют группы сверстников (сиблингов) (62).

Трансляция осуществляется прежде всего вербально - отчего сохранение родного языка есть главное условие поддержания традиции, а сам язык является важнейшим признаком любой традиционной культуры. Используются также другие способы коммуникации: непосредственное обучение производственным процессам и приемам художественного творчества, участие в играх, ритуалах и праздничных театрализованных действиях на мифологические и фольклорные сюжеты. Это имеет огромное значение в процессе воспитания, придавая передаваемой информации эмоциональную окраску, что обеспечивает восприятие не только на уровне сознания, но и подсознания и способствует закреплению у подростков аксиологических, ценностных установок данной этнической группы и норм поведения, которые являются важнейшими признаками социума и несут этническую окраску.

Таким образом, показателями сохранения традиционной культуры выступают прежде всего этническое самосознание и аксиологические представления, что обеспечивает функционирование языка и сбережение материальной и духовной культуры и традиционных институтов, промыслов, форм поведения и т.д.

В современном мире тяга к сохранению или возрождению культурных традиций спонтанно проявляется и повышается, во-первых, при появлении большого числа инноваций и инокультурных заимствований, грозящих уничтожить этническую специфику, во-вторых, при миграции в иноэтническую среду, в которой небольшая группа пришельцев стремится сохранить свою самобытность, наконец, в случае прихода массы мигрантов на территорию носителей традиционной культуры, что ведет к активизации процессов культурной интеграции и ассимиляции. Именно эта третья модель наблюдается сегодня, например, в большинстве регионов Сибири. Характер дальнейшего развития процессов, по-видимому, зависит от ряда причин: численности популяции, соотношения с иноэтническими группами в данном регионе, государственной политики, но прежде всего - от уровня развития, достигнутого данным этносом, т.е. от преобладающего хозяйственно-культурного типа, а также от того сохранится ли последний.

Понятие хозяйственно-культурный тип, введенное в этнографию М.Г.Левиным и Н.Н.Чебоксаровым (63), стало базовым в гуманитарных науках.

А.П.Окладниковым было убедительно показано, что этническая культура включает не только специфические "этнизующие" элементы, но и весь хозяйственно-культурный комплекс (64), хозяйственно-культурный тип, достигнутый популяцией, отражает не только материально-технический уровень, но и обуславливает степень ее духовного развития. Как показано исследованиями отечественных этнографов, экология, тип хозяйства и идеологические представления находятся в неразрывной связи, составляя единый культурный конгломерат (65).

На территории нашей страны в различных природных зонах выделяется несколько хозяйственно-культурных типов: скотоводство в степях и предгорьях, охота и рыболовство в тайге, оленеводство в тундре, морской промысел и рыболовство на побережье океана. В пределах одной зоны обитают народы, принадлежащие к различным языковым семьям (66): угро-финской, тюрской, монгольской, тунгусо-манчжурской, палеоазиатской. Выделяется также ряд реликтовых языков (кеты) и др.

Ситуация осложняется тем, что традиционная культура народа отражает не только современный хозяйственно-культурный тип, но несет следы прошлого исторического опыта и былых контактов. Исследованиями этнологов и археологов показано, что нынешние таежные охотники ханты и манси в древности обитали южнее, контактировали с индоиранскими степными народами и были знакомы со скотоводством, а наличие в эпосе орочей упоминаний многолюдных городов с каменными дворцами, замков и крепостей, лодок с десятками гребцов, конных колесниц связано с тем, что территория расселения их предков граничила с дальневосточным государством Бохой (VI-X вв.н.э.) и Чжурчженьским государством (XII-XIII вв.н.э.).

Современный хозяйственно-культурный тип и прежний исторический опыт кристаллизуются в мифологии и фольклоре каждой этнической группы. Кросскультурный анализ данных по Сибири позволил И.С.Гурвичу (67) нарисовать очень яркую картину корреляции истории хозяйственно-культурного типа и уровня развития фольклора, отражающего идеологические представления разных народов Сибири.

Ценные данные об историческом опыте народов Средней Азии были выявлены в результате исследований их фольклора.

Только совокупность всех этих данных позволяет подойти к задаче составления научного прогноза перспектив сохранения этнической традиции и выдать рекомендации относительно методов их трансляции с учетом специфики каждой этнической группы и с учетом специфики методов музейной коммуникации.

I модель

Все народы Европейской части России, ведшие в начале XX века земледельческое хозяйство, давно прошли стадию урбанизации. Это же справедливо для народов Закавказья и земледельческого населения Средней Азии - ираноязычных таджиков и тюркоязычных узбеков и туркмен. Все эти народы были хорошо подготовлены к восприятию современной технической революции. В XX в. они пришли со своим яркими, столетиями развивавшимися культурными традициями и национальными литературами, что гарантировало возможность устоять от любых попыток этнической ассимиляции.

II модель

Тюрко- и монголоязычные народы Заволжья, Урала, Сибири, а также Казахстана и Средней Азии, ведшие в начале XX в. скотоводческое хозяйство, имевшие достаточно сложное стратифицированное общество, необычайно развитый фольклор и иногда исповедовавшие великую мировую религию, всем ходом своего предыдущего развития были подготовлены к восприятию современного научно-технического прогресса.

Урбанизация, переход к новому хозяйственно-культурному типу привели к сложению профессиональной культуры, синтезировавшей как достижения общемировой цивилизации, так и традиционной культуры. Язык и этническое самосознание сохранились и получили дальнейшее развитие в результате введения письменности; трансляция культуры идет в семье, школе, через средства массовой информации, театр, музей. Та часть населения, которая сохранила традиционный скотоводческий тип хозяйства легко воспринимает эту новую культуру, постоянно обогащая ее древними традициями, более устойчиво сохраняемыми в этой среде.

III модель

Малые народы Севера и Дальнего Востока, ведущие охотничье-рыболовецкое хозяйство и морской промысел. Уже на XII съезде РКП (б) было подчеркнуто, что малые народы "не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне". Постановлением Президиума ВЦИК в 1924г. был создан Комитет содействия народностям окраин Севера для "содействия планомерному устранению отставания в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении", в 1926г. был основан Институт народов Севера при ЛГУ, в 1930г. появилась письменность хантов, в 1932г. - алфавиты других народностей. С 20-х годов велась огромная работа по развитию северных народностей. Были созданы интернаты, где бесплатно обучались дети, в стойбища завозились русские дома и одежда, огромными были успехи в области здравоохранения.

Однако как же развивалась этническая культура? Прошедший опыт позволяет констатировать, что в этой модели развитие идет в двух направлениях: IIIа - в случае смены хозяйственно-культурного типа и ухода в город часть представителей малых народов в условиях этнической изоляции и под напором научно-технического прогресса утрачивает свою традиционную культуру и ассимилируется; IIIб - другая часть, прошедшая обучение в Институте народов Севера или других высших учебных учреждениях, сохраняет свой язык, перейдя к билингвизму, и создает новую культуру, включающую элементы этнической культуры, но активные взаимодействия с основной массой носителей традиционного хозяйственно-культурного типа не устанавливаются, вновь создаваемая культура оказывается слишком элитарной, а потому и нежизнеспособной или начинающей функционировать в иной этнической среде (пример тому Юрий Рытхэу).

IV модель

Малые народы, сохраняющие свой исконный хозяйственно-культурный тип. Именно это служит условием и гарантией поддержания этнических традиций. Однако разработка полезных ископаемых и сопутствующая этому урбанизация стремительно разрушают экологическую среду и сокращают возможности развития оленеводства и охоты. К 80-м годам положение становится настолько тревожным, что было принято Постановление ЦК и Совмина СССР "О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народов Севера", в котором говорилось об укреплении материально-технической базы оленеводческо-промысловых

хозяйств, предлагалось к 1990г. разработать программу их развития и подтверждалась практика обучения детей в интернатах.

В условиях перестройки в прессе громко зазвучали голоса в защиту природы Севера, подвергнут серьезной критике, например, проект строительства грандиозной Туруханской ГЭС, которая лишит маленькую северную народность - эвенов - исконной территории обитания. Однако не только территориально-экологические проблемы являются условием сохранения традиционного хозяйства и культуры народностей Севера. Не менее важными оказываются аксиологические проблемы - сохранение этнического самосознания и национальной гордости, гарантирующие поддержание языка и этнических традиций. Здесь сложности связаны с межпоколенной трансляцией традиции. Дети, увезенные из стойбища в интернат, отторгнутые от своей семьи и этнической среды, утрачивают не только навыки ведения традиционного хозяйства, но и знание языка, фольклора, обычаев, всего комплекса традиционной культуры, не усваивают аксиологических ценностей своего народа и порывают с ним связь.

Рассматривая проблему межпоколенной коммуникации и приобщения к культуре, необходимо различать два принципиально важных аспекта: I - общее состояние восприятия традиций в современном мире и формирование феномена молодежной контркультуры; II - специфические особенности процессов трансмиссии у различных народов.

Современная ситуация в области культурной трансляции сложна и вызывает различные попытки осмысления этого процесса. Американский социолог Л.Фойер (68) считает конфликт поколений "универсальной темой человеческой истории", объясняемый эдиповым комплексом: стремлением сына занять место своего отца (по З.Фрейду). Французский психоаналитик Ж.Мандель (69) говорит о кризисе поколений, видя в нем отказ сына от стремления соперничать или подражать отцу, место которого занимает всемогущая мать, что ведет к феминизации общества. К.Лоренц (70) объясняет современные молодежные движения и отказ от традиционной культуры вызванным индустриализацией массовым неврозом, нарушившим механизм адаптации и приведшим к утверждению гедонизма и безответственности молодежи.

Большое значение имеет гипотеза американской исследовательницы М.Мид (71), связывающей характер межпоколенных отношений с темпами научно-технического прогресса и объемом информационного потока.

Кросскультурные социологические исследования, проведенные в разных странах (США, Япония, Европа) и проанализированные И.С.Коном (72), показали, что методы приобщения детей к культуре изменяются в ходе социального развития общества: научно-техническая революция и темп инноваций привели сегодня к тому, что семья утратила роль лидера в передаче культурной традиции, опора на традицию в науке оказывается не эффективной, а опыт отцов - безнадежно устаревшим, что нарушает механизм межпоколенной трансляции.

В настоящее время по данным социологических опросов главным источником передачи культурной информации выступают не семья и даже не

школа, а старшие по работе, средства массовой информации и другие культурные учреждения, в том числе - музей.

В условиях, когда межпоколенная трансляция во всем мире нарушена, музейная коммуникация, основанная на научных принципах, становится средством, которым "совокупные взрослые" воспитывают своих коллективных детей, компенсируя этим частичное ослабление своего влияния в качестве конкретных, отдельно взятых родителей и учителей.

Чтобы оценить деятельность музеев по национальному и интернациональному воспитанию, целесообразно рассмотреть ее по функциям музеев.

I. Как осуществляет музей программу этнического воспитания при формировании коллекций, т.е. при решении своей важнейшей функции - комплектования?

Как уже говорилось выше, коллекции, отражающие культуру и быт разных народностей как нашей страны, так и зарубежных народов, стали формироваться со времен Петра I, деятельность которого продолжила Екатерина II, организовавшая, по существу, первую этнографическую выставку в Санкт-Петербурге.

В советский период интенсивно продолжалось формирование этнографических коллекций. Однако борьба с краеведением, осуществлявшаяся с 30-х годов, привела к тому, что краеведческое движение было задушено, а комплектование этнографических материалов резко сократилось. В связи с антирелигиозной пропагандой и борьбой с религиозными пережитками выпали из поля зрения интереснейшие материалы по шаманизму и другим местным культурам.

В 50-е - 60-е годы в связи с концепцией стирания национальных граней и сменившей ее брежневской концепцией "единого советского народа" изучение этнической специфики народов нашей страны стало подменяться сбором материалов о колхозном строительстве, успехах распространения русского языка и культуры и появления новых советских обрядов. Этнограф утратил свои профессиональные качества, превратившись в журналиста, краевед исчез с исторической арены, в результате чего фонды музеев практически перестали пополняться этнографическими коллекциями, чем был нанесен удар развитию межнациональных отношений.

Следует особо подчеркнуть, что некоторые страницы этнической истории нашей страны вообще не нашли отражения в музейных собраниях. Так, с карты была стерта Республика немцев Поволжья, ее население рассеяно по Уралу, Средней Азии и Казахстану, составляя в последнем значительный процент. Принудительное выселение постигло крымских татар, ряд народностей Северного Кавказа. Однако эти процессы не нашли отражения в фондах музеев. Таким образом, важные страницы этнической истории Советского Союза навсегда останутся незафиксированными подлинными музейными предметами. В работах по комплектованию эта задача не ставилась (73).

II. Научно-просветительная и идейно-воспитательная функция.

Каковы основные средства, которыми располагает музей, чтобы воздействовать на юного посетителя, чтобы социализировать его как

гармоническую личность, сочетающую в своем мировоззрении глубокое уважение и хорошее знание собственных этнических традиций, что будет способствовать отсутствию у личности комплекса неполноценности, заниженной негативной этнической самооценки, с одной стороны, а с другой стороны, явится основой для восприятия людей чужого языка и культуры как равноценных партнеров в межнациональном диалоге, который сегодня все больше приобретает не только общегосударственный, но и межконтинентальный характер.

Принято считать, что для целей воспитания этнического самосознания наиболее приспособлены этнографические экспозиции краеведческих музеев и специальные этнографические музеи, включая скансены.

Однако представляется, что социологизация личности успешно осуществляется и в экспозициях музеев других профилей. Как мы пытались показать во введении, исторические и краеведческие музеи возникли именно из общественной потребности национальной консолидации и в результате широкого движения интеллигенции за изучение своего края и воспитания на примерах героических страниц своей истории любви к отечеству. Поэтому любая историческая экспозиция краеведческого музея или музея исторического профиля способствует воспитанию чувства патриотизма.

Поскольку основой сохранения национального самосознания является сохранение национального языка, то не меньшая роль в приобщении к национальной культуре принадлежит литературным экспозициям и литературным и литературно-мемориальным музеям. Недаром одними из первых меморируемых зданий становятся дома великих поэтов: первый мемориально-литературный музей XIУ века - Каза Алигиери во Флоренции - дом, где жил до своего изгнания великий реформатор итальянского языка Данте; в Германии - дом, где родился Гете в Веймаре, открытый в 1832г.; в России - мемориальные комнаты А.С.Пушкина в Лицее и М.Ю.Лермонтова в Николаевском кавалерийском училище.

Патриотическое воспитание в литературных музеях осуществляется, во-первых, потому, что знакомство с национальной литературой способствует не только нравственному развитию личности, но и пробуждает чувство национальной гордости за свой народ. Именно поэтому так велика тяга к созданию литературных музеев, посвященных национальным писателям и деятелям культуры в Прибалтике (по количеству литературных музеев на душу населения она занимала первое место в бывшем СССР).

Другая форма воспитания в литературном и литературно-мемориальном музее - специальная экспозиция. Примером может служить очень удачная, с нашей точки зрения, выставка в музее-заповеднике в Тарханах "Люблю очизну я...", построенная на сочетании поэтического текста, музыки и зрительного ряда, включающего подлинные музейные предметы (74), и оказывающая сильное эмоциональное воздействие.

Не меньшие возможности имеет литературный музей и для реализации функции интернационального воспитания.

Музей и могила грузинского поэта Константина Гамсахурдия в Миргороде на Украине, где поэт провел последние годы жизни, рассказывает о

взаимоотношениях грузинского, украинского и русского народов и их литератур.

Огромное значение для интернационального воспитания имеют литературные экспозиции, рассказывающие о мировом значении писателя. Так, дискуссионная, но очень экспрессивная по своему художественному решению экспозиция в музее Ф.М.Достоевского в Петербурге, посвященная огромному влиянию Ф.М.Достоевского на развитие мировой литературы XX века, отражающая анализ творчества современных американских писателей, французских писателей, особенно экзистенциалистов, японского классика Акутагава Рюноске, считающих себя учениками Ф.М.Достоевского, и т.д. говорит об интернациональном характере современной мировой культуры больше, чем десятки книг.

В музее Н.В.Гоголя на родине писателя в Яновщине - маленьком и почти лишенном подлинных экспонатов, большое впечатление производит экспозиция "Гоголь в Японии", которая занимает первое место в мире (включая бывший СССР) по количеству экранизаций и спектаклей по Гоголю и где изданы самое полное в мире собрание сочинений Н.В.Гоголя, 7-ми томное исследование его творчества с весьма нетрадиционной трактовкой роли ранних произведений Н.В.Гоголя, рассматриваемых как источник и прообраз всей мировой литературы абсурда.

Это ли не доказательство мирового содружества в современном мире! Это же касается художественных экспозиций краеведческих и исторических музеев и музеев художественных. Среди содержащихся в них подлинных произведений искусства представлены:

1) портреты исторических деятелей и выдающихся людей своего народа, рассказ о которых может быть использован в целях патриотического воспитания (достаточно вспомнить хотя бы Галерею 1812 года в Эрмитаже, которая позволяет отразить не только войну с Наполеоном, но и восстание декабристов);

2) пейзажи, вызывающие чувство любви к родному краю;

3) полотна исторического жанра, дающие возможность воссоздать отдельные героические эпизоды истории;

4) произведения на мифологические и религиозные сюжеты, повествующие о героях древности;

5) пейзажи экзотических стран, образы "заморских" городов, знакомство с которыми позволяет преодолеть местнический эгоцентризм и воспринять имидж другой культуры, что служит условием воспитания интернационализма.

Для того, чтобы задействовать в целях интернационального воспитания весь этот обширный и разнообразный материал особенно эффективными оказываются тематические выставки.

Примером могут служить выставка "Русское чаепитие", организованная Музеем декоративного и прикладного искусства в 1986г. в Пти Пале в Париже и пользовавшаяся огромной популярностью, или выставка, развернутая в Дели и других городах Индии во время празднования "Года дружбы Россия-Индия" в обмен на проходившую в Москве выставку "Культура и искусство Индии",

порадившую москвичей замечательной специальной экспозицией для детей, на которой устраивались детские театрализованные праздники.

Работа по национальному и интернациональному воспитанию должна быть одним из главных видов деятельности краеведческих музеев. Однако этот вид даже не значился в Положении о краеведческом музее, где указывалось, что краеведческий музей изучает процессы развития края, его историю, природу и организует сбор материалов среди населения, устанавливая в первую очередь связи с участниками исторических событий, ветеранами труда, передовиками и новаторами производства, бывшими фронтовиками, а также на промышленных предприятиях, колхозах, совхозах и т.д. (91).

Как видим, ни комплектование, ни изучение материалов, отражающих этническую специфику и межнациональные отношения в крае, ни работа с разноэтничным контингентом как форма научно-просветительной деятельности, не предусматривается.

В процессе модернизации музеев России на пороге XXI века перед музеем встают важнейшие социальные функции, изначально присущие этому типу социального института: вернуть себе роль главного транслятора этнических традиций и формировать, используя специфически музейные средства, высокую этническую самооценку у представителей различных народов нашей страны, включая русский.

Применяя герменевтические методы музейной коммуникации, сделать музей центром транскультурной трансляции, что будет способствовать снятию межэтнической напряженности и сделает музей важнейшим этностабилизирующим фактором в полиэтническом регионе и мегаполисе.

Вместе с тем, в условиях, когда на первое место в мире выходят проблемы охраны окружающей среды, музей может и должен стать центром решения экологических проблем, путем презентации и возрождения экофильных особенностей традиционных культур.

1. Gardner J. Communicating ideas. // Museum journal. 1965. V.65. N 2. P.131-136; Cameron D.F. A viewpoint: the museum as a communications system and implications for museum education. // Curator. 1968. V.11. N 1. P.40; Knez E.L., Wright A.G. The museum as a communications system: an assessment of Cameron's viewpoint. // Curator. 1970. V.13. N 3. P.104-212; Leach E. Culture and communication. Cambridge Univ.Press. 1976. Hodge R. D'souza W. La musee, agent de communication. Analyse semiotique de la gallerie consacree aux aborigenes dans le Musee d'Australie-Occidentale, Perth. // Museum. Paris: UNESCO. 1979. V.31. N 4. P.254-270; Kovac M.A. Muzeum ako semioticky system. // Muzeum. Bratislava. 1979. N 1. P.29-34; Prince D.R. Countryside interpretation: a cognitive evaluation. // Museum journal. 1982. V.82. N 3. P.165-170; Strong R. La musee, agent de communication. // Museum. Paris: UNESCO. 1983. V.35. N 2. P.75-81; Stanton J.E. La communication et ses agents: quelques problemes de presentation. // Museum. Paris: UNESCO. 1983. V.35. N 3. P.28-33; Hellenkemper H. Musee et communication: Interview de H.Hellenkemper. // Museum. Paris: UNESCO. 1984. N 144. P.8-13; Osborne H. Museum and their functions // Journal of aesthetic. 1985. N 2.

2. Гнедовский М.Б. Музейная коммуникация и музейный сценарий. - Музей и современность. (Тр.ЦМР СССР). М.,1986; Он же. Современные традиции в музейной коммуникации в капиталистических странах. - Музейное дело и охрана памятников. ГБЛ. М.,1986; Он же. Современные тенденции развития музейной коммуникации. - Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М.,1989; Он же. Коммуникационный подход в музееведении: теоретические и прикладные аспекты. Автореф. канд.дис. М.,1994; Никишин Н.А. "Язык музея" как универсальная моделирующая система музейной деятельности. - Проблемы музейной коммуникации...
 3. Кузьмина Е.Е. Некоторые аспекты раскрытия информационного потенциала музейной вещи. //Духовное богатство социалистического общества. - Балаково. 1987. С.54-56; Дукельский В.Ю. Терминологические проблемы теории музейного предмета. //Музейные термины. - Тр.ЦМР СССР. С.27-34; Он же. Полифункциональность вещи как одна из основ ее экспозиционного использования. //Актуальные проблемы советского музееведения. - Тр.ЦМР СССР. М.,1987. С.63-75; Сб. Вещь в культуре. - ГМИИ. М.,1987; Ривош Я.Н. Время и вещи. М.,1990.
- синтетическом характере музейной экспозиции и ее художественном решении как особом виде искусства. См. Поляков Т.П. Актуальные проблемы отношения содержания и формы музейной экспозиции. //Автореф.канд.дис. - М.,1988.
5. Гнедовский М.Б. Роль сценария в экспозиционной работе музеев. //Актуальные проблемы советского музееведения. - Тр.ЦМР СССР. М.,1987. С.75-86.
 6. Проблемы обратной связи посетителя и экспозиционера были рассмотрены в интересных исследованиях крупнейшего американского психолога К.Рихтера - последователя школы Выготского на основании изучения репрезентативной группы реципиентов и выяснения, какое из художественных решений экспозиции и экскурсии, отражающих одну и ту же научную концепцию экспозиции, оказалось наиболее эффективным.
 7. Пищулин Ю.П.,Равикович Д.А. Социальные функции советского музея. //Музейные термины. - Тр.ЦМР СССР. М.,1986. С.3-10; Музееведение. Музей исторического профиля. - Высшая школа. М.,1988. С.45.
 8. Кузьмина Е.Е. Некоторые аспекты раскрытия информационного потенциала музейной вещи. С.55; Она же. От музеографии к музеологии.
 9. Фразер Д. Золотая ветвь. М.,1986; Леви-Стросс Г. Структурная антропология. М.,1983; Гайденко П. Философия культуры К.Ясперса. //Вопросы литературы. 1972. N 9; Современный экзистенциализм. М.,1966; Дильтей В. Описательная психология. М.,1924; Современная буржуазная философия. М.,1978; Гайденко П.П. Экзистенциализм и проблема культуры.(Критика философии М.Хайдеггера). М.,1963; Филлипов Л.И. Философская антропология Ж.-П.Сартра. М.,1977; Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.,1962.
 10. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.,1946; Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Л.,1936; Иванов Вяч.Вс. Очерки истории семиотики в СССР. М.,1976; Он же,Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.,1965; Они же. Исследования в

- области славянских древностей. М.,1974; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.,1976; Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л.,1976; Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.,1965; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.,1972; Лихачев Д.С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.-Л.,1962; Лотман Ю.М. Лекции по структурной поэтике. //ТЭС, I, Тарту,1964; Он же. Избранные статьи. Т. I-III. Таллин,1993; Храпченко М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. М.,1976; Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.,1977; Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М.,1978; Баллер Э.А. Преимущество в развитии культуры. М.,1969; Барабаш Ю.Я. Вопросы эстетики и поэтики. М.,1975; Взаимодействие и синтез искусств. М.,1978; Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.,1991; Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М.,1991.
11. Терминологические проблемы музееведения. М.,1986.
 12. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М.,1991; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.,1986.
 13. См. прим. 6,20. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.,1960; Кон И.С. Психология юношеского возраста. М.,1979; Он же. К проблеме возрастного символизма. //СЭ. 1981. N 6. С.185-190.
,"Высшая школа",1988.
 15. Например, Огризко З.А. Этнографические материалы в экспозициях отделов досоветской истории краеведческих музеев. //Вопросы совершенствования музейных экспозиций. Сборник научных трудов НИИ культуры. Вып.103. М.,1981. С.75-90; Баранова И.И. Показ современности в Гос. музее этнографии народов СССР.(Поиски и проблемы) .//СЭ. 1981. N 2. С.25-35.
 16. Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. (По материалам этнографических музеев АН). Л.,1978; Она же, Чистов К.В. Этнография и актуальные проблемы развития этнографических музеев. //СЭ. 1981. N 1. С.5-17.
 17. Евстигнеев В. Идеологическая эффективность музея. //СМ. 1985. С.34-36.
 18. Следует отметить, что представляющий особый интерес аксиологический вопрос о "модели идеальной личности", отличной в разных этнических традициях и меняющейся в разные эпохи, почти не нашел пока отражения в педагогической литературе, что затрудняет практическую деятельность музея по социализации подростков.
 19. Bazin G. The museum age. Brussels. 1967.
 20. Очерки истории музейного дела в России. Вып.1-7. М.,1957-1971.
 21. Станюкович Т.В. Кунст-камера Петербургской Академии наук. М.-Л.,1953; Шафрановская Т.К. Музей антропологии и этнографии АН СССР. Л.,1979; Итс Р.Ф. Кунсткамера. Л.,1989.
 22. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.,1986; Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. М.,1990.

- 23.Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.,1986.
- 24.Исторические и краеведческие музеи СССР. Каталог. //ЦМР СССР. М.,1988. С.46,50,68,101,103,105,115,119,140,150,156,205,209,214.
- 25.Равикович Д.А. Из истории организации сибирских музеев в XIX в. //История музейного дела в России. Вып.1. М.,1957.
- 26.Шмит Ф.И. Исторические, этнографические, художественные музеи. Харьков,1919; Разгон А.М. Этнографические музеи в России (1861-1917). //Очерки истории музейного дела в СССР. Вып.3. М.,1961. С.230-267; Богданов В.В. Музейная этнография. М.,1993; Голованов Л.В. К вопросу об идейных влияниях на К.Э.Циолковского. //Труды III чтений, посвященных разработке научного наследия... К.Э.Циолковского. Вып.4. М.,1969; Львов В. Загадочный старик. Л.,1977; Микулинский С.Р. Так ли надо относиться к наследству. //ВФ. 1982. N 12; Иванов В.В. Музей и память культуры. //СМ. 1988. N 5; Федоров Н.М. Музей, его смысл и назначение. М.,1992.
- 27.Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд.2. Т.4. С.373.
- 28.Ленин В.И. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т.24. С.123.
- 29.Ленин В.И. Соч. Т.42. С.71.
- 30.Глазerman Г.Е. Классы и нации. М.,1974; Он же. О национальном и национально-колониальном вопросе. Сб. М.,1956.
- 31.Дружинин Н.Н. Музей Революции СССР. //МСЭ. М.,1930. Т.5. С.440-441.
- 32.Моисеев А.М. Краеведческие музеи СССР за 50 лет (1917-1967). //История СССР. N 6. С.188-209.
- 33.Исторические и краеведческие музеи СССР. Каталог. //ЦМР СССР. М.,1988. С.145,168,171,180,196,260; Равикович Д.А. Формирование государственной музейной сети (1917-1960). М.,1988.
- 34.Возникновение и развитие музейного дела в Таджикистане. 1917-1937. //Музей. М.,1986. Вып.6. С.152-158.
- 35.Ушаков А.В. Краеведение на службе советской исторической науки. //Тр. НИИ музееведения. Вып.2. М.,1961. С.3-31.
- 36.Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. М.,1927.
- 37.Королев С.И. Вопросы этнопсихологии в трудах зарубежных авторов. М.,1970.; Сб. Концепции зарубежной этнологии. М.,1976.
- 38.Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Сб. статей. Тула,1920; Попов Н.Н. Национальная политика советской власти. М.-Л.,1927.
- 39.Врочинская К.А. Работа музеев РСФСР в условиях военного времени. М.,1942; Симкин М.П. Советские музеи в период Великой Отечественной войны. //Тр. НИИ музееведения. Т.2. М.,1961. С.176-228; Закс А.Б. По горячим следам. //СМ. 1985. N 1. С.27-31; Левыкин К.Г. Перестройка работы исторических и историко-краеведческих музеев в годы Великой Отечественной войны. //ВИ. 1985. N 4. С.148-151; Подвиг Эрмитажа. Л.,19 .; Памятники Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании трудящихся. //Тр. ЦМР СССР. М.,1985; Военно-патриотическое воспитание молодежи средствами массовой научно-просветительной работы

- исторических и краеведческих музеев. //Методические рекомендации ЦМР СССР. М.,1985; Ванслова Е.Г. Музейный всеобуч. (Научно-практические рекомендации). //НИИ культуры. М.,1988. С.25; Каллаш Т.П. Государственный исторический музей Украинской ССР. //Тр. ЦМР. N 6. М.,1974. С.86-87; Максакова Л.В. Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. М.,1990; Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб.,1995.
40. Роль музеев в военно-патриотическом воспитании трудящихся. //Музейное дело в СССР. ЦМР СССР. М.,1976; Научные основы музейного дела и деятельность музеев по военно-патриотическому воспитанию. //Тр. ГИМ. Вып.59. М.,1984; К сорокалетию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945. //Музейное дело в СССР. Тр. ЦМР СССР. М.,1985.
41. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М.,1951.
42. Брежнев Л.И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М.,1972.
43. Ким М.П. Советский народ - новая историческая общность. М.,1972; Федосеев П.Н. Теоретические проблемы развития и сближения социалистических наций. //ВАН СССР. 1979. N 2; Шерстобитов В.П. Советский народ - монолитная общность строителей коммунизма. М.,1976; Куличенко М.И. Расцвет и сближение наций СССР в период развитого социализма. М.,1981.
- Дробижева Л. Духовная общность народов СССР (Историко-социологический очерк межнациональных отношений). М.,1981.
- Анощенко И.А. О работе музеев страны в связи с подготовкой к празднованию 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик. //Тр. ЦМР СССР. N 6. М.,1984. С.2
46. Алексанян Е.Ф., Киницкая С.В., Кузина Г.А., Теплякова Т.П. Тема дружбы народов СССР в материалах фондов Центрального Музея Революции (1860-1972). //Там же. С.42-57; Хануков А.С. Республиканские юбилейные выставки "В единой семье народов СССР в Центральном Ордена Ленина Музее Революции СССР. //Там же. С.58-69.
47. Ткешелашвили О.В. Отражение ленинской национальной политики в музеях Грузии. //Музейное дело в СССР. М.,1970. С.57-60; Лапинь Х.Я. Экспонаты рассказывают о ленинской дружбе народов. //Там же. С.61-67; Садыкова Н.С. Музей истории народов Узбекистана. //Тр. ЦМР СССР. N 6. М.,1974. С.87-90; Ходжандиева А. Республиканский объединенный музей историко-краеведческий и изобразительного искусства (г. Душанбе). //Там же. С.90-91.
48. Музей - очаг воспитания. //Правда. 20.08.1982. (Изложение Постановления ЦК КПСС "Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев.); Магнат Н.Я. Актуальные вопросы деятельности музеев в свете постановления ЦК КПСС "Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев. //Экспресс-информация. Сер. Музееведение и охрана памятников ГБЛ. 1983. Вып.4; Гляжма И. Музей - идеологическое учреждение. //Коммунист. 198 . N 7. С.78-83; Романова Г.Н. Методика пропаганды сближения наций и народностей в СССР и формирование новой исторической общности -

- советский народ. //ГМЭ народов СССР.Методические рекомендации. М.,1985.
49. Попов В.И. Музеи в современном мире на службе взаимопонимания между народами. //Искусство. 1977. № 9. С.7-13; Шкурко А.И. Совершенствование патриотического и интернационального воспитания в культурно-просветительных учреждениях. //Политинформация. Смоленск,1982. № 16. С.4-15; Патриотическое и интернациональное воспитание молодежи в музеях СССР и Болгарии. //Музейное дело в СССР. Научные основы работы музеев исторического профиля. Тр. ЦМР. М.,1980. Вып.16. С.57-113; Лукстыня Б.Н. Патриотическое и интернациональное воспитание - важнейшая задача историко-революционного музея. //Отражение в экспозициях музеев социалистических стран темы "Нерушимая дружба народов - историческое завоевание социализма". Музейное дело в СССР. М.,1983. С.146-152.
50. Плотниченко И.Ф. Пути совершенствования деятельности народных музеев по воспитанию подростковой молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях. //Автореф. канд. дис. пед. наук. М.,197 ; Поплевина Л.М. Пути повышения эффективности культурно-просветительной деятельности музея. //Автореф. канд. дис. пед. наук. Л.,1982; Бутиков Г.П. Деятельность КПСС по использованию музеев в работе по коммунистическому воспитанию трудящихся в условиях развитого социалистического общества 1966-70 г. на материале Ленинградской парторганизации. //Автореф. канд. дис. пед. наук. Л.,1983; Туркин В.П. Культурно-просветительная деятельность историко-революционных и военно-исторических музеев по патриотическому воспитанию трудящихся. //Автореф. канд. дис. пед. наук. Л.,1982; Егоров Ю.С. Деятельность исторических и краеведческих музеев по пропаганде истории советского общества в условиях развитого социализма (60-70е годы). //Автореф. канд. дис. ист. наук. Л.,1984; Якубовска А.Т. Формы и методы массовой работы в музеях СССР гуманитарных профилей. //Автореф. канд. дис. ист. наук. М.,1978.
51. Дружба народов СССР - основа могущества советского государства (Методическая разработка выставки, посвященной 50-летию образования СССР). ЦМР СССР. М.,1972; Юхвец М.А. Научное комплектование материалов по вопросам ленинской национальной политики КПСС и отражение темы в экспозиции ЦМР СССР. М.,1973; Букшпан П.Я. Методические рекомендации по пропаганде Конституции развитого социалистического общества в краеведческих музеях. //ГИМ. М.,1978; Бычкова Ю.А. XXV съезд КПСС и научные основы формирования экспозиции развитого социализма в музеях исторического профиля. Методические рекомендации. //ЦМР СССР. М.,1978; Ривош Э.Ю. О показе в экспозициях историко-революционных и краеведческих музеев темы "Советский народ - новая историческая общность людей. Методические рекомендации. //ЦМР СССР. М.,1977; Отражение в экспозиции исторических и краеведческих музеев политики КПСС и советского государства в условиях развитого социализма. Методические рекомендации. //ЦМР СССР. М.,1981.
52. Музей дружбы народов и музей истории боевой славы Бакинского округа ПВО. //Музейное дело в СССР. Труды ЦМР. М.,1976. Вып.9. С.199; Бадурашвили Т.Г. Патриотическое и интернациональное воспитание -

- главное в деятельности музея Дружбы народов. //Музейное дело в СССР; Отражение в экспозициях музеев социалистических стран темы "Нерушимая дружба народов - историческое завоевание социализма". М.,1983. С.137-140.
- 53.Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.,1948; Алексеев В.П. Этногенез. М.,1986; Он же. Историческая антропология и этногенез. М.,1989; Бромлей Ю.В. Очерки истории этноса. М.,1983; Арутюнов С.А. Народы и культуры. М.,1989.
- 54.Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. Л.,1940; Киссель М.А. Джамбаттиста Вико. М.,1980; Погоняло А. Место искусства в исторической культурологии Дж. Вико. //Искусство в системе культуры. Л.,1987.
- 55.См. дискуссии в связи с работами Э.С.Маркаряна ("О генезисе человеческой личности и культуры". Ереван,1973; "Проблема целостной характеристики предмета истории культуры". //История СССР. 1979. N 6; позже "Теория культуры и современная наука". М.,1983), в которой приняли участие Д.С.Лихачев, А.Я.Гуревич, Б.И.Краснобаев (ВИ. 1979. N 6), Злобин М. (Культура и общественный прогресс. М.,1980) и ряд работ, отражающих комплексный системный подход к проблемам традиционных культур и трансляции традиций: "Изучение истории культуры как системы". Новосибирск,1983; Этнографические исследования истории культуры. М.,1985.
- 56.СЭ. 1981. N 2. С.79-82.
- 57.Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция. //СЭ. 1981. N 2. С.97-99.
- 58.Першиц А.И. Проблемы теории глазами этнографа. //СЭ. 1981. N 3. С.45.
- 59.Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев. //Переднеазиатский сборник. IV. М.,1986; Она же. Откуда пришли индоарии? М.,1994.
- 60.Бернштейн Б.М. Выражение этнической специфики в художественной культуре. //Методические проблемы исследования этнических культур. Ереван,1978.
- 61.Чеснов Я.В. О принципах типологии в этнографии. М.,1979. С.192.
- 62.Кон И.С. Ребенок и общество. М.,1988. С.152-155.
- 63.Левин М.Г.,Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. //СЭ. 1955. N 4.
- 64.Окладников А.П. Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по истории этнической Северной Азии. //Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск,1969.
- 65.Арутюнов С.А.,Сергеев С.Д. Проблемы этнической истории Берингоморья. М.,1975.
- 66.Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири. //Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск,1961; Народы Сибири. //Народы мира. М.-Л.,1956. Т.15.

67. Гурвич И.С. Ареальное изучение эпических произведений народов Северной Сибири и Дальнего Востока. //Фольклор и историческая этнография. М.,1983. С.159-164; Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. М.,1979.
68. Feuer L. The Conflict of Generations. //The Character and Significance of Student Movement. NY.,1969.
69. Manded G. La crise de generations. //Edude sociopsychanalytique. P.,1969.
70. Lorenz K. The Enmity between Generations and its Probable Ethnological Causes. //The Psychoanalytic Review. 1970. V.57. N 3.
71. Mead M. Culture and Commitment. //A Study of the Generation Gap. NY.,1970.
72. Кон И.С. Ребенок и общество... С.164.
73. Кострикина З.И. Некоторые вопросы комплектования фондов в свете требований сегодняшнего дня. //Актуальные проблемы фондовой работы музеев. //Сб. НИИ культуры. N 83. М.,1979. С.83-94; Разгон А.И. К вопросу о научном комплектовании фондов в музеях исторического и краеведческого профиля. //Сб. ГИМ. N 55. М.,1982. С.7-54; Кондратьев В.В. Вопросы отбора материалов современности в музейное собрание. //Сб. ЦМР СССР. N 13. М.,1982. С.38-46; Туманов В.Е. Актуальные проблемы разработки модели научного комплектования музейных коллекций по истории советского общества. //Там же. С.19-37; Демина Л.И. Роль и место советского музея в документировании исторического процесса развития общества. //Методическое пособие для аспирантов. НИИ культуры. М.,1986.
74. Арзамасцев В. Лермонтов в Тарханах. Путеводитель. Саратов,1977.

МУЗЕЙ В ПОГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Проблема межнациональных отношений сегодня входит в число наиболее актуальных для представителей многих направлений научной деятельности, связанной с формированием государственной политики в различных регионах России. Не является эта проблема обойденной вниманием и специалистов-музееведов, участвующих в проектировании и модернизации музейных учреждений. Если признать, что одной из причин возникновения этой проблемы были и остаются различного рода сбои в обмене информацией, всевозможные ценностные нестыковки, недоразумения и недопонимание друг друга субъектов межкультурного общения, то достаточно очевидно, что являющиеся одним из важнейших каналов межкультурной коммуникации музеи должны быть рассмотрены в контексте указанной проблематики с критических позиций. Как это ни странно, только в последнее время начали появляться публикации, в которых делаются попытки показать, что музейные работники нередко несут определенную долю ответственности за возникновение в обществе зон социальной напряженности, способной перерасти, а иногда перерастающей в открытые конфликты.¹ Еще меньше опубликованных работ, в которых не только высказываются критические суждения по данному вопросу, но и предлагаются конкретные конструктивные решения, направленные на переориентацию музейной деятельности с учетом специфики этнокультурной ситуации.

В связи с этим может представлять интерес нижеследующий материал, являющийся обобщением ряда разработок Лаборатории музейного проектирования Российского института культурологии.² Для анализа в данном тексте выбраны 4 проектные работы, выполненные в четырех городах России, каждый из которых характеризуется вполне определенной и в то же время достаточно типичной, повторяющейся и в других регионах страны социально-культурной ситуацией.

Типология и репрезентативность условий, в которых проводилось проектирование, могут быть дифференцированы следующим образом.

1. Город с преимущественно русским населением, находящийся в зоне тесных контактов с рядом зарубежных стран, в том числе - "дальнего" зарубежья. Модельная ситуация - г. Калининград Калининградской области. Регионы-аналоги: Карелия, граничащая с Финляндией; пограничные с Японией и Китаем регионы Дальнего Востока и др.

¹ См., например; Даффи Т. Концепция музея мира // *Museum*, Международный журнал, № 177, 1993, вып.3. - с. 4-8; Лангер И. О значении европейских музеев под открытым небом в системе взаимодействия национальных культур // *На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники*. М., 1991.- с. 27-31 и др.

² Работы, выполненные авторскими коллективами под рук. Н.А.Никишиной: "Научная концепция Ивангородского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника" (1990); "Научная концепция системы музеев Калининградской области" (1991); "Научная концепция Музея истории и культуры Среднего Прикамья" (1992); "Научная концепция развития Музея истории Норильского промышленного района" (1993). Полные тексты названных работ доступны в научных архивах соответствующих музеев.

2. Город с преимущественно русским населением, расположенный на границе с бывшей республикой СССР. модельная ситуация - г.Ивангород Ленинградской области (граница с Эстонией). Регионы-аналоги: Псковская область; регионы Северного Кавказа, Южной Сибири и др.

3. Город с преимущественно русским населением, расположенный на территории одной из автономных республик России на границе с другими, в том числе инонациональными регионами. Модельная ситуация - г. Сарапул, Удмуртия (пограничье с Башкирией, Татарией, Пермской областью российской Федерации). Аналоги - регионы Прикамья, Среднего Поволжья и др.

4. Город с преимущественно русским населением, расположенный в виде “анклава” на территории национального автономного округа. Модельная ситуация - г. Норильск в Таймырском национальном автономном округе. Аналоги: молодые промышленные города, расположенные в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и др. регионах Севера России.

Представленный перечень типов ситуаций, отличающихся характером контактов русского и инонационального населения, естественно не является исчерпывающим, однако, как легко заметить, он является достаточно представительным для значительной части нашей страны. Общей чертой регионов, где проводилось данное исследование было отсутствие на современном этапе сколько-нибудь значительных межэтнических конфликтов. Это обстоятельство позволило провести весь комплекс аналитических и проектных работ в достаточно спокойном режиме, имея дело с долгосрочными тенденциями. Это условие представлялось необходимым для определения перспективной роли музейных учреждений в развитии межкультурных взаимодействий.

Что касается значения музеев в условиях явно выраженных всплесков межнациональных конфликтов, то эти вопросы в данной работе не рассматриваются. Они представляют собой особую исследовательскую и проектную задачу.

Сказанное не означает, что в данной работе мы закрываем глаза на те опасности, которыми чреваты если не сегодня, то в ближайшем будущем некоторые социальные процессы, связанные с происходящими в пространстве бывшего СССР геополитическими изменениями. Наоборот, одна из целей, стоявших в работах, о которых пойдет речь, в том и состояла, чтобы выявить, предвидеть и затормозить имеющимися у музеев средствами нежелательные тенденции. К сожалению, приходится констатировать, что такие тенденции, не исключаящие формирование предпосылок будущих межнациональных конфликтов, были выявлены практически повсеместно.

Материалы предпроектных исследований

В г. Калининграде, большинство населения которого составляют переселенцы из других регионов России, плоскость наиболее вероятных в будущем межнациональных трений легко просматривается в той настороженности, которая проявляется к хлынувшему сюда, в ставший свободной экономической зоной город, потоку переполненных ностальгическими настроениями немецких туристов, уроженцев Восточной Пруссии и их потомков. Психологический дискомфорт значительной части

нынешнего населения Калининграда объясняется тем, что на протяжении долгого времени жители города, приехавшие из других регионов страны в послевоенные десятилетия, были лишены достоверной информации о досоветской истории края. Все, что можно было узнать о регионе из доступных источников касалось исключительно военной истории Кенигсберга в соответствующей своему времени идеологизированной интерпретации. Говорить о глубокой “укорененности” или о нормальной культурной адаптации новопоселенцев в такой ситуации не приходится.

Если для жителей других регионов основным источником местного патриотизма и устойчивого культурного развития всегда было то, что унаследовано от прежних обитателей данной территории, то здесь такая глубинная подпитка культурных процессов была исключена, либо протекала в искаженных формах. Определенную долю ответственности за это несет и Калининградский областной историко-художественный музей, почти не имеющий в своих фондах памятников досоветской истории края. На протяжении десятилетий в музейных экспозициях мало что можно было узнать о прежнем, немецком населении региона кроме того, как и когда оно воевало с Россией. В связи с этим не приходится удивляться той атмосфере, которая сегодня характеризует климат межнационального общения бывших и современных жителей Кенигсберга и Калининграда. Симптоматично звучало в одном из интервью, взятых авторами концепции музея у одного из рабочих Калининградского морского порта, “желание взять в руки автомат” при каждом, как он говорил, “появлении в городе фашистов”. То, что фашист и немец - это не одно и то же, объяснить человеку, выросшему в г.Калининграде, оказывается не всегда просто. Очевидно, что на культивируемой, в том числе усилиями музейев, почве взаимной враждебности или - в лучшем случае - отчуждения и настороженности, построить новые доверительные, дружеские, открытые для сотрудничества отношения вряд ли возможно. Такая оценка ситуации послужила одним из важных оснований для поиска путей коренной модернизации модели функционирования Калининградского областного историко-художественного музея, для существенной переработки концепции комплектования его фондов и радикальной реэкспозиции.³

Еще более критично на предпроектной аналитической стадии работы была оценена роль музея в развитии межнациональных отношений на границе России и Эстонии в г. Ивангороде. Высокая вероятность развития отношений между Россией и Эстонией по конфликтному сценарию в этом пограничном районе легко прочитывалась даже по содержанию официальной прессы, причем задолго до распада СССР. В некоторых статьях, посвященных национальным проблемам, дискуссии доходили до самой опасной “черты” - территориальных споров.⁴ Что же представляла собой в это время система экспозиций Ивангородского историко-архитектурного музея? На протяжении нескольких лет перед тем, как в сотне метров от музея появились вооруженные пограничники и таможня, посетителей, среди которых были и русские, эстонцы

³ См.: Никишин Н.А. Научная концепция Калининградского областного историко-художественного музея // Опыт музейного проектирования: научная концепция, сценарий. Экспресс-информация РГБ, -Серия “Музейное дело и охрана памятников”, вып.1-2, М., 1992, с.1-14

⁴ См.: Приглашает Псковщина // “Советская Эстония”, 1.03.1990, с.2; Хроника недели // “Комсомольская правда”, 20.03.1993, с.2. и др.

- жители соседнего города Нарвы, встречали две основные экспозиции. Первая была посвящена истории оборонного зодчества России. Вторая - истории борьбы России за выход к Балтийскому морю. Очень убедительное сочетание! Особенно впечатляющим, вероятно, оно было для эстонцев, прежде всего тех, кто искал аргументы для обострения отношений с Россией.

Конечно, историю западных регионов страны трудно себе представить без военно-политических моментов. Но ведь отнюдь не только и не столько ратные подвиги составили фундамент развития Ленинградской области. Не на фундаменте мощных крепостей и силе оружия в течение веков строились и должны строиться в будущем отношения между соседними народами. Этот простой вывод послужил ключом к разработке новой концепции Ивангородского музея. Одной из его главных задач было признано участие доступными ему средствами в гармонизации межнациональных отношений.

Значительно менее тревожную ситуацию в плане развития межэтнических связей встретил коллектив авторов-разработчиков Концепции Музея истории и культуры Среднего Прикамья (г.Сарапул) на юге Удмуртии. Ни при анализе прессы, ни в ходе интервьюирования экспертов не было обнаружено явных признаков того, что можно было бы оценить как нежелательную, в рассматриваемом аспекте, тенденцию. Тем не менее и здесь при определении перспектив развития музея города, где пересекаются экономические и культурные интересы и накладываются влияния сразу нескольких прикамских народов, игнорировать этнокультурный аспект музейной деятельности представлялось неправомерно. В этом, в частности, убеждали данные опроса экспертов, среди которых лишь 38% признали, что прежняя деятельность музея соответствовала требованиям времени, связанным с перестройкой в сфере национальной политики. В самом деле, традиционные виды музейной деятельности, в частности, старая экспозиция музея никак не фиксировали внимание посетителей на том, что из себя представляет Среднее Прикамье в этническом отношении.

Роль нерусского населения в истории этой части Удмуртии как бы замалчивалась, хотя в регионе в настоящее время, кроме русских, существуют и удмуртские, и татарские, и марийские поселения. Даже в самой архитектуре города Сарапула могут быть прослежены благотворные влияния друг на друга различных национальных культур. Да и само возникновение и последующее процветание города во многом обязано тому, здесь находится точка пересечения множества политических, экономических и культурных связей. Возрождение экономики и культуры Среднего Прикамья и его центра - г. Сарапула вряд ли вообще возможно, если связанные с пограничностью его положения в многослойной контактной зоне механизмы развития не будут в полной мере выявлены в опыте всех предшествующих поколений и не будут введены в оборот современной жизни. Участие в решении этой задачи - важнейшая миссия, обоснованная в новой концепции Сарапульского музея.

К категории наиболее спокойных в настоящее время может быть отнесена ситуация в четвертом из рассматриваемых нами модельных регионов - на Таймыре, где исследовались проблемы и пути дальнейшего развития Норильского музея. Интересно, что русскоязычное население г.Норильска, расположенного в центре Долгано-Ненецкого национального округа, как бы не замечает этого, почти не сталкиваясь в повседневной жизни с представителями

коренных жителей округа. Нет контактов - нет проблем, как это может показаться. Характерно, что лишь 8% опрошенных в ходе работы экспертов - людей, наиболее тесно связанных с музеем, сочли существенной для него проблему межнациональных отношений и указали на необходимость сотрудничества между приезжими и коренным населением. Именно этот факт - явная недооценка значения пока еще кажущейся несущественной проблемы - с нашей точки зрения, предмет для беспокойства.

Как показывают данные проведенного в 1992 г опроса коренных жителей Таймыра и некоренного населения за последние годы, по мнению 20% опрошенных корреспондентов, отношения между людьми различных национальностей ухудшились. Улучшившимися эти отношения сочли лишь 10%. Социологическое исследование⁵ также показало наличие тенденции роста межнациональных антипатий, особенно со стороны коренных жителей по отношению к приезжим. Количество отрицательных национальных черт, приписываемых русским, в 1,5 раза превышало число данным им положительных характеристик. Налицо - расширение дистанции отчуждения при отсутствии достаточной информированности различных народов друг о друге. О последнем давал основание судить характер экспозиционно-выставочной работы, который был свойственен Норильскому музею до разработки и реализации его новой концепции.

В этой ситуации уже нельзя с уверенностью давать оптимистические прогнозы развитию межнациональных отношений на Таймыре. Музей, ответственный за ход развития этих отношений, должен был отреагировать на ситуацию, расширяя формы экспозиционного предъявления различных культур друг другу. Однако фактически до самого последнего времени он этого не делал, ограничиваясь тем, что демонстрировал населению г. Норильска его промышленную или лагерную историю, не фиксируя внимания на вопросах этнической специфики региона, на весьма драматическом столкновении здесь интересов культур малочисленных народов Севера с общероссийской культурой и цивилизацией, не давая этому явлению культурологической и этической оценки. Сформулированное таким образом критическое суждение исследователей о роли Норильского музея в развитии межнациональных отношений в Таймырском округе стало отправной точкой для поиска путей модернизации целого ряда направлений музейной деятельности.

Обобщение результатов анализа

Обобщая сказанное относительно значения музеев, функционирующих в системе межнациональных отношений, в четырех рассмотренных модельных регионах, приходится констатировать, что роль музейных учреждений как канала межкультурных коммуникаций и средства гармонизации межэтнических отношений до последнего времени была не всегда такой значительной и такой позитивной, как хотелось бы. Более того, в ряде случаев нашлись основания говорить о том, что музеи и их деятельность в определенной степени способствовали усугублению проблем, имеющих место в сфере межнациональных отношений

⁵ Руководитель исследования Ю.У.Гуральник. См.: Социологическое обоснование концепции // Концепция развития Таймырского окружного музея. Москва-Дудинка: Изд. Росс. ин-та культурологии, 1993, с. 48-67.

Причины такого положения объясняются господством на протяжении десятилетий не вполне адекватной реальному социальному заказу модели функционирования музейных учреждений. Выступая в роли передаточного механизма аппарата идеологического воздействия на массовое сознание, ретранслируя формируемые вне соответствующих регионов ценностные установки, музеи зачастую оказывались полностью изолированными от той реальной, порой весьма своеобразной и драматической социальной обстановки, которая существовала за их стенами. Отсюда - примеры, хотя и неумышленного, содействия нарастанию потенциальной конфликтности социально-культурной ситуации (Калининград и Ивангород), или в другом случае - примеры полной индифферентности к климату межнациональных отношений и, как следствие, низкая эффективность социального функционирования музеев (Сарапул, Норильск).

Аналитическая работа в рамках подготовки научных концепций четырех вышеназванных музеев позволила сделать и ряд других существенных замечаний, фиксирующих специфику места музеев, функционирующих в зонах соприкосновения и взаимодействия различных культурных общностей. Во-первых, можно отметить, что находясь в такого рода контактной зоне, любой музей, независимо от желания сотрудников, приобретает значение своеобразной пограничной структуры в системе этнической культурной дифференциации социума. Однако, в отличие от пограничных образований в системе политических и административных территориальных общностей, музей выступает не в качестве разделительного, а в качестве соединяющего, раскрывающего, а не замыкающего соответствующую границу инструмента. В связи с этим встает проблема осмысленного его использования в интересах той и другой стороны и культуры в целом.

Второе, что следовало бы отметить, говоря в общем плане о музеях пограничных регионов, это то, что "пограничность" музейной сферы может быть выражена по-разному.

Первый тип границ, с которым мы имеем дело, в частности, в г. Калининграде, - это граница, разделяющая культурные общности не только и не столько в территориальном, горизонтальном плане, но и в плане вертикальном, то есть хронологическом. Преодолеть эту границу, восстановить связь времен и поколений, даже если между ними не было прямой преемственности, - задача музея.

Другой тип границы - то что мы видим в сфере деятельности Ивангородского музея. Это граница двух государств, но люди, живущие по обе стороны то нее, привыкли жить вместе, одной "семьей". Им не нужны барьеры и слагабаумы. а нужны мосты, открытые дороги и каналы, соединявшие их на протяжении столетий. Одним из таких "мостов" призван стать "пограничный" музей в Ивангороде.

Третий тип границы представляет собой ситуация в Среднем Прикамье. Ее своеобразие состоит в ее как бы отсутствии. Здесь проходят несколько административных разделительных линий, но они фактически ни для кого не значимы. Различные культурные процессы свободно взаимодействуют и накладываются здесь друг на друга. В этом случае музею остается лишь способствовать наглядной артикуляции благотворного для каждой из

взаимодействующих здесь культур взаимовлияния и содействовать своими средствами пониманию того, что открытость межкультурных границ - это одно из важнейших, требующих внимания и бережного отношения, культурных богатств края.

Четвертый тип границы - это своего рода туман культурной близорукости, которая по определенным причинам иногда возникает вокруг таких молодых городов, как Норильск. Парадокс состоит в том что никакой границы в реальности здесь не существует. Необходимо лишь “надеть очки”, чтобы увидеть, что вокруг города живут и всегда жили люди. Музею, созданному в пограничье такого рода, ничего не остается делать, как выступить в роли этих “очков” и помочь людям разных национальностей увидеть друг друга.

Таков первый набросок типологии музейных учреждений, выстраиваемой по не вполне привычному для музееведения основанию. До сих пор было принято группировать музеи по признакам однородности или общности среды их социального функционирования. Может быть, продуктивнее со временем окажется рассматривать их общие черты по отношению к степени неоднородности и раздробленности этой среды различного рода границами.

В свете вышеизложенного вполне закономерными на фоне происходящих в нашей стране процессов административно-политических, экономических и культурных “переделов” и преобразований могут оказаться попытки модернизации унаследованной от прежней социальной системы модели музея. Речь идет о превращении его социальный институт, способный решать реальные, (актуальные для соответствующего его положению региона) задачи. Этот институт должен быть готов участвовать и в решении таких первоочередной важности проблем, как межнациональные проблемы, поставленные в настоящем исследовании.

Варианты проектных решений

Для каждого из указанных в данной работе музеев предложена своя собственная концепция развития, для каждого очерчен свой круг задач и определены пути их решения. При всех отличиях между ними названные музеи обрели и ряд общих черт, обусловленных охарактеризованной выше пограничностью их культурного местоположения, а также общностью актуальной для них региональной проблематики.

Главное, что сближает объекты нашего рассмотрения в теоретическом аспекте организации их функционирования - это ориентация на практическое содействие развитию тех культурных образований, в среде которых они существуют. Это содействие в различных случаях имеет специфические особенности, исходя из уникальности реальных социально-культурных условий.

Так, например, в случае с Калининградским областным музеем его новая концепция преследует цель восстановить (а точнее - практически заново реконструировать) культурные связи между разноэтничными поколениями жителями жителей этого региона. Здесь, разумеется, речь идет не о наследовании русскими специфических для бывшего немецкого, а еще ранее - прусского населения, национальных культурных ценностей, а о тех наивысших

достижениях материального и духовного творчества прежних обитателей этой земли, которые по праву считаются достижениями всей европейской и общечеловеческой культуры. Именно поэтому, вне всяких сомнений, соответствующие общечеловеческие ценности требуют бережного отношения, преемственного использования, освоения как культурного наследия, принадлежащего всей цивилизации, в том числе, не в последнюю очередь, современным жителям Калининградской области.

Такая нравственная позиция по отношению к предшествующему немецкому населению региона задается авторами проекта будущей стационарной экспозиции музея путем создания понятного человеку любой национальности художественно-экспозиционного образа постигшей эту землю пять десятилетий назад трагедии, сопоставимой и сопоставляемой в экспозиции с другими этнокатастрофами, в том числе с происшедшей несколькими столетиями раньше катастрофой, которую потерпела древняя прусская культура.⁶

Если музей сможет такого рода оценки и убеждения сделать достоянием сознания нынешнего населения Калининграда, то можно надеяться, что холод настороженности, недоверия (иногда - антипатии и враждебности), который все еще нередко сквозит в отношениях между калининградцами и их гостями из Германии, будет растоплен, и почва для потенциальной напряженности отношений исчезнет.

Ориентация на взвешенное, уважительное отношение к наследию иных культурных общностей, заложенная в концепцию как фондовой, так и экспозиционно-выставочной работы Калининградского историко-художественного музея, является гарантом адекватного отражения и интерпретации всех других межэтнических взаимодействий, имеющих место в пределах Калининградской области.⁷

Главное, на что хотелось бы обратить внимание при рассмотрении концепции Ивангородского музея - это его переориентация с пропаганды успехов и достижений внешней политики Российского государства на ценности его внешней экономической и культурной политики. В концепции имеется специальный раздел "Задачи музея в сфере развития культуры межнациональных отношений".⁸ В этом разделе обосновываются идеи актуализации содержащихся в культурно-историческом наследии данного региона ценностей, образцов и норм стабильного, доверительного, взаимовыгодного, добрососедского отношения между народами. При этом специальное внимание уделяется выявлению и введению в культурное обращение памятников, обладающих значительным информационным и эмоциональным потенциалом воздействия на сознание людей в плане разоблачения реакционной, антигуманистической и деструктивной сущности

⁶ См.: Поляков Т.П. Сценарная структура основной экспозиции Калининградского областного историко-художественного музея // Опыт музейного проектирования: научная концепция, сценарий. Экспресс-информация РГБ, серия "Музейное дело и охрана памятников", вып. 1-2 М., 1992, с. 14-29.

⁷ Подробнее см. полный текст концепции разделы II.3 и III.3 / Научный архив КОИХМ /

⁸ См.: Никишин Н.А., Алексеева И.В., Балт Т.В. и др. Научная концепция Ивангородского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. М.: Изд. НИИ культуры, 1990, с. 50-51.

изоляционистских, агрессивных, конфликтогенных моделей межнационального общения.

Реализация этих идей в полном объеме предусматривается в рамках создания новой стационарной экспозиции музея.⁹ Ее авторы предлагают в яркой образной форме противопоставить культуру войны культуре мира. Делается это с философских общегуманистических, а не узких - "ура-патриотических" позиций - таким образом, что проходящая у стен Ивангорода граница России приобретает звучание не политического, а культурного символа, охватывающего, но не закрывающего "на замок" систему самых дорогих, воспетых в народных песнях и сказках, национальных духовных ценностей.

Работа над экспозицией Ивангородского музея-заповедника еще далека до завершения, однако он уже живет по новой концепции. Наиболее ярким проявлением этого было организованное музеем празднование 500-летнего юбилея города. В празднике не только как почетные гости, но и как полноправные действующие лица всех пунктов программы, в том числе музейной научной конференции, участвовали представители как России, так и Эстонии. Так конструктивная роль музея в развитии межнациональных культурных связей превращается из идеи в реальность.

Концепция Сарапульского музея - Музея истории и культуры Среднего Прикамья представляет собой пример еще более активного развития модели музея как посредника межкультурных связей. Находясь на точке пересечения основных транспортных путей региона (р.Кама, автомагистрали и железные дороги), соединяющих несколько республик и регионов России, Сарапульский музей взял курс на освоение всего спектра культурообменной деятельности и превращение в экстерриториальный центр межкультурных связей. Музей не ограничивается задачей взаимопредъявления различных культур друг другу такими, как они есть, в виде традиционных коллекционных стационарных и передвижных выставок мобильного базирования. Это само по себе очень важно для улучшения взаимопонимания и взаимообогащения различных этносов. Музей берет на себя и важную поисково-экспериментальную задачу, связанную с познанием освоением объективных закономерностей процессов, происходящих в контактных (переходных) зонах между различными территориальными общностями. Начатые исследования в этом направлении позволят музею дать собственную трактовку интересным новообразований, которые часто рождаются на стыках контрастных культур. Одним из таких новообразований является, например, феномен на редкость богатой, ни с чем не сравнимой, архитектурной среды г.Сарапула. Попыткой ее научного осмысления, анализа и художественной интерпретации станет находящаяся в стадии подготовки новая стационарная экспозиция музея (Автор сценария - Т.П.Поляков, автор архитектурно-художественного проекта - Ю.В.Калмыков). Главные символы экспозиции - Храм и Река, то, что объединяет, делает родными и равными друг другу всех обитателей Среднего Прикамья. Во вневременной модели Гормонии Мира, которая будет конструироваться с помощью знаково-символических средств, представленных музейными предметами, в экспозиции Сарапульского музея найдут свое место ценности и

⁹ Поляков Т.П. Сценарная концепция системы экспозиций Ивангородского музея-заповедника // Музееведение. На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. М.,1991.- с. 182-201.

русской, и удмуртской, и татарской, и башкирской, и марийской и коми-пермяцкой культур. Так предусмотрено в концепции музея и художественном проекте, которые летом 1992 года были вынесены на обсуждение экспертов и одобрены в рамках межрегиональной конференции “Музей в системе межнациональных культурных отношений”. Символично, что эта конференция, организованная на борту теплохода, плившего по Каме, и остановившегося во всех музейных городах, началась и закончилась в городе Сарapulе, как бы сделав полный обход тех самых культурных “границ”, охранять “покой” которых был призван этот необычный региональный, а точнее - межрегиональный музей.

Особое место среди музеев, которым суждено участвовать в решении межнациональных проблем, предстоит занять Музею истории Норильского промышленного района. Новая концепция, разработанная в 1993 году, предусматривает резкую активизацию роли музея в процессе организации культурного творчества как самого музейного коллектива, так и его социальных партнеров, в том числе музейных посетителей. В ходе творческого самовыражения, оптимальные условия для которого предполагается создать в музее, каждый желающий, представитель любой культурной общности (национальной, профессиональной, возрастной и т.п.) может заявить о своих проблемах, о своих духовных исканиях, о своих ценностных ориентирах.

Особая программа выставочной деятельности музея предусматривается для наглядного предъявления ценностей культуры проживающих на Таймыре этносов, представленных в Норильске объединениями типа землячеств. Среди тех, кто уже заявил о своей готовности участвовать в специализированных выставочных программах - еврейское, осетинское и украинское землячества.

Что касается представителей аборигенных народов, то их интересы в залах Норильского музея представляет Окружной краеведческий музей из города Дудинки. Он - участник организуемых в Норильске выставок, в том числе крупной стационарной выставки “Притча о Норильске” (автор художественного проекта А.А.Тавризов), открытой в 1993 году к 50-летию юбилею города.

Эта выставка, подготовленная коллективом музея, является первой пробой реализации новой музейной концепции, подготовленной при участии Лаборатории музейного проектирования Российского института культурологии. В соответствии с основными положениями этой концепции, авторы выставки, не копируя никаких общепринятых образцов, не прикрываясь официальными мнениями и авторитетами, попытались самостоятельно сформировать собственное оригинальное суждение о том, каким им представляется прошлое Норильска. Отличие выставки от прежних экспозиций состоит не в том, что в ней, наконец, даются ответы на все волнующие общество вопросы, в том числе об отношениях переселенцев и коренного населения. Наоборот, это в прежнем музее каждый вопрос имел заранее известный ответ. В новой выставке и в будущих экспозициях музей намерен не столько отвечать на вопросы, сколько их остро, по-новому ставить, оставляя за посетителем право самому искать и давать на них ответы, используя собственный жизненный опыт и те овеществленные ценностные ориентиры, которые представляются авторами экспозиции в ее пространстве.

В движении по этому пути, пути самоуважения и уважения к мнению других людей, к инокультурным системам ценностей и идеалов, видится одна из главных гарантий превращения музея в институт способный реально оказывать положительное влияние на решение таких сложных и многогранных проблем, как проблема межнациональных отношений.

Резюме

В заключение подчеркнем главные положения вышеизложенного:

1) Одним из возможных направлений поиска решения проблем в сфере межнациональных отношений является разработка путей модернизации функционирующих в соответствующих регионах музейных учреждений.

2) Музеи несут изрядную долю ответственности за то, что в некоторых регионах России имеет место определенная межнациональная напряженность, содержащая в себе опасность потенциальных конфликтов.

3) Музеи, функционирующие в зонах контакта и взаимодействия различных этнических культур, обладают определенными общими характеристиками, вытекающими из специфики стоящих перед ними задач, и поэтому могут рассматриваться как особая группа - музеи пограничных регионов.

4) Границы, на которых приходится разворачивать свою деятельность музеям, могут иметь различную природу, различную роль и функцию по отношению к разделяемым ими культурным образованиям. Соответственно, различной должна быть и роль музеев по отношению к культурным границам различных типов.

5) Музеи различных пограничных регионов могут и должны быть отличными друг от друга, особенно в экспозиционном выражении, однако между ними может и должно быть нечто общее - стремление к практическому содействию прогрессивному развитию разделенных границами культурных общностей - прежде всего за счет тех выгод, которые им дает близкое соседство и благотворное взаимовлияние.

**МУЗЕЙ В ЖИЗНИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА
(НА МАТЕРИАЛАХ МУЗЕЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
II-й пол.XIX - 30-х г.XX в.в.)**

Несколько лет назад проблема роли музея в жизни многонационального региона представляла главным образом академический интерес. Сегодня изучение названной проблемы имеет еще и практическую ценность. Это обусловлено прежде всего динамикой культурной жизни в России, особенно, на ее многонациональных окраинах. В условиях возросшего интереса общества к проблемам национальных культур перспективным становится изучение деятельности музеев в многонациональных регионах, условий образования и развития этих музеев, накопленный ими опыт в решении культурных вопросов в регионе. Критическое освоение этого опыта может способствовать прогнозированию работы музеев в многонациональных регионах. В качестве примера для исследования избран Ставропольский край. Этнокультурные процессы в этом регионе, особенно в последние годы, очень активизировались. Территория Ставропольского края с древнейших времен является зоной традиционных межэтнических контактов на Северном Кавказе. К этому располагает его географическое положение - на границе гор и степей. В настоящее время Ставропольский край граничит с 8-ю субъектами Российской Федерации, 6-ть из которых республики. По переписи 1989 года в его пределах проживают представители более 93 национальностей (Национальный состав населения края и типология семей. 1991. С.3). В последние годы этническая структура в крае заметно изменилась из-за миграции представителей отдельных этнических групп в пределах Кавказа. Так, с 1979 по 1989 год население армян в Ставропольском крае возросло на 79,1%, азербайджанцев увеличилось в 2.6 раза, даргинцев - в 2,1 раза, кумыков в 2,8 раза, лезгинов в 6,5 раза и т.д. За этот же период русское население возросло только на 8,2%. При этом доля русского населения в общей численности населения края последовательно снижается. Так в 1959 году она составляла 85,4%, в 1970 - 83,4%, в 1979 - 81,4%, в 1989 - 79,9% (Национальный состав населения края и типология семей. 1991. С.4). Описанная картина демографических процессов в Ставропольском крае ведет к нарушению устоявшейся этнической структуры и создает зоны межэтнического напряжения в регионе. В пользу актуальности настоящего исследования говорит и тот факт, что территория Ставропольского края в XIX веке являлась основной составляющей Кавказского наместничества, а в 20-30-е годы входила в состав Северокавказского края.

Для выявления роли музея в жизни региона необходимо исследовать его культурную среду. При этом "культурная среда" интерпретируется вслед за В.Ю.Дукельским как предметно-пространственная организация окружающего мира, природная среда в ее взаимоотношении с человеком, определенный образовательный уровень региона, характер и степень развития сети культурных учреждений в нем, соотношение различных, в том числе интернациональных и национальных черт в быту и образе жизни населения

(Дукельский Ю. М. 1989. С.110). Административно политическое устройство Ставропольской губернии проходило в несколько этапов, по мере военной и экономической колонизации Кавказа и установления в его пределах гражданского порядка. В 1785 году данная территория была организована в Кавказскую губернию и вместе с Астраханской губернией подчинялась Кавказскому наместнику (Бентковский И. 1886). В 1822 году Кавказская губерния была преобразована в область с центром в городе Ставрополе, а в 1847 году - в Ставропольскую губернию (Хронологический указатель достопримечательных событий и важнейших постановлений правительства в Ставропольской губернии и вообще на Кавказе.//Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии/Ставрополь. 1869. Вып. 2). А.Д.Градовский в статье, специально посвященной изучению института наместничества, пишет: "...должность наместника или генерал-губернатора носила в себе зародыш двух совершенно разных систем: с одной стороны, он должен был быть частью местных учреждений, с другой - исторические обстоятельства придавали этой должности чрезвычайный характер"(Градовский А.Д. 1904. С.112). Дело в том, что законодательно институт наместничества был оформлен в Учреждении о губерниях 1775 года, которое предполагало введение института наместничества на территории всего государства. Суть должности наместника излагалась в пункте 82 следующим образом: "Наместник не есть судья, но оберегатель Императорского величества изданного узаконения, ходатай за пользу общую и государеву, заступник утесненных и побудитель безгласных дел" (ПСЗ. СПб. 1830. Т. XX. N. 1522). Наместник возглавлял высший орган местной власти - губернское или наместническое правление. В начале XIX века, с учреждением министерств и министерского надзора, должность наместника стала лишним, промежуточным звеном между центральными и местными органами управления. В 1816, 1821, 1823 годах делались попытки реорганизовать институт с целью его сохранения (Градовский А.Д. 1904. С.с.217-222). Но противоречие между центральными органами управления и институтом наместничества, все более усилившееся с годами, привело к тому, что должность наместника приобрела "чрезвычайный характер" и сохранилась лишь в отдельных регионах Российской империи. Краткий исторический обзор института наместничества позволяет понять два основных положения, характеризующих его: первое - наместник возглавлял высший орган местной власти, второе - должность наместника носила исключительный характер и использовалась лишь в некоторых регионах России. Введению института наместничества на Кавказе способствовал ряд причин. В первую очередь, его полиэтничность и поликонфессиональность, мозаичность по степени экономической освоенности, по степени развитости государственности у народов, населяющих его, значительная удаленность от административного центра государства. Главным образом, в силу указанных причин в 1785 году на Кавказе был введен институт наместничества. Наместник имел полномочия "разрешать все случаи в порядке исключительном не требующие нового закона или постановления", "принимать на месте все меры обстоятельствами требуемые, донося прямо его Императорскому Величеству как о действиях своих, так и о причинах, к ним побудившим его", "по собственному усмотрению определять, увольнять, перемещать и удалять от должности чиновников в пределах Кавказского и Закавказского края до пятого класса включительно". Кроме высшей власти по гражданскому управлению, наместник

был Главнокомандующим войсками Кавказского военного округа и имел полномочия Войскового наказного Атамана Кавказских казачьих войск (ПСЗ. СПб. 1830. Т. XX. N. 14392) Существо столь огромной власти наместника обосновано в Учреждении для управления Кавказской областью 1827 года следующими причинами: 1) "чтобы по уважению дальних расстояний доставить всем частям его управления способы к удобнейшему в нужных случаях местному разрешению", 2) "чтобы единством и постепенностью надзора удостоверить сколько можно более правильность их движения". (Учреждения для управления Кавказской областью. СПб. 1827. Ч. 2. Г. 1). В 1883 году институт наместничества был преобразован в институт Главногоначальствующего гражданской части (ПСЗ. СПб. 1869. Т. 3. N. 1522). Смысл этой реформы заключался в попытке приблизить Кавказ к основному организму государства, передав управление различными отраслями хозяйства из ведения кавказского наместника в соответствующие министерства. От данной реформы пришлось отказаться, так как регион не был к этому готов. В 1905 году институт кавказского наместника был восстановлен согласно закону об "Учреждении управления Кавказского и Закавказского края" 1876 года (ПСЗ. СПб. 1908. Т. 15. N. 25891) и просуществовал вплоть до административных реформ начавшихся в 20-е годы XX века. Во внутреннем устройстве кавказского наместничества использовались те же структуры, что и в других регионах государства: губернии, области, округа и т. д. Но отличительная черта этих структур, как и всего Кавказа состояла в полиэтничности. В состав кавказского наместничества входили Ставропольская, Тифлисская, Эриванская, Бакинская, Кутаисская, Елизаветпольская губернии; области Терская, Кубанская, Дгестанская с входящим в нее Дербентским градоначальством; округа Закатальский, Черноморский и Сухумский отдел. В общей сложности, в восьмидесятые годы XIX века на территории Кавказского наместничества проживало около 5 500 000 человек (Эсадзе С. 1907. С. 309). Ставропольская губерния XIX-нач. XX веков, входя в состав Кавказского наместничества, занимала степную часть Центрального Предкавказья, и граничила с Кубанской областью, Войском Донским, Астраханской губернией и Терской областью. Это равнинная территория, ограниченная руслом Маньча на севере и постепенно переходящая в Караногайскую степь на востоке. Небольшие горные участки расположены лишь на северо-западе. Самые крупные реки - Кума, Большой Егорлык, Калаус, не являясь судоходными, имели решающее значение для развития земледелия в этом регионе. Общая площадь губернии к концу XIX века составляла 4 970 426 десятин земли, что являлось главным ее богатством (Смирнов М. 1913. С. с. 40-41). Со средневекового периода степи Центрального Предкавказья были освоены кочевниками-скотоводами: калмыками, ногайцами, туркменами. В XIX веке сюда переселились крестьяне из южных и северных губерний России. Подробно вопросы экономической колонизации Кавказа рассмотрены в трудах И. Бентковского (1876, 1804, 1880), Г. Прозрителева (1912, 1925), А. Фадеева (1957). Этническая структура губернии в своих основных чертах сложилась к 60-м годам XIX века. Население губернии можно представить двумя основными группами: русским, украинским крестьянством и кочевниками-скотоводами калмыками, ногайцами, туркменами. Пропорция оседлого и кочевого населения в 1868 году была следующей: 298 738 - оседлых жителей и 79 067 - кочевников (Сборник статистических данных о Ставропольской губернии. Ставрополь. 1868. Вып. I. С. с. 74-75). Внутреннее

административное устройство губернии было проведено в соответствии с этнической структурой региона. Помимо традиционных губернских институтов управления оседлым населением в 1825 году был введен институт Главного пристава кочующих народов. Главная цель названного института состояла в постепенной седентеризации кочевников и уравнивании их в правах с оседлым населением. Во главе всего института стоял главный пристав кочующих народов, в подчинении у которого находились частные приставы для управления ногайцами едисанского, едишкульского, джембойлуковского родов, караногайцами, туркменами и калмыками. В результате такого устройства институт Главного пристава с одной стороны имел те же степени управления, как и у оседлого населения: областное (главный пристав), волостное (частные приставы), уездное (помощники частного пристава); с другой стороны - работа всего института строилась на принципе управления кочевниками "в соответствии с их степными обычаями и обрядами", сформулированного в законодательстве 1827 года и сохранявшегося до начала административных реформ 20-х годов XX века (Учреждения для управления Кавказской областью. СПб. 1827) Такой способ устройства института управления кочевниками был наиболее прогрессивным для XIX века и использовался также в Сибири (проект графа Сперанского), в Астраханской губернии (проект губернатора Пяткина)(Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.249. Оп. 2. Ед.хр.2). Кризис кочевой культуры 60-70 годов XIX века ускорил процесс перехода кочевников к оседлой жизни в Ставропольской губернии. Для успешного проведения седентеризации администрацией губернии был предпринят целый комплекс мер: раздача земель в частное пользование кочевникам с условием их обработки, денежные ссуды, устройство поселений крестьян на свободных землях кочевников, устройство хлебо запасных магазинов, бань, больниц, читален, школ с преподаванием национальных языков, поддержка народных школ "медресе", "мектебе" и другие меры. В результате такой политики в регионе активизировались диффузионные процессы, характеризующиеся взаимопроникновением культур кочевников и окружающих их оседлых народов. Активность этих процессов не могла остаться вне поля научных интересов членов Ставропольского губернского Статистического комитета, для которых изучение кочевой культуры, процессов адаптации кочевников к изменившейся демографической ситуации, перспектив экономического развития региона было одним из главных направлений работы со времени основания комитета в 1858 году. На заседании Ставропольского статистического комитета 24 февраля 1905 года было принято постановление основать при комитете губернский музей, помещая на первое время поступающие коллекции при библиотеке Комитета (Журнал Ставропольского губернского статистического комитета. 24 февраля 1905 года. СГКМ. Ф. 2. Ед.хр. 168. Л.1). Контекст этого события становится понятным из доклада А.С.Собриевского, действительного члена Комитета, рекомендованного на должность Помощника Председателя. В выступлении на заседании 24 февраля он сформулировал несколько важных позиций для организации работы комитета. Во-первых, А.С.Собриевский подчеркнул необходимость развивать научную деятельность Статистического комитета. Эта функция статистических комитетов была обоснована в Положении о статистических комитетах от 26 февраля 1860 года и циркуляре от 8 апреля 1861 года министром внутренних дел графом ланским (статистический комитет

- "учреждение административно-ученое, а не просто административное"). Поле деятельности статистического комитета, как ученого общества, должен стать весь Северный Кавказ, так как Ставрополь долгое время являлся хозяйственным, административным, культурным центром региона. Это вторая важная позиция, изложенная А.С.Собриевским. Третья позиция состояла в том, что для успешной научной деятельности Комитета, особенно в области этнографических исследований, необходимо учреждение при нем музея (Журнал Ставропольского губернского статистического комитета. 24 февраля 1905 года. СГКМ. Ф. 2. Ед.хр. 168. Л.4-10). Этнографическим исследованиям региона придавалось особое значение и, в первую очередь, оно связывалось с необходимостью изучения кочевой культуры калмыков, туркмен и ногайцев, которая активно нивелировалась в результате проникновения в степь оседлой культуры. На это обстоятельство в названном докладе А.С.Собриевский обратил особое внимание участников заседания 24 февраля 1905 года. Изучение кочевой культуры в регионе помимо научных интересов имели и узко утилитарные. Успешное экономическое и культурное развитие региона в целом зависело от степени адаптации кочевников к новому экономическому укладу. Первоначально задачи изучения особенностей кочевой культуры были возложены на главного пристава кочующих народов (Устав 1827 года). С 1858 года функции изучения кочевой культуры в большой степени взял на себя Статистический комитет. В 1860 году члены статистического комитета провели первую этнографическую экспедицию в восточные и северо-восточные степи Ставропольской губернии. В результате появились описания степной фауны и флоры, почв, сделаны выводы о возможностях водоснабжения степи (Сборник Статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь. 1868). К началу XX столетия сотрудники статистического комитета собрали и опубликовали огромный статистический и историко-этнографический материал о калмыках, ногайцах и туркменах Ставропольской губернии. Эти исследования касались вопросов природно-климатических условий жизни в степи, фауны, флоры, водоснабжения; большая часть работ была посвящена этнографическим описаниям кочевников (жилищ, одежды, пищи, традиционных способов воспитания детей и пр.); были написаны оригинальные работы о природных условиях жизни в степи и о хозяйстве кочевого и оседлого населения. В совокупности эти исследования составили солидную теоретическую базу для анализа, прогнозирования экономических и культурных процессов в регионе. В феврале 1905 года эта тема получила логическое продолжение в решении создать губернский музей, чтобы не только изучать, но и сохранять элементы кочевой культуры. На заседании Ставропольского губернского статистического комитета 4 апреля 1905 года выступил Помощник Председателя А.С.Собриевский об устройстве Ставропольского губернского музея (Председатель - вице-губернатор Б.В.Гарднер). Участники заседания единогласно постановили: 1) Выразить благодарность непременно члену Комитета А.А.Польскому (главный пристав кочующих народов), любезно предложившему разместить на первое время музей в помещении Иностранного управления и выразившему полную готовность способствовать пополнению этнографического отдела; 2) Организовать особое попечительство по устройству и заведыванию губернным музеем и избрать членами этого попечительства И.А.Качинского, Г.К.Праве, А.А.Польского, А.С.Собриевского, Г.Н.Прозрителева, Д.И.Успенского, В.В.Таланова, К.С.Белецкого, А.П.Нормана,

Н.Т.Иванова, В.Н.Сергиевского; 3) Поручить попечительству обсудить вопросы устройства музея и приступить к сбору коллекций (Журнал Ставропольского губернского статистического комитета. 24 февраля 1905 года. СГКМ. Ф. 2. Ед.хр. 168. Л.19-20). 6 апреля 1905 года состоялось первое заседание Попечительства по устройству и заведыванию Ставропольским губернским музеем при губернском статистическом комитете. Вновь был рассмотрен вопрос о важности этнографического изучения региона. Главный пристав кочующих народов А.А.Польский предложил взять на себя заботу о приеме коллекций. В связи с этой задачей разработали форму инвентарной книги для фиксации сведений о предмете по следующим параметрам: 1) время поступления; 2) источник поступления; 3) название предмета и количество; 4) место находки и обстоятельства, по которым предмет был передан в музей; 5) особые сведения о предмете.

О всех поступлениях в музей, именах дарителей было решено сообщать в неофициальной части Ставропольских губернских ведомостей (Протоколы заседания попечительства о Музее северного Кавказа и перечень предметов, поступивших в Музей Северного Кавказа. Ставрополь. 1906. С.с. 3-4). На втором заседании члены попечительства рассмотрели программы нескольких столичных и губернских музеев России и выработали программу своего музея в соответствии с особенностями региона. Было решено создать следующие отделы: 1) естественно-исторический с подотделами геология, минералогия, палеонтология, зоология, ботаника; 2) этнографический с отделениями антропология и этнография; 3) исторический с отделениями археология и нумизматика; 4) сельскохозяйственный с подотделами земледелие и полеводство, животноводство, лесоводство и лесоразведение, садоводство, огородничество, виноградарство, виноделие, пчеловодство и шелководство; 5) санитарно-гигиенический; 6) народного образования; 7) кустарной и заводской промышленности. Каждый из названных отделов и подотделов возглавили члены Попечительства. Следующее заседание попечительства состоялось только через семь месяцев, 25 ноября 1905 года. Из протокола видно, что главная тема заседания была посвящена решению хозяйственных вопросов: размещение музея в помещении губернского статистического комитета вместе с библиотекой Статистического комитета, закупка музейного оборудования, открытие банковского счета для хранения денег, поступающих на счет музея, введение должности смотрителя музея и заведующего хозяйственной частью, на которую был назначен действительный член Комитета К.Г.Гаглазов (Протоколы заседания попечительства о Музее северного Кавказа и перечень предметов, поступивших в Музей Северного Кавказа. Ставрополь. 1906. С.с. 11-14). На четвертом заседании попечительства, 12 декабря 1905 года, А.С.Собриевский сформулировал главную цель музея в следующих словах: всесторонне представить местную жизнь во всех ее облюстях и проявлениях. При этом он еще раз подчеркнул, что под местным краем понимает весь Северный Кавказ, так как история Ставропольской губернии неразрывна с историей всего региона (Ставропольский Музей Северного Кавказа. Его задачи и программы по отделам. Ставрополь. 1906. С.с. 4-5). На этом же заседании были рассмотрены и отредактированы все программы работы по всем отделам музея. По содержанию программы представляют примерный перечень предметов, который необходимо собрать для каждого отдела (Ставропольский Музей

Северного Кавказа. Его задачи и программы по отделам. Ставрополь. 1906. С.с. 12-81). На шестом заседании попечительства, 20 мая 1906 года, был заслушан доклад Г.Н.Прозрителева о его поездке в Петербург для знакомства со столичными музеями и о заказе манекенов для губернского музея. Впоследствии манекены, выполненные по антропологическим типам региона, составили один из наиболее популярных разделов экспозиции. На этом же заседании А.С.Собриевский доложил о своей поездке в города Грозный, Владикавказ, Пятигорск и переданных в результате этой поездки новых коллекций для музея (Протоколы заседания попечительства о Музее северного Кавказа и перечень предметов, поступивших в Музей Северного Кавказа. Ставрополь. 1906. С.с. 15-32). 5 ноября в присутствии Председателя комитета, ставропольского губернатора Б.М.Янушевича и членов комитета было совершено молебствие по случаю освящения и открытия Ставропольского Музея Северного Кавказа (Отчет по изданию трудов Ставропольского губернского статистического комитета, его библиотеке и по Ставропольскому музею Северного Кавказа за 1905-1906 года. Ставрополь. 1908. С. 1). Открытый музей размещался в трех комнатах здания губернского правления, где были развернуты экспозиции в следующем порядке. В первой комнате размещались витрины с археологическими экспонатами, палеонтологическими коллекциями, коллекциями по отделу геологии и горнозаводской промышленности, зоологические коллекции. Во второй комнате разместили патолого-анатомические препараты, коллекции сельскохозяйственного отдела. Третья комната была отведена этнографическому отделу. Из-за нехватки помещений не были в полной мере развернуты отделы исторический, кустарно-промышленный. По сравнению с первоначальным замыслом не были созданы санитарно-гигиенический отдел и отдел народного образования. Можно подвести предварительный итог. Цель и структура Музея Северного Кавказа позволяют судить о том, что он являлся музеем местного края. Приоритетные стороны экономической, культурной жизни губернии были отражены в специально созданных отделах. Сбор экспонатов для Музея Северного Кавказа проходил достаточно интенсивно. В 1907 году в музее насчитывалось уже 3 000 экспонатов (ГАСК. Ф.96. Оп. 1. Д. 3522. Л.2). Прежде всего этому способствовала правильная постановка дела на начальном этапе организации музея. Она заключалась в четко разработанной структуре музея с подробными программами по отделам. Таким образом, фонды музея пополнялись благодаря личным усилиям заведующих отделами и подотделами. Большинство экспонатов было привезено в музей из служебных поездок членов Статистического комитета по губернии. Сборам экспонатов для Музея Северного Кавказа способствовало широкое обращение к населению через местные газеты "Северный Кавказ", "Ставропольские губернские ведомости". Особое место в будущем музее отводилось этнографическому отделу. Этнографическими сборами руководил главный пристав кочующих народов А.А.Польский. По его распоряжению частные приставы начали активно собирать в своих регионах экспонаты для музея в соответствии с примерным перечнем, составленным членами попечительства. О сборах экспонатов они докладывали в рапортах лично главному приставу. В Ставропольском государственном архиве в фонде главного пристава сохранены документы, которые позволяют восстановить процесс сбора этнографических экспонатов для музея в деталях. Например, записки от частных приставов, которые

сопровождали посылки с пожертвованными вещами для Музея северного кавказа; информация о частных посылках от калмыков Большедербетовского улуса с вещами для музея; такого же рода информация о посылках от жителей туркменского, Ачикулакского приставств; приговоры аульных обществ о выделении денег на закупку предметов для музея. Так общество кочевых туркмен пожертвовало из общественного капитала 3 500 рублей на устройство музея (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Ед.хр. 1754. Л.л. 9-10, 16, 22, 24, 26-27, 30-32, 34-35, 48-49, 50-52, 57-58). По задачам, структуре отделов Музей Северного Кавказа является примером музея местного края. Но первым музеем такого типа в регионе был Кубанский областной музей, учрежденный в 1879 году в Екатеринодаре. Музей был создан по инициативе Кубанского областного Статистического комитета и, в частности, его секретаря Е.Д.Фелицина. Уже в первые годы работы музей собрал значительные коллекции по археологии, этнографии, минералогии, ботанике, зоологии края, а также коллекции ценных книг, карт и др. В 1892-1907 годах прекратилась активная музейная деятельность в области. В первую очередь это было связано с переводом Е.Д.Фелицина на службу в Тифлис и с отсутствием средств на содержание музея. Положение совершенно изменилось в 1911 году, когда музей был взят на содержание из средств Кубанского войска и преобразован в Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей (Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) Ф.54. Ед.хр.990.Л.л.3,4). В Правилах по устройству и заведыванию музеем следующим образом определена его цель: "Учреждается в городе Екатеринодаре для хранения памятников старины и характерных предметов современного состояния Кубанской области"(Отчет по Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею за 1911-1912 годы. Екатеринодар. 1913. С.54). Таким образом, Кубанский музей определялся как музей местного края, зона действие которого распространялась на всю территорию Кубанской области. В результате активных сборов экспонатов для музея были организованы отделы антропологический, археологический, этнографический, естественно-исторический, промышленный и рыболовства. Названная структура музея демонстрирует принципиальный подход к изучению и музейному показу истории культуры в регионе. Экспонаты отделов антропологического, археологического, этнографического, естественно-исторического позволяли показать историю культуры человека во всеобщей связи в естественной природной среде. Кроме того, полиэтничность региона определяла состав коллекций этнографического отдела, куда собирались предметы быта, одежда, модели жилищ, изделия местных промыслов и т.д. русских, украинцев, черкесов, армян, греков и других народов, проживающих в регионе. В этот период администрация Кубанской области принимает деятельное участие в культурной жизни региона. Предметом особых забот является охрана памятников древности, изобилующих на территории Кубанской области, в связи с чем начальником области издаются циркулярные распоряжения следующего рода: "О преследовании хищнических раскопок и привлечении виновных к уголовной ответственности", "О преследовании хищников и пересылке в музей отобранных археологических предметов за счет станичных обществ" и другие (Отчет по кубанскому... С.9). В 1893 году Статистический комитет Терской области был создан музей местного края в городе Владикавказе. Цель музея определялась в следующих словах: "для

охраны и собирания памятников старины, изучения древностей, быта и истории края". При этом под "краем" понималась территория Терской области в пределах Осетии, Чечни, Кабарды, Балкарии, Ингушетии, окрестностей Владикавказа и станиц Терской области. Работа музея выражалась в принятии мер по охране памятников старины, организации археологических и этнографических исследований, чтении популярных лекций по истории региона. В результате в музее были организованы отделы антропо - географический с подотделами военно - историческим, археологическим, художественным и этнографическим; естественно - исторический с подотделами зоологическим, ботаническим, геологическим и экономическим. Кроме того, в музее имела библиотека с богатым собранием книг по кавказоведению и препараторская (Семенов Л.П. 1925). В структуре Владикавказского музея, как и рассмотренного выше Кубанского, присутствуют отделы или подотделы антропологии, археологии, этнографии, естественной истории. Причем, в данном случае использован принцип выделения антропологии и географии в один отдел с подотделами археологическим и этнографическим, что в совершенстве олицетворяет идею этнологического подхода к изучению истории культуры региона. При этом характер коллекций этнографического отдела определялся этнической структурой региона. В отчете по этнографическому отделу говорится о том, что отдел знакомит посетителей с мирным бытом народов Северного Кавказа: осетин, кабардинцев, балкарцев, казаков, чеченцев, ингушей, караногайцев. Экспонаты археологического отдела были так же собраны в пределах Терской области путем археологических обследований и, как сказано в отчете, "давали наглядную картину эволюции предметов материальной культуры древних обитателей Северного Кавказа". В тех же самых географических зонах были проведены обследования фауны, флоры и т.д.(Семенов Л.П. 1925).Музей с первых лет основания являлся предметом постоянного внимания и забот со стороны войскового управления и местного общества: город предоставил безвозмездно участок земли на Соборной площади для строительства специального здания для музея, к постройке которого приступили в 1902 году на средства, от пожертвователей (более 5 000 рублей) и Терского войска, а с 1911 года музей полностью содержался на средства Терского войска. Рассмотренный материал из истории развития местных музеев на Северном Кавказе позволяет сделать следующие выводы. Местные музеи в регионе сформировались на теоретической и методологической базе, созданной работой областных и губернских статистических комитетов. С одной стороны, статистические комитеты входили необходимым звеном в органы административного управления областью, губернией, наместничеством и т. д. С другой-они являлись научными центрами в провинциях. В результате, местные музеи, устраиваемые силами статистических комитетов, рассматривались необходимым элементом в их работе. Что касается методов, выработанных статистическими комитетами в процессе изучения культуры региона, то они заключались прежде всего в комплексном подходе. Такой подход к изучению культурных процессов сам по себе не являлся уникальным для Кавказа или для другой любой провинции. Во второй половине XIX века, а тем более в начале XX века, этнологический метод исследования культуры стал традиционным в России. Кроме Кавказа, где эта идея нашла воплощение в устройстве и методах работы местных музеев, следует назвать Сибирь. Сибирские музеи местного края явились пионерами в

развитии провинциального музейного дела. Научными базами для их создания были в первую очередь сибирские отделения Русского географического общества (Равикович Д.А. 1960). Сама идея создания музеев в провинциях зародилась в России в 70-е годы XIX века. Теоретики этой идеи П.С.Уварова (1888), Д.Клеменц (1892), Ф.Кон (1902), Н.Могилянский (1917), Н.Романов (1919), А.Тугаринов (1915, 1922), Б.Вишневский (1920), Б.Адлер (1920) и другие. Благодаря их работам к 20-м годам XX века под местным музеем понимали особый общественный, культурный институт провинции, которому присущи две основные черты: региональность и комплексность. Местный музей понимался как исследовательское (научное) и просветительское учреждение с функциями коллекционирования, документирования и популяризации культурного наследия в регионе. Наконец, на местный музей возлагалась функция музея-храма - центра духовного развития местного общества. Так как коллекции музея складывались в результате его взаимоотношения с природным и социальным окружением, то можно считать, что местный музей являлся новой формой освоения культурного наследия, в основе которого лежал этнологический метод. Таким образом, к двадцатым годам двадцатого века в российской науке существовала прочная традиция изучения культуры человека, основывающаяся на этнологическом методе. В провинциях она реализовывалась в местных музеях. Северокавказские местные музеи пример использования этнологического метода в полиэтничной среде, где открываются еще большие возможности - развитие диалога культур в стенах музея. В 20-е годы XX столетия этнологический метод был реализован в сети археолого-этнологических институтов и комиссий, сеть которых в России, особенно на окраинах, была создана по инициативе Академии истории материальной культуры. На Северном Кавказе предполагалось создать Екатеринодарский Археолого-этнологический институт с отделениями в Ставрополе, Владикавказе, Пятигорске. Вопрос об организации такого института обсуждался на I - Северокавказской конференции по делам музеев в 1921 году. Как сообщает Я.А.Назаренко в статье "Музейное дело, охрана и изучение культуры на Кавказе", на конференции выяснилось, что "Кавказ переживает полосу увлечения этнолого-археологическими изысканиями": в 1920 году были организованы исследовательские экспедиции на Кубань (черкесские аулы, Тамань), на Терек (Осетия, Ингушетия, Дагория, Картолиния), в районы Пятигорска, Маджар и др. (Назаренко Я.А. 1922). В 1921 году учредили этнолого-археологические комиссии в Екатеринодаре, Ставрополе, Владикавказе (ГАСК. Ф. Р-645. Оп.1. Ед.хр.7. Л.8а). В условиях гражданской войны и последующей экономической разрухи они объединили на некоторое время научные силы в регионах и организовали исследовательскую работу. В 1921 году Екатеринодарская этнолого-археологическая комиссия вместе с Кубанским областным музеем начала экспедиционную работу на Таманском полуострове. Археологические коллекции этих экспедиций легли в основу Таманского музея (ОПИ ГИМ. Ф.54. Ед.хр. 990. Л.7). В Ставропольской губернии этнолого-археологические исследования возглавил Музей Северного Кавказа, на базе которого организовалась комиссия (Северокавказский институт краеведения // Жизнь национальностей. 1923. N. 5. С.с.156-157). Г.Н.Прозрителев (директор музея и председатель этнолого-археологической комиссии) разработал долговременную программу этнологического исследования губернии. Но осуществить ее практически не удалось из-за отсутствия средств,

исследования ограничались окрестностями города Ставрополя. Метод этнологических исследований лег в основу организованного в 1920 году в городе Владикавказе Северо-Кавказского института краеведения. В структуру института был включен Владикавказский областной музей. Институт ставил цель всестороннего и систематического исследования Северного Кавказа и сбора коллекций для музея. В 1924-1925 году институт провел этнологические обследования Кобанского, Даргавского, Санибанского, Курташинского ущелей. Институт имел научные контакты с Российской академией материальной культуры и Центральным музеем народоведения. На его Ученых советах с докладами выступали профессор А.А.Миллер (о результатах экспедиции РАМК в горную Осетию), профессор Л.И.Жирнов (об этнолого-лингвистической экспедиции в горный Дагестан), Е.М.Шиллинг (об этнологических исследованиях Центрального музея народоведения в районах Дагестана и Осетии). Кроме того, Северо-Кавказский институт краеведения занимался организацией музейного дела в Грозном и Махач-Кале. В 1921 году директор Строгановского училища Н.В.Глоба организовал в городе Владикавказе Художественно-промышленный институт с отделениями по истории искусства и археологии (Семенов А.П. 1925. С.5). В этот же период на Северном Кавказе активно развивается музейная сеть. Анализ динамики этого процесса позволил установить следующие тенденции. В 1920-1921 годах в регионе возникла большая группа музеев, в основу которых легла традиция комплексного музея XIX века (Таб. 1).

Таблица 1

Музеи комплексного профиля Северо-Кавказского края 20-х гг. XX в.

Год основания музея	Название музея	Отделы музея
1920	г.Ейск, Ейский музей	1)географический с п/о этнографическим, 2)фауны, 3)экономический с п/о рыболовства и с/х
1920	г.Сочи, Сочинский музей	1)естественно-исторический 2)геологический 3)палеонтологический 4)зоологический 5)библиотека 6)лаборатория
нач.1920-х	ст.Кавказская, Кавказский музей находится в тяжелом положении из-за отсутствия омещения,	информации об отделах нет
нач.1920-х	г.Анапа, напский музей	информации об отделах нет
1920	г.Геленджик,	1)общеобразовательный

	Геленджикский музей	2)промышленный
1921	ст.Тамань, Таманский музей	Екатеринодарская этнолого-археологическая комиссия предложила создать археологический музей
1921	ст.Темрюкская, Темрюкский музей	1. естественно-исторический, 2. этнографический, 3. производственный
1921	г.Пятигорск, Прикумский районный	информации об отделах нет

Интересно отметить, что структура музеев этой группы достаточно хаотична. Это объясняется отчасти тем, что в 20-е годы большинство музеев были лишены материальной поддержки или она была столь скудной, что активного комплектования отделов музея не могло проходить. Отчеты по музеям Северного Кавказа пестрят информацией об их бедственном положении: Армавирский округ: "положение музеев не блестяще, отсутствует подходящее помещение, недостаток средств, малый оклад" (ГАСК. Ф.Р-1077. Оп.1. Ед.хр.77. Л.47); -Усть-Лабиск: положение музейного дела "крайне слабое, безотрадное" (ГАСК. Ф.Р-1077. Оп.1. Ед.хр. 22. Л.л. 58,77); Ейск: музейное дело развито "крайне слабо", недостаток средств, Ставрополь: Губернский центральный народный музей "в следствии катастрофического его состояния за отсутствием топлива начал приходить в полный упадок" (ГАСК. Ф.Р-645. Оп.1. Ед.хр.12. Л.27); Ставрополь: Музей Северного Кавказа находится в вынужденном бездействии из-за отсутствия средств, поэтому дело охраны памятников в губернии находится в "печальном состоянии и даже вовсе отсутствует" и т.д.(ГАСК. Ф.Р-645. Оп.2. Ед.хр.11. Л.1). Кроме финансовых трудностей музеи местного края, работавшие в пределах губернии, области, в 20-е годы XX в. были лишены этих территорий и административной поддержки в следствие административно-территориальной реформы на Северном Кавказе. Рассмотрим следующую группу музеев, учрежденных на Северном Кавказе в 20-е годы.

Таблица2

Национальные музеи

Год основания	Название музея	Отделы музея
1921	Нальчик, Кабардино-Балкарский областной музей	1)естественно-исторический с п/о минералогия, 2)историко-археологический, 3)этнографический, 4)революционный
1921	Баталпашинск, Баталпашинский музей КЧАО	1)Краеведения, 2)Зоология, ботаника, 3)Мироведение, 4)Военный, 5) Сельско-хозяйственный
начало 1920-х	Кисловодск, Карачаевский музей	Отделы музея не сформировались

1925	Краснодар, Адыгейский областной музей	1)Историко-этнографический, 2)Археологический, 3)нумизматический, 4)Революционный (с 1926 г.), 5)библиотека
1926	Ростов-на-Дону, Музей горских народов	1)Историко-культурный с п/о геолого-минералогическим, палеонтологическим, археологическим, истории города Ростова, истории Донского казачества, 2)Художественный отдел, 3)Отд. этнографии с п/о адыгейским, карачаевским, ингушским, осетинским, кабардино-балкарским, чеченским, 4)Истории религии с п/о религии современных дикарей, культа древних народов, шаманского, магометанского, буддизма, православия, 5)Экономический с п/о промышленным и сельскохозяйственным
1927	Орджоникидзе, Ингушский музей	путем раздела Владикавказского областного музея
1927	Орджоникидзе, Осетинский музей	путем раздела Владикавказского областного музея

Развитие музеев этой группы непосредственно связано с национальной политикой Советского государства и ее основным принципом "самоопределения", который реализовался на практике в национальных автономиях. Процесс национальной автономизации на Северном Кавказе развивался особенно активно в силу полиэтничности региона. К середине 20-х годов образовались Кабардино-Балкарская, Карачаевская, Адыгейская, Чеченская, Черкесская, Осетинская автономные области. (см. таб.2) Автономизация территории, особенно в 20-е годы, проходила по национальному признаку (Герценберг И. 1920). В результате музеи, образовавшиеся в национальных автономиях, сложились как музеи доминирующего этноса. Рассмотрим некоторые страницы из истории развития национальных музеев в 20-е годы, чтобы понять особенности культурной ситуации на Северном Кавказе в этот период. В 1921 году началась работа по организации Кабардино-Балкарского областного музея. С этой целью в город Нальчик был командирован Н.И.Ермоленко, хранитель Терского областного музея во Владикавказе. Практически без средств, в голодном 1922 году он собрал 1197 экспонатов, имея одного сотрудника - сторожа Кривову. Цель будущего музея Ермоленко определил следующим образом: "для изучения края во всех его отношениях, для представления картины в бытовом и экономическом отношениях, для выяснения природных богатств края, как на поверхности земли, так и недрах ее содержащихся, для изучения древней культуры аборигенов края" (Ермоленко М.И. 1928 С.1). Перед нами цель традиционного музея местного края, где под "краем" понимается территория автономной области, в основу исследования которой положен комплексный метод. Собранные в 1921 году экспонаты позволили создать в музее отделы этнографии, естественной истории (с подотделами геологии и минералогии), археологии, революции. Чаще всего не имея средств Ермоленко один или с

группой местных школьников проводил археологические раскопки, этнографические сборы или с сумкой через плечо отправлялся вдоль рек для сбора окаменелостей, почв, осмотра размылов древних городищ, стоянок и т.д. В 1923 году он собрал для музея 2155 экспонатов (по археологическому отделу-756, по этнографическому-175, по минералогии и геологии-3378, по естественной истории-116, по отделу революции-519, по нумизматике-92 и др.). В 1927 году в музее работают все те же два сотрудника - Ермоленко и Кривова, в 1928 году - ситуация не изменилась. Тем не менее, музей приобретает популярность у местных жителей. Ермоленко по этому поводу пишет: "Против ожидания, музей, чем дальше - тем больше посещается националами-горцами и их женщинами. Идут целой гурьбой, с детьми и подростками, с живым интересом осматривают предметы и непременно ощупывают их руками, много задают вопросов". И далее: "Туземцы из аулов заходят в музей группами. Каждый туземец из учебного городка при явке к нему из аулов родственников обязательно ведет их в музей показать редкости"(Ермоленко М.И. С.с. 6, 11). В 1927, 1928 годах Ермоленко публикует брошюры "Археология Кабарды и Балкарии", "Прошлое Кабардино-Балкарского края", "Через шестьдесят лет (появление езды на арбах в горах Балкарии)", "Путеводитель по Кабарде и Балкарии". В 1928 году в музее уже было собрано 919 экспонатов по естественно-археологическому отделу, 1006 - по этнографическому отделу, 2 087 - по революционному отделу. Организация Адыгейского музея проходила в более подготовленной культурной среде города Екатеринодара (Краснодара). Идея создания этнографического Черкесского музея была в первые реализована в 1865 году командиром казачьего полка, историком И.Д.Попко. Он устроил небольшой музей в старом ческеском доме в станице Ключевой Кубанской области. О судьбе музея ничего не известно, но к идее изучения черкесской культуры возвратились в 1916 году, когда Черкесское благотворительное общество решило организовать музей. Этот проект реализовали только в 1925 году. Таким образом, в 1925 году в городе Краснодаре был организован Адыгейский областной музей, первоначально получивший название Историко-этнографический музей. Благодаря интенсивным экспедиционным сборам в 1926 - 1928 годах в музее были открыты историко-этнографический, археологический, нумизматический и революционный отделы (Адыгейский областной музей. Краснодар. 1929). Баталпашинский музей Карачаево-Черкесской Автономной области был организован в 1921 году на базе Музея учебных наглядных пособий Баталпашинского отдела Кубанской области. В 20-е годы этому музею не удалось развиваться в полноценное культурное учреждение. Причины к этому были, во-первых, отсутствие всяких средств и, кроме того, многократная административная переорганизация региона (до 1923 года Черкеская и Карачаевская автономные области существовали самостоятельно, слияние в единую автономию вновь закончилось разделением в 1926 году на самостоятельные структуры) (ОПИ ГИМ. Ф.54. Ед. хр.979. Л.л.1, 26). Столь же неудачной оказалась попытка создать Карачаевский музей в городе Кисловодске (ГАСК. Ф. Р-1077. Оп.1. Ед.хр.22). Осетинский и Ингушский музеи возникли из коллекций Терского областного музея в городе Владикавказе путем его раздела в 1927 году (ОПИ ГИМ Ф.54. Ед.хр. 977. Л.л. 2,3). В качестве центрального музея всей системы национальных музеев на Северном Кавказе был организован Северо-Кавказский краевой музей горских народов в городе Ростове-на-Дону. Выбор именно Ростова для создания Музея

горских народов, связан с тем, что он стал административным центром вновь созданного Северо-Кавказского края, вобравшего в себя территорию Ставропольской и Кубано-Черномоской губерний, Терской и Донской областей.(см. таб.2) Ряд письменных источников позволит в деталях познакомиться с процессом организации музея: -в феврале 1926 года на Совещании ответственных работников музейного отдела (председатель А.И.Троцкая, секретарь А.В.Розенцвейг) было принято решение ликвидировать Донской музей и создать Центральный общегорский музей в городе Ростове "в интересах изучения культур горских Автономных областей и просвещения горских народностей (ГАСК. Ф. Р-1077. Оп.1. Ед.хр.1. Л.2). -в мае 1926 года состоялось заседание Малого Президиума Северо-Кавказского крайисполкома, принявшего решение "считать целесообразным слияние Владикавказского музея с Донским с тем, чтобы преобладала в работе музея линия по изучению культуры горских народов", для чего было решено перевезти Северокавказский институт краеведения в Ростов из Владикавказа и организовать его вновь при музее, назвав "Горским институтом краеведения" (ГАСК. Ф. Р-1077. Оп.1. Ед.хр.1. Л.1). -в ноябре 1926 года сотрудники Северокавказского института краеведения на совещании по вопросу о переводе института и музея в Ростов высказались против этого проекта, объясняя свое решение тем, что Владикавказский музей "имеет местное значение и перенесение части этого музея в Ростов-на-Дону и раздел другой части по национальным музеям уничтожит уже работающий культурный центр, не дав в замен ничего". Что касается института, то в Ростове он будет лишен тесной связи с национальными институтами и станет ненужным учреждением (ГАСК. Ф.Р-1077. Оп.1. Ед.хр.5. Л.15). Таким образом, Музей горских народов предполагалось создать путем слияния части коллекций Донского музея в городе Ростове-на-Дону и Терского областного музея во Владикавказе. Возрождения сотрудников Института краеведения не были учтены и проект реализовали. В Положении о Музее горских народов задачи учреждения определены следующим образом: 1)изучать горские народы Северного Кавказа на основе их прошлого, нравов, быта, социальной культуры, демографии населения, экономических ресурсов, а также материалов исторических и современных, собираемых, исследуемых и хранимых Музеем, 2)вести широкую массово-просветительную работу на основе научно-собранных и изученных материалов. Для реализации этих задач в музее предполагалось создать правление, научную коллегию, бюро просветительной работы, научные отделы, хозяйственную часть. В Научную коллегию, кроме работников музея, планировалось вхождение сотрудников Горского института, Северокавказского бюро краеведения. Благодаря чему этот орган должен был выполнять координационные функции, создавать условия для комплексных научных исследований региона (ГАСК.Ф.Р-1077. Оп.1. Ед.хр.1. Л.6) Приоритетное место в структуре музея отводилось отделу этнографии Кавказа, собрания которого классифицировались по принадлежности каждой автономии: Адыгейской, Карачаевской, Осетинской, Ингушской, Кабардино-Балкарской, Чеченской и Дагестана (ГАСК. Ф.Р-1077. Оп.1. Ед.хр.15. Л.5). Экспонаты этнографического отдела предполагалось показывать на фоне природной и культурной среды региона, о чем позволяет судить проект историко-культурного отдела, отдела истории религии (см.таб. выше) (ГАСК. Ф. Р-1077.Оп. 1. Ед.хр. 28. Л. 17). Методическое руководство музеем должен был осуществлять Центральный музей народоведения, в свою очередь Музей

горских народов должен был играть такую же роль по отношению к национальным музеям в автономиях (ГАСК. Ф. Р-1077. Оп.1. Ед.хр.27. Л.3). Административно Северокавказский музей краеведения находился в ведении Крайнацсовета и в общем ведении Главнауки (ГАСК. Ф. Р-1077. Оп.1. Ед.хр.1. Л.11). Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что в двадцатые годы на Северном Кавказе была создана сеть национальных музеев в соответствии с административным устройством региона: центральный национальный музей находился в административном центре края, периферийные - в административных центрах автономных областей. Структурное устройство музеев этого периода соответствовало концепции национального музея, выработанной к 20-м годам XX века в России. Ее суть изложил профессор Б.Адлер в 1922 году в газете "Жизнь национальностей" (1922). Б.Адлер понимал под национальным музеем учреждения, воплощающие "национальные идеалы и стремления как их понимает тот или иной народ". По мнению Адлера, такие учреждения могут быть двух типов. Первый тип - это музей, в котором собраны предметы, созданные "исключительно" своим народом. Второй тип - музей, в собирании которого участвует вся нация и считает его своей гордостью. Он называет в качестве примера Британский музей, Национальный музей в Берлине, Румянцевский музей. Такие музеи должны быть региональными и состоять из трех отделов: 1) введение в природу (геология, почвоведение, минеральные богатства), 2) человек (археология края, история, этнография, статистика, экономика), 3) художественный отдел или отдельный музей. Приоритет должен быть отдан этнографическому отделу. Потребность создавать национальные музеи, считает Б.Адлер, приходится на периоды подъема нации или, напротив, когда она нуждается в искусственном подъеме, перенося тяжелые минуты унижений и испытаний. Но реализация многих проектов 20-х годов могла осуществляться в весьма скромных размерах из-за материальной необеспеченности. Уже в 1928 году заведующий Музеем горских народов сообщил в Крайнацсовет о катастрофическом финансовом положении музея. Он мог позволить себе содержать лишь одного научного и одного технического сотрудника, которые не могли, конечно же, реализовать столь масштабный проект, каким был Музей горских народов (ГАСК. Ф. Р-1077. Оп.1. Ед.хр.19. Л.л.18-19). Кроме того, сеть национальных музеев на Северном Кавказе была столь же односторонней, как и действия по административному переустройству региона: она ориентировалась на обслуживание культурных запросов горских народов. Это не могло не проявиться в кризисных явлениях в таком полиэтничном регионе как Кавказ (по переписи 1926 года на Северном Кавказе зарегистрировано 100 национальностей) (ГАСК. Ф. Р-645. Оп.1. Ед.хр.42. Л.1). В 1921 году Г.Н.Прозрителев в газете "Власть Советов" выступил со статьей о бедственном положении туркмен Ставропольской губернии. Лишения, вызванные Гражданской войной, усугубились для туркмен, калмыков, ногайцев Ставропольской губернии упразднением института Главного приставства кочующих народов, обеспечившего условия постепенного перехода от кочевого уклада к оседлому. Г.Н.Прозрителев писал: "...совершается на глазах у всех великая драма: исчезают живые среди живых и должны исчезнуть, пораженные жизненным ударом за то, что не могут идти в ногу с мощным ходом нового уклада" (Прозрителев Г.Н. 1921). Откликом на эту статью явилось выступление в газете Наркомнаца "Жизнь национальностей" Ш.Н.Ибрагимова с

предложениями выделить территорию проживания туркмен в особую административную единицу, оказать материальную поддержку их скотоводству, возобновить работу больницы и др. (Ибрагимов Ш.Н. 1922а, 1922б). В 1922 году территории туркмен, ногайцев и караногайцев Северного Кавказа были включены в состав Дагестанской республики в результате чего на некоторое время ситуация стабилизировалась (Чрезвычайный съезд представителей караногайского, ногайского и туркменского народов. 1922). Но проблема не была решена. Страницы газеты "Жизнь национальностей" за 1922-1923 годы буквально заполнены сообщениями из Сибири, Средней Азии, Поволжья и других регионов о бедственном положении малых этносов. В ответ на эти сообщения российские ученые Б.Богороз-Тан (1922, 1923), Д.Янович (1922), П.Островский (1922), Б.Соколов (1923) выступили с предложениями к Проекту управления, охраны территории малых этносов и организации этнографических исследований на местах. В качестве меры, направленной на изучение малых этносов Северного Кавказа, в 1931 году крайисполком постановил включить в зону работы Музея Горских народов семь районов расселения национальных меньшинств: 2-х армянских, греческого, туркменского, немецкого, калмыцкого и шапсугского (ГАСК. Ф.Р-1077. Оп.1. Ед.хр. 34. Л. 34). В 1933 году в музее был разработан проект Отдела национальных меньшинств, который реализовать не удалось из-за новых административных реорганизаций Северного Кавказа. Рубеж 20 - 30-х годов в жизни Советского государства характеризуется окончательным отходом от культурных традиций XIX века. Основную тенденцию этого времени можно выразить следующими фразами: широкое наступление социализма, обострение борьбы на идеологическом фронте, коренная перестройка общественных наук на основе марксистско-ленинской методологии. С начала 30-х годов наступил новый этап и в жизни музеев.

1926	1933	1934
1)Исторический с п/о геолог-минералогическим и палеонтологическим, археологическим, истории города Ростова, истории Донского казачества, 2)Художественный отдел, 3)Отдел этнографии Кавказа с п/о адыгейским, карачаевским, осетинским, ингушским, кабардино-балкарским, чеченским, 4)истории религии с п/о религии	1)исторический отдел с п/о родовой строй, феодализм, крепостничество, капитализм, 2)социалистическое строительство с п/о соц. Нац. Строительство, соц. С/х , культурная революция, революция, дорожный.	1)исторический с п/о народы С.Кавказа до царского завоевания, завоевание С.Кавказа царизмом и борьба горцев за освобождение, колониальный режим, нац.-освободительные движения на С.Кавказе до 1905 года, 2)отдел революции 1905 года, Октябрьской революции и Гражданской войны, 3)отдел социалистического строительства с п/о индустриализация нац. Областей С.Кавказа и ДАССР, социалистическая реконструкция сельского хозяйства, культурная

современных дикарей, культ древних народов, шаманство, магометанство, буддизм, христианство, 5)экономический с п/о промышленным и с/х		революция, дорожное строительство, 4)отдел политпросветителей.
--	--	--

Реорганизация музеев в тридцатые годы распространилась и на национальные музеи. Реорганизация сети национальных музеев на Северном Кавказе в первую очередь коснулась работы Музея горских народов. Она основывалась на принципах реорганизации работы Музея народоведения. Соответственно были сформулированы задачи музея: 1)"в корне перестроить устаревшую экспозицию музейных собраний", наполнив ее "четким идеологическим содержанием на основе марксизма-ленинизма", 2)работа музея должна быть подчинена "интересам и требованиям социалистического строительства, коллективизации, культурной революции", 3)"музей должен показать классовую борьбу в прошлом и настоящем" (ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Ед.хр. 34. Л.1). За лето 1931 года музей полностью провел реконструкцию отдела этнографии Кавказа на новых принципах, коллекции из отделов художественного, истории религий были переданы в другие учреждения (ГАСК. Р-1077. Оп.1. Ед.хр. 28. Л.50). Гораздо медленнее процесс реорганизации проходил в автономных областях. Об этом свидетельствуют различные источники (Подгорнов В., Крупнов Е. 1933). Мерой, ускорившей этот процесс явилось постановление 1933 года "О состоянии и задачах музейного дела в АССР и АО". Постановление акцентировало внимание на том, что музеи в национальных областях "должны действительно являться опорными пунктами марксистско-ленинского воспитания на основе вовлечения масс в изучение революционной классовой борьбы, производственных сил автономных областей или республик, естественных богатств, хозяйственных и культурных достижений" (ГАСК. Ф. Р-1077. Оп.1. Ед.хр.50. Л.3). Результатом этого постановления явилась новая структура Музея горских народов, разработанная на I-й конференции музеев Кавказа и Крыма в 1934 году (ГАСК. Ф. Р-1077. Оп.1. Ед.хр.34. Л.46). Логика процесса реорганизации национальных музеев хорошо видна в приведенной ниже схеме динамики развития структуры отделов Музея горских народов в 1926-1934 годах.

Осуществить проект 1934 года по реорганизации музея не удалось, так как в 1934 году Северокавказский край был разделен на Азово-Черноморский с административным центром в городе Ростове-на-Дону и Северокавказский с административным центром в городе Пятигорске.(см.таб.2) Встал вопрос о перевозке музея во вновь образовавшийся Северокавказский край. Но из-за отсутствия средств и помещения музей после долгих мытарств был упразднен (ГАСК. Ф. Р-1077. Оп.1. Л.46). В 1934, 1935 годах в журнале "Советский музей" были напечатаны статьи А.Тахо-Годи (1934) и С.Толстова (1935), которые по сути изложили новую концепцию национального музея. Вот ее тезисный вариант: -Экспозиция национального музея должна строиться в соответствии с положениями Ленина по национально-колониальному вопросу, на основе показа ленинско-сталинской национальной политики партии.-в экспозиции

должны быть показаны темы социально-экономических отношений, предшествовавших русскому завоеванию, история русского завоевания, социалистическое строительство. в методе показа музеи должны отказаться от "кунсткамеры", ликвидировать показ случайных вещей и ответить новым оформлением музея требованиям лозунга т. Сталина о культуре национальной по форме и социалистической по содержанию". Проведенное исследование на материалах музеев Северного Кавказа во II-й пол. XIX - 30-е гг. XX в. позволяет выделить несколько этапов в развитии и функционировании музеев в многонациональном регионе. Первый этап, рамки которого можно обозначить II-й пол. XIX-до нач. 20-х гг. XX в., характеризуется развитием в административных центрах Северного Кавказа музеев местного края: Кубанского областного, Владикавказского областного музеев, Музея Северного Кавказа. Эти музеи были учреждены на базе местных Статистических комитетов. В основу их научной работы по исследованию региона был положен этнологический метод, прочно утвердившийся в России этого периода. Этнологические исследования определили структуру музейных коллекций, в состав которых непременно входили коллекции по естественной истории, археологии, антропологии, этнографии. Полиэтничность Северного Кавказа и каждого отдельного региона, в которых формировались музеи, возложила на местные музеи дополнительные функции: комплектование в этнографических отделах предметов, характеризующих этнический состав региона. Благодаря чему, в стенах музея сложилась уникальная ситуация, открывающая возможность диалога культур, в который вступали не только экспозиционеры, но и посетители музея. Второй этап приходится на 20-е годы XX века, период, когда появляется наиболее обобщенное и по сути своей глубоко научное понимание диалогичности гуманитарного знания. В научных исследованиях - это предпочтение этнологическому методу, положенного в основу работы таких учреждений, как Российская Академия истории материальной культуры, Музей народоведения и целой сети этнолого-археологических комиссий в провинциях. В этот период на Северном Кавказе, наряду с уже существовавшими музеями местного края, развитие музейной сети проходит в двух направлениях. Первая группа музеев формируется по типу местных музеев и развивается в соответствии со старым административно-политическим устройством региона. Появление второй группы музеев связано с национальной автономизацией региона - так называемые национальные музеи. В основе работы музеев и первой и второй групп лежит все тот же этнологический метод. По мере разрушения микрорегионов, сформировавшихся в рамках старого административного устройства Северного Кавказа, местные музеи лишаются культурной среды, в которой протекала их деятельность и сформировались коллекции. К концу 20-х годов происходит полная реконструкция местных музеев. Третий период начинается на рубеже 20 - 30-х годов и характеризуется координальной реорганизацией музеев страны в соответствии с идеологическими требованиями коммунистической партии. В результате произошел окончательный отход от культурных традиций XIX - нач. XX в. В этот период были разрушены практически все научные, музейные, культурные центры, сложившиеся в русле старой традиции, что несомненно следует рассматривать, как ощутимый урон и для науки в целом, и для межкультурного общения народов советского государства. События последнего времени в межнациональных отношениях в нашей стране, не смотря на преобладание в

настоящий момент разрушительных тенденций, открывают возможность оценить имеющийся опыт и извлечь из него рациональное начало.

1. Адлер Б. 1920. Областные и местные музеи // Казанский музейный вестник. NN 1-2.
2. Адлер Б. 1922. О национальных музеях // Жизнь национальностей. N 1. С. 2.
3. Адыгейский областной музей. Краснодар. 1929.
4. Бентковский И. 1876. Дела наши на Северном Кавказе (1722-1804). // Ставропольские губернские ведомости. NN 30-35, 38
5. Бентковский И. 1876. Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе до 1804 года // Ставропольские губернские ведомости. 1876. N 43
6. Бентковский И. 1880. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские так называемые "крещенные калмыки" // Ставропольские губернские ведомости. NN 35, 338, 42
7. Бентковский И. 1886. Первоначальное устройство административных учреждений на Кавказе // Ставропольские губернские ведомости. NN 39-43, 46
8. Богороз-Тан В. 1922. О первобытных племенах // Жизнь национальностей. 1922. N 1.
9. Богороз-Тан В. 1923. Об изучении и охране окраинных народов // Жизнь национальностей. NN 3-4.
10. Вишневецкий Б. 1920. Антропология в музее местного края // Казанский музейный вестник. NN 3-4.
11. Герценберг И. 1920. Национальный принцип в новом административном делении РСФСР // Жизнь национальностей. N 37.
12. Градовский А.Д. 1904. Собр. соч. СПб. Т.9. Часть III. С.212.
13. Григорян Г.П. 1972. О средствах коммуникации и судьбах человечества в поп-философии Маршалла Мак-Люэна // Вопросы философии.
14. Дукельский Ю. 1989. Музей и культурно-историческая среда // Проблемы музейной коммуникации в музейной деятельности. М. С.с.112,115
15. Ермоленко М.И. 1928. Кабардино- Балкарский областной музей (его история и экспонаты). Владикавказ. С. 1.
16. Ибрагимов Ш.Н. 1922. Ногайцы и караногайцы // Жизнь национальностей. N 2.
17. Ибрагимов Ш.Н. 1922. По Северному Кавказу и Кубани // Жизнь национальностей. N 1.
18. Клеменц Д. 1893. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник за 1892 год. Иркутск. Вып. 2.
19. Кон Ф. 1902. Исторический очерк Минусинского музея за 25 лет (177-1902 г.г.). Казань.

20. Могилянский Н.М. 1917. Областной или местный музей, как тип культурного учреждения. Пг.
21. Назаренко Я.А. 1922. Музейное дело, охрана и изучение культуры на Кавказе //Казанский музейный вестник. N 2. С.25.
22. Островский П. 1922. Охрана первобытных племен и связи с поднятием экономической жизни окраин //Жизнь национальностей. N6.
23. Подгорнов В., Крупнов Е. 1933. Краеведческие музеи Северокавказского края //Советский музей. N 2. С. 73.
24. Прозрителев Г. 1912. Первые русские поселения на Северном Кавказе и нынешней Ставропольской губернии. /Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь. Т. 7
25. Прозрителев Г.Н. 1921. Гибнущий народ //Власть Советов. N 501.
26. Прозрителев Г. 1925. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях. Ставрополь.
27. Равикович Д.А. 1960. Музеи местного края во II-й пол. XIX-нач. XX Века (1861-1917) //Очерки истории музейного дела в России М. 1960 Вып. 2. С.146.
28. Романов Н.И. 1919. Как устраивать местные музеи. М.
29. Северокавказский институт краеведения //Жизнь национальностей. 1923. N 5. С.с. 156-157.
30. Семенов Л.П. 1925. Государственный научный музей города Владикавказа. Владикавказ. С.с.3-5.
31. Смирнов М. 1913. Очерки хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIX века. Ставрополь. С.с.40-41.
32. Соколов Б. 1923. К организации этнографических изучений на местах. //Жизнь национальностей. N 2.
33. Тахо-Годи А. 1934. О национальных музеях //Советский музей. N- 2.
34. Толстов С. 1935. Краеведческий музей национальных республик и областей //Советский музей. N 3.
35. Тугаринов А.Я. 1915. Двадцатипятилетие Красноярского городского музея (1889-1914 г.г.). Красноярск.
36. Тугаринов А.Я. 1922. Музей Приенисейского края и его организация. Задачи и принципы устройства местного музея //Казанский музейный вестник. N-1.
37. Уварова П.С. 1888. Губернские и областные музеи. М.
38. Фадеев А.В. 1957. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М.
39. Хронологический указатель достопримечательных событий и важнейших постановлений правительства в Ставропольской губернии и вообще на Кавказе //Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь. 1869. Вып. 2.

40. Чрезвычайный съезд представителей караногайского, ногойского и туркменского народов //Жизнь национальностей. 1922. N 4.
41. Эсадзе С. 1907. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис. С. 309.
42. Янович Д. 1922. Заповедники для гибнущих туземных племен //Жизнь национальностей. 1922.

РАЗДЕЛ II

ВОПРОСЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ КАК СРЕДСТВО ЭКСПОЗИЦИОННОГО РАСКРЫТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

На протяжении 1990-х годов как-то незаметно и, вроде бы, в силу внешних обстоятельств в музейном деле произошел крутой поворот в сторону политики "малых дел" и решения текущих задач. Вопросы содержания музейных экспозиций, бывшие еще недавно в центре внимания музееведов и практиков, были преданы почти полному забвению или, по крайней мере, отошли на задний план.

Период увлечения новыми трактовками отдельных событий отечественной истории, раскрытия прежде запретных имен и фактов и заполнения белых пятен миновал достаточно быстро, оставив у музейных работников, консервативно настроенных по самой природе своей деятельности, чувство глубокого недоверия к любым нестандартным решениям. Действительно, замена одних стереотипных трактовок другими, отличающимися лишь противоположным знаком, но базирующимися на прежней методологии, не могло дать долговременного эффекта. Музеи с удовольствием вернулись в уютную и привычную нишу бытоописания и вещиц, из которой были насильственно вытолкнуты 70 лет тому назад.

Между тем отечественное идеологическое поле не осталось полностью заброшенным, и на нем появились новые сеятели, несшие в своих коробах зерна самой популярной сегодня идеологии федерализма и сепаратизма, представленной как национальной, так и в региональной версиях. Перед центральными музеями субъектов РФ, прежде всего тех из них, которые представляли собой национально-государственные образования, встала задача освещения национальной истории и культуры.

Новая идеология оказалась гораздо ближе музейной деятельности, всегда ориентированной на национальную или региональную культурно-историческую специфику. Чем острее она выражена, тем легче строится экспозиция, тем ярче проявляется индивидуальность того или иного музея. Проще всего обстояло дело с этнографическими материалами, изначительной функцией которых была демонстрация этнических отличий. Однако, национальная культура несводима к этнографии, особенно для народов, имеющих свои традиции государственности и свою многовековую историю. Опыт же освещения национальной культуры в ее исторической динамике в музеях практически отсутствует, чем и объясняется обращение к теме настоящей статьи.

В качестве объекта исследования выступает концепция взаимодействия русской и татарской культур, нашедшая воплощение в проекте экспозиции Музея Татарстана, выполненном в 1991-1993 гг.

Феномен Татарстана во многом уникален для Российской Федерации. С одной стороны, это старейший анклав в составе России, и татары составляют лишь около половины его населения. С другой стороны, татары, включая не

только казанских, являются вторым по численности народом РФ, обладающим развитым национальным самосознанием и сумевшим не просто сохранить, но и развить свою культуру в крайне стесненных исторических условиях.

На протяжении последних четырех веков казанско-татарской культуре неоднократно наносились тяжелейшие удары, последний из которых пришелся на 1920-е годы. На этом долгом пути, разумеется, не обошлось без существенных потерь. Более того, можно говорить о глубинной перестройке, которую претерпела татарская культура как в период прямых гонений XVI-XVIII вв., так в эпоху советского "казенного расцвета". Поэтому сегодня на историческую арену татарская культура и государственность вышли именно с тем багажом, который сумел сохранить, багажом исключительно сложным, а в чем-то и противоречивым, который и является предметом освещения Музея Татарстана.

Взаимоотношения русского и болгаро-татарского этносов также уходят в глубину веков. Оба они вошли в соприкосновение, будучи уже достаточно сложившимися и обладая выраженными атрибутами государственности и религии. Поэтому их взаимная интеграция по "торкской" или "мерянской" модели оказалась невозможной. Несмотря на сходство исторических судеб, и те и другие колонисты, и те и другие на Волжском торговом пути и т.д., не только прочного союза, но и продуктивного сотрудничества между славянами и булгарами не было. Отношения между Северо-Восточной Русью и Волжской Болгарией были обычными для средневековья и военные походы сменялись взаимовыгодной торговлей. Отдельные заимствования в области строительного дела, металлообработки или оружейного дела не меняли существа вещей и каждая из культур шла своим путем.

Однако разделяла их не столько религия, сколько разница в политических амбициях владимирских, а затем московских князей и болгарских правителей. Если первые стремились к безусловной гегемонии, Волжская Болгария подобных устремлений никогда не питала. Подобно Великому Новгороду, она хотела лишь, чтобы ее оставили в покое, и, если и претендовала на некое первенство, то лишь в пределах Среднего Поволжья.

В начале XV в. одной из первых внешнеполитических акций окрепшего Московского княжества стала серия сокрушительных походов, после которых Волжская Болгария перестала существовать. Возникшее на ее развалинах Казанское ханство после ряда острых столкновений с Москвой попало в зависимость от нее, а попытка в сер. XVI в. вернуть самостоятельность, сопровождавшаяся сменой политической и культурной ориентации, привела к уничтожению болгаро-татарской государственности в 1552 г.

Несмотря на политические противоречия, культурные контакты на протяжении всего существования Казанского ханства не прекращались. Это был один круг действовавших лиц, появлявшихся то на московской, то на казанской сцене, родство различных государственных институтов, прямые подражания в одежде, быту, вкусах и многое другое. Можно утверждать, что переплетение культур в этот период было гораздо большим, чем в предшествующие века, и мощная московская партия в правящих кругах Казанского ханства не видела серьезных препятствий на пути интеграции.

Однако действительность оказалась иной. Московское великодержавие не видело принципиальной разницы между присоединением земель с русским населением и завоеванием Среднего Поволжья и проводило здесь аналогичную политику от переселений до культурной и административной унификации. Казань разделила судьбу Твери, Рязани и других ранее присоединенных к Москве земель, от культуры которых остались в прямом смысле слова одни воспоминания. Впрочем, культурный геноцид проявился в Поволжье еще острее, поскольку осуществлялся под знаменем обращения местного мусульманского населения в православие. Все татарское, точнее мусульманское, изгонялось из стольного города и наиболее освоенных земель. Никогда на протяжении как предшествующей, так и последующей истории России национальная политика не проводилась в столь жестких формах, что было связано с отношением правительства к этим землям как русским или подлежащим русификации и христианизации.

С конца XVI в. начинается новый этап формирования татарского этноса и новый период в истории взаимоотношений русской и татарской культур. С культурным диалогом было покончено надолго, хотя и до прямой конфронтации дело не дошло. На первых порах активная христианизаторская политика частично компенсировалась, очевидно, достаточно сильным обратным влиянием, интеграцией элементов татарской культуры в русскую. Неслучайно, западные соседи Московского государства нередко воспринимали русских как татар.

Начиная с XVII века, пути культур расходятся все дальше и дальше. Изгнанная из городов и спустившаяся вниз по социальной лестнице татарская культура как бы уходит из-под ударов русификации, достигающей своего апогея к сер. XVIII в., когда при Луке Конашевиче было разрушено 418 мечетей из 536. Ставка была сделана на культурную изоляцию русских и татар, на "раздельное проживание" культур.

На смену характерному для региона культурному многообразию, в рамках которого свободно взаимодействовали элементы болгарской, русской, поволжско-финской, кипчакско-золотоордынской и среднеазиатской традиций, приходит многослойность культуры Казанской губернии. Эти слои практически не смешивались, что, конечно, не исключало отдельных заимствований. О серьезной внутренней перестройке татарской культуры на иных основаниях не было и речи. Татарская культура осталась домашней, но при этом сумела, даже утратив характер городской цивилизации, перенести многие элементы городской культуры в новую сельскую среду. После прекращения во 2-ой половине XVIII в. прямых гонений со стороны правительства на мусульманскую культуру Поволжья, начинается ее медленное возрождение, которое можно было бы назвать "великим татарским реваншем". Крепнет татарское купечество, сосредоточившее в своих руках торговлю со Средней Азией. Нажитые капиталы становятся основой для развития промышленности и формирования мощной группы промышленников татарского происхождения.

Расширяется сфера традиционных мусульманских училищ, к которым вскоре добавляется и светское образование. Возникают татарские типографии, театры и т.п. Культура казанских татар завоевывает лидерство среди населяющих Россию этнических групп татар, и казанско-татарский язык

становится литературным языком всех татар. Сохраняется и заметное влияние татарской культуры на финские народы Поволжья.

Примечательно, что даже осваивая ценности европейской цивилизации нового времени, татарская культура стремилась избежать по возможности русского посредничества и приобщиться к ней из первых рук, отправляя своих представителей прямо в Сорбонну, а не только в Казанский Университет. При этом не оставалось в забвении и восточное направление культурных связей, развивавшееся в русле панисламизма и пантюркизма.

Русская культура, начиная с кон. XVIII в. и особенно в XIX в. проявляет живой интерес к своей соседке, но видит в ней не партнера, а определенную этнографическую экзотику или представителя Востока в целом. Поэтому часть вполне европейских институтов в Казани получает некую восточную ориентацию, особенно заметную в издательском деле и образовании.

В советское время в Татарии, как, впрочем, и в стране в целом, оказался срезанным высший слой национальной культуры. Для нее это имело особенно тяжелые последствия, которые не могли быть компенсированы официальным "расцветом" национальной литературы и искусства. Национальным объявлялось "истинно народное", т.е. фактически те же официальные этнографизмы.

Таким образом, большая часть проблем, стоявших перед национальной татарской культурой в плане ее отношений с культурой русской так и осталась нерешенной к нач. 1990-х годов. В результате в конце XX века сложилась культурная ситуация, в содержательном плане аналогичная той, которая имела место на момент присоединения - 4,5 столетия тому назад.

Сложная история культуры казанских татар повлияла и на состав музейных коллекций. Фактически собрание Музея Татарстана, формировавшееся на протяжении последних ста лет, мало чем отличается от собраний любого областного музея Центральной России. Это собрание Музея русского города Казани, в котором татарская культура представлена прежде всего этнографическими материалами и незначительными фондами по развитию литературы и искусства кон. XIX-XX вв.

В процессе проектирования экспозиции закономерно стал вопрос о пропорциях "русской" и "татарской" частей. По объективным причинам татарскую культуру невозможно было представить в экспозиции столь же полно как русскую, а сделать это в Музее Татарстана было необходимо. Вместе с тем искажение действительного положения вещей и реального хода истории было столь же неприемлемо.

Поэтому подготовка экспозиции потребовала разработки особой историко-культурологической концепции, позволяющей раскрыть длительный и во многом противоречивый процесс взаимодействия татарской и русской культур.

Историческая ретроспекция, положенная в основу музеологической концепции национальной культур и их взаимоотношений решает ряд последовательных задач. Первая из них - поиск исторических корней, на обыденно-публицистическом уровне отождествляемых с традицией и некими неизменными основаниями культуры. На самом деле культурные корни как и корни дерева, всегда идут в разные стороны, иначе почва окажется мгновенно

истощенной. Соответственно и культурологический поиск осуществляется в нескольких направлениях как на временном (горизонтальном) срезе, так и на вертикальном - вглубь истории.

В современности достаточно четко выделяются два основных направления. Первое связано с тенденцией общетатарской культурной интеграции, которой способствует единство литературного языка, преодолевающее другие различия отдельных этнических групп. Второе - с пантюркистской и исламистской ориентацией на Турцию, Ближний Восток, отчасти Среднюю Азию. Таким образом, речь идет о тех же векторах культурных связей, которые имели место на протяжении более чем тысячелетней болгаро-татарской истории.

Подобная устойчивость, сохранявшаяся несмотря на все трагедии национальной истории, дает один из ключей к экспозиционному решению - сквозную проблему культурных ориентаций.

Отдельные разделы экспозиции ("Обретение Родины", "Волжская Болгария", "Казанское ханство" и др.) оказываются погруженными в различный культурно-исторический контекст, проходящий каждый раз фоновой темой и расширяющей круг используемых материалов.

Однако этим функции внерегиональных материалов не исчерпываются. Неслучайно, используемый метод назван реконструктивным и отнесен к сфере исторической культурологии. Речь идет о моделировании национальной культуры, развернутой во времени. Культурные ориентации естественные или вынужденные становятся основой для научно-художественной реконструкции того или иного периода истории.

Так, представленная исключительно археологическими материалами праистория булгар вплоть до их оседания в Поволжье приобретает совершенно иное звучание в ряду истории Тюрского каганата и Великой Болгарии. Раскрыть облик городов Волжской Болгарии помогают среднеазиатские аналоги, а Казанское ханство, культура которого, в отличие от политической истории, нам практически неизвестна, реконструируется благодаря крымским, турецким и отчасти иранским реалиям.

Музейная экспозиция предстает в конечном счете как цепь последовательно сменяющих друг друга социокультурных ситуаций, демонстрирующих функционирование национальной культуры в меняющемся историческом контексте. В ходе проектирования многие разделы экспозиции вплоть до XX в. получали условные названия "Бухара на Волге", "Москва на Волге", "Париж на Волге" и т.п., подчеркивавшие смену культурных ориентаций.

Контекстуальное понимание национальной культуры является, безусловно, историческим, поскольку опирается на представление о национальной культуре как неравной самой себе на отдельных этапах ее развития. Изменяющееся окружение перестраивает культуру, вызывает в ней ответную реакцию, обеспечивая тем самым ее динамику. В рассматриваемом случае это означает, что показ русской культуры Казани и региона служит задачам более полного раскрытия культуры татарской.

Контекстуальному подходу противостоит мифологический в различных его вариантах. Национальная культура, согласно одному из них, видится как собрание неизменных ценностей, присущих ей изначально и на все времена. Герои, традиции и характеристики, абсолютно надуманные или тщательно отобранные, свободно перемещаются носителями этих взглядов из одной эпохи в другую. Все, что не вмещается в заранее заданные узкие рамки, объявляется отклонением от истинного пути, предначертанного для культуры того или иного народа.

В другом варианте в истории народа выбирается некий культурный идеал - "золотой век", возвращение к которому начинает мыслиться как главная цель, а все исторические эпохи оцениваются путем приложения к ним найденного мерил. Чаще всего это "идеальное" время является целиком надуманным плодом соединения литературщины, анахронизмов и исторического невежества.

Высказанное отношение к спекуляциям по поводу национальной культуры не означает отрицания в ней всякого устойчивого начала. Однако таким стержнем культуры являются не мифические корни в виде конкретных материальных или духовных реалий, а скрытая даже от глаз носителей исторически сложившаяся модель ее функционирования.

В татарской культуре Поволжья мы сталкиваемся с моделью, которая не может считаться ни "восточной", ни "западной" (европейской), и с некоторой натяжкой подпадает под определение "евразийской". Для нее характерны: преобладание дальних культурных ориентаций над ближними; длительное сохранение субстратных элементов и постоянная субстратная подпитка; отсутствие тенденции к культурной экспансии; отсутствие причинной связи с развитием государственности; терпимость к инокультурным элементам и, как следствие - культурное многообразие.

Татарская культура, обладая мощным традиционно-охранительным потенциалом, подобно большинству тюркских культур евро-азиатского пограничья, была одновременно открыта как для инокультурных инноваций, так и для экспорта собственного культурного продукта. Эта двойственность была обязательным условием ее развития, вот почему, лишившись второго направления культурных контактов, она оказалась поставленной в тяжелое положение. Русская культура нового времени при всех ее ориентализмах и увлечениях Востоком уже в XVII в. перестала воспринимать татарскую культуру Казани в качестве партнера, сузив тем самым горизонты развития последней. Стремясь восполнить недостаток контактов, татарская культура стала устанавливать их без русского посредничества. Сегодня Татарстан интенсивно восполняет недостаток как исламских, так и тюркских связей, ориентируясь на культурного лидера современного тюркоязычного мира - Турцию.

Экспозиционный комплекс национального музейного центра воспроизводит именно историческую модель функционирования татарской культуры, последовательно выстраивая ее от раздела к разделу и разворачивая во времени от культурного, экономического и политического господства в регионе болгаро-татарского элемента (X-XVI вв.) через утрату политического и экономического преобладания при сохранении культурного влияния на

население Поволжья (XVII-XX вв) тематика экспозиции подводит к установлению нового паритета культур.

Параллельно решается ряд взаимосвязанных проблем: 1) создания музейной концепции национальной культуры; 2) ретроспективной реконструкции культуры; 3) воспроизведения истории межкультурных взаимодействий. Этим целям подчиняется и структура экспозиции: "Обретение Родины", "Волжская Болгария", "Казанское ханство", "Край в XVII в." "Этнография", "Музей истории XVIII - нач. XX вв."

Каждый из отделов выполняет свою роль в формировании экспозиционного образа национальной культуры - татарской или русской. Первый отдел раскрывает общетюрскую базу и раннюю историю болгар, второй создает для татарской культуры собственную "античность", третий - воспроизводит исторический идеал, закрепившийся в национальном самосознании.

Наиболее показательна оппозиция "Казанское ханство" и "Край в XVII в.". Эти разделы, условно "татарский" и "русский", симметричны друг другу и построены по одной схеме. На переходе от одного к другому разворачивается тема "Осады Казани и присоединения Поволжья". Структурное подобие двух культур, сходство предметных реалий и орнаментики усиливается экспозиционными средствами. Семиверхая мечеть в Казани и Казанский собор в Москве, галерея изображений казанских ханов и московских князей, вооружение воинов и атрибуты власти - создают постоянные переключки в экспозиции, заставляют посетителя постоянно сопоставлять и сравнивать. Русская и татарская культуры раскрываются друг через друга, и одни и те же вещи при желании могут быть отнесены к любой из них.

Расхождение культур, начавшееся с наступлением нового времени, находит свое отражение в разделении на этнографическую, преимущественно татарскую по тематике, и историческую, преимущественно русскую, экспозиции. Лишь в разделах, посвященных нач. XX в., вновь возникает параллелизм культур, начинающих открыто конкурировать друг с другом. Это признак наступления нового этапа развития татарской культуры, осваивающей опыт мировой индустриальной цивилизации. Национальная культура перестраивается по индустриально-модернистской модели, включая в себя ранее отсутствовавшие в ней институты.

При музейном показе татарской и русской культур активно использовался и принцип культурно-исторических параллелей. Многие явления у близко соседствующих культур возникали конвергентно, а не только как результат взаимных влияний. Даже для слабо подготовленного посетителя сходство исторических судеб двух народов очевидно: колонизация новых земель, ассимиляция местного населения, образование государства (почти одновременно), принятие государственной религии, строительство городов, ордынское разорение, возрождение государственности и т.д. Вопрос о том, какая из культур выше, снимается сам собой, и становится очевидным их типологическое сходство, невозможность представить достаточно полно одну без другой.

Научная культурологическая реконструкция, игравшая ведущую роль в процессе проектирования экспозиции, не исключала в ряде случаев обращения

к романтизированному образу истории, имевшему фольклорно-литературное происхождение. Это касается в первую очередь истории Казанского ханства, практически неотраженной в музейном собрании.

Действительно, следов этого необычно важного для национального самосознания государственного образования практически не сохранилось. Документы и книги были сознательно уничтожены, здания разрушены, казна присвоена победителями. В этих условиях возникло интереснейшее явление, которое можно назвать эффектом "башни Сююмбике". В основе его лежит присвоение поработенной культурой ценностей доминирующей культуры, и осознание их как собственных. Типичная постройка русского кремля XVII в. преобразилась в народном сознании в памятник эпохи независимости, а шар на верхушке башни легенда сделала вместилищем важных для ислама документов.

Суть дела состоит в том, что при исторической ретроспекции, будь то народная мифология или музейная экспозиция, узко национальные рамки и характеристики неизбежно размываются, а порой и полностью утрачиваются. Поэтому так часто возникают споры о наследовании между несколькими претендентами, а национальная культура легко вбирает в себя достояние прошлого вне зависимости от его происхождения.

Каждый из использовавшихся при проектировании экспозиции взглядов на национальную культуру - культурологический, исторический, этнографический, эстетический - выражает определенную позицию по отношению к ней. Но в целом музейная концепция противостоит любым попыткам невежественных спекуляций по поводу национального в культуре. Историческая действительность оказывается настолько многообразной, что возможность однозначных решений и трактовок практически исключается. Вместе с тем, музей как бы предлагает и даже рекомендует современности исторически оправдавшую себя модель сочетания культурной самобытности с широким спектром межкультурных контактов.

ВНУТРЕННИЙ ОБРАЗ КУЛЬТУРЫ И ЕГО ЭКСПОЗИЦИОННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ (роль музеев в многонациональных регионах России)

Создание экспозиций, посвященных национальным культурам, является существенной частью модернизации, происходящей в последние годы в российских музеях. Уже с конца 1980-х гг., по мере ослабления, а затем и отмены идеологической цензуры, многие музеи начали демонтировать свои старые стационарные экспозиции, не отражавшие ни местной культурной ситуации, ни исторической правды. Образовавшийся вакуум первоначально заполняли временными выставками. Как правило, это были коллекционные экспозиции из фондов музеев, либо - тематические выставки по острым проблемам, таким как экология, сталинские репрессии, афганская война и т.д. Заметное место в этом ряду занимали и выставки, посвященные национальным культурам народов, проживающих в "зоне влияния" конкретного музея.

Этот процесс спонтанного экспозиционного творчества продолжается до сих пор и еще очень далек от своего завершения. Старые стационарные экспозиции в большинстве музеев уже разрушены, но мало кто отваживается пока предлагать новые целостные решения, которые могли бы придти им на смену. И это закономерно: пока в обществе продолжается процесс интенсивной переоценки всех ценностей, музей как институт, предъявляющий культурные ценности, вынужден вести гибкую политику, в чем-то следующую за происходящими переменами, а в чем-то их опережающую.

В частности, в области экспозиционной деятельности временные выставки по-видимому останутся в ближайшие годы главной формой работы. И чем интенсивнее будут экспозиционные эксперименты и поиски, тем с большей уверенностью смогут музеи по прошествии этого периода приступить к созданию стационарных экспозиций.

Это в полной мере относится и к экспозициям, посвященным национальным культурам, создание которых стало сегодня приоритетной задачей в деятельности многих музеев. Попробуем, опираясь на опыт, накопленный в этой области в последние годы, подвести некоторые (пока предварительные) итоги, и сформулировать ряд принципов, важных для дальнейшего развития данного направления музейной деятельности.

Материалы, которые станут ниже предметом анализа, были в основном получены в ходе двух экспедиций, проходивших весной и летом 1993 г. Первая экспедиция, "Енисей-93", была организована Красноярским Культурно-историческим Центром и проделала (в несколько этапов) путь от истоков Енисея до Северного Ледовитого океана. По ее результатам в декабре 1993 г. в Красноярске была открыта выставка "Жизнь на Енисее", которая, в частности,

позволила продемонстрировать этнокультурное многообразие Центральной Сибири.¹⁰

Вторая экспедиция, "Обская панорама-93", организованная Проектным научно-консультативным бюро "Архитектура и культурная политика", обследовала обширный регион, расположенный вдоль Оби и ее притоков от Нижневартовска до Березова - в пределах Ханты-Мансийского автономного округа. По ее итогам тоже была создана выставка, показанная в Москве, в Министерстве культуры РФ. И в этом случае одной из ключевых тем стало изучение этнокультурных процессов.

Участие в обеих экспедициях (и в создании обеих выставок) позволило автору познакомиться с работой многих музеев Западной и Центральной Сибири, в том числе малоизвестных, находящихся в труднодоступных местах и никогда не попадавших прежде в поле зрения музеологии и музеологии.¹¹ Будучи расположены в многонациональных регионах, все они так или иначе затрагивают в своей деятельности этнокультурную проблематику и, каждый по-своему, создают экспозиционными средствами образы различных национальных культур. В целом полученные материалы являются достаточно репрезентативными, т.е. демонстрируют широкий спектр подходов - как традиционных, так и нетрадиционных, - бытующих сегодня в данной области музейного дела. Вместе с тем, они дают возможность говорить о наметившихся новых тенденциях, анализ которых является главной целью настоящей работы.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что этнокультурная проблематика является крайне актуальной в контексте социально-политической ситуации, сложившейся ныне в России. Как писал в конце прошлого века Н.Ф.Федоров, важнейшая задача музея - преодоление "небратского" состояния человечества.¹² Сегодня, по прошествии ста лет, эта задача по-прежнему остается насущной.

Обращаясь к теме национальной культуры, музей неизбежно оказывается в эпицентре общественных дискуссий, жарких споров, страстей и даже конфликтов. С одной стороны, это позволяет музею привлечь к себе внимание публики, что само по себе существенно, учитывая катастрофический спад посещаемости, наблюдаемый в последние годы по всей стране. С другой - это многократно повышает ответственность музейных работников, заставляет их взвешивать каждый свой шаг, чтобы музейная деятельность вела не к обострению конфликтов и противоречий, а наоборот - способствовала прояснению и гармонизации межнациональных отношений.

¹⁰Как экспедиция, так и выставка проводились в рамках комплексной программы "Пути и дороги Сибири". Подробнее см: Концепция развития Красноярского Культурно-исторического Центра (Авторский коллектив / Под ред. М.Б.Гнедовского и Н.А.Никишина). - Красноярск, 1993. См. также: Гнедовский М. Три шага в неизвестность // Мир музея, 1994. - N5.

¹¹В экспедиции по Енисею я участвовал только на этапе Тува - Минусинск. Однако северные музеи этого региона, находящиеся в Таймырском автономном округе, были в тот же период обследованы специалистами Лаборатории музейного проектирования Российского института культурологии (см.: Концепция развития Таймырского окружного музея (Авторский коллектив / Под ред. Н.А.Никишина и В.Ю.Дукельского). - Москва - Дудинка, 1993). Мало изученными остаются пока музеи Эвенкии.

¹²Федоров Н.Ф. Сочинения. - М.: Мысль, 1982.

Впрочем, музей всем ходом своего развития подготовлен к тому, чтобы "охлаждать" кипящие конфликты и страсти. Переводя политически заостренные вопросы в плоскость истории и культуры, он автоматически снижает "взрывоопасность" темы. Классическая этнографическая экспозиция располагает к познанию и созерцанию, но она совсем не похожа на политический клуб. В этом сила музея, но в этом же и его слабость, ибо зачастую он до такой степени "переохлаждает" проблему, что вовсе теряет контакт с современной культурной ситуацией и перестает играть роль связующего звена между прошлым и настоящим, и между различными, непохожими друг на друга культурами.

Разработка этнокультурной проблематики безусловно является сегодня перспективным направлением в деятельности музеев, и вместе с тем заставляет их быть начеку, прокладывая путь между Сциллой и Харибдой, то есть стараясь избежать как чрезмерной политической ангажированности, так и чрезмерной остроты в трактовке вопросов развития национальных культур.

В Центральной и Западной Сибири экспозиции, посвященные национальным культурам, создаются сегодня не на пустом месте. Этнографические разделы и прежде существовали во многих краеведческих музеях, например в Кызыле, Абакане, Минусинске, Красноярске, Енисейске, Тюмени, Ханты-Мансийске. Сейчас, почти повсеместно, эти разделы расширяют, обновляют, пополняют новыми экспонатами, стремясь повысить, с одной стороны, их научность, а с другой - зрелищность.

Однако, если воспользоваться терминологией, предложенной польским музеологом Е.Сведимским, в большинстве случаев модернизация экспозиций не является при этом ни полной, ни радикальной.¹³ Меняется количество и состав экспонатов, площадь и дизайн экспозиции, иногда - характер пояснительных текстов, но общий подход и методы интерпретации темы остаются, как правило, прежними. Мы вновь видим перед собой классические этнографические экспозиции, продолжающие не только российские (в частности, сибирские) традиции, которые насчитывают уже более ста лет, но - гораздо более широкие и давние традиции новоевропейского музея.

Музей как особый институт, возникший в Европе в Новое время, стал универсальной формой интеграции инокультурных образований в тело европейской культуры. В традиционных обществах, с которыми сталкивались выходцы из Европы, такого института по-просту не было, ибо воспроизводство культуры осуществлялось там другими способами - в живой традиции, не предполагавшей отчуждения наследия и введения его затем (в новой, музейной ипостаси) в научный и культурный оборот.

Но европейская культура выработала особое рефлексивное отношение - как к себе самой, так и к другим, "чужим" культурам, - и музей стал его прямым выражением. Это отношение касалось собственных корней (т.е. "архаики" или наследия как такового), либо было нацелено на другие культуры (т.е. на "экзотику", которая вызывала изумление, требовала объяснения, но в конечном счете усваивалась так или иначе европейским сознанием и расширяла его горизонты). В последнем случае возникали музеи типа кунсткамеры, а затем, по

¹³Модернизация музейных экспозиций. - М., 1989. - (НИИ культуры / Методические рекомендации).

мере европейской политической экспансии, - колониальные музеи, служившие проводниками европейского взгляда на культуры, принципиально отличавшиеся от культуры самой Европы.

Характерно, что в своих попытках "переварить" чужую культуру европейский музей должен был сначала ее "разжевать", т.е. представить в виде отдельных фрагментов, артефактов, диковинок, которые воспринимались как своего рода экстравагантные произведения, взятые скорее со стороны формы, нежели глубинной семантики, а после этого - аранжировать их в привычных для европейского глаза пространственных констелляциях. Таковы были, например, экспозиции и коллекции музеев, созданных в XIX в. англичанами в Индии или французами в Африке.¹⁴ Построенные на материалах соответствующих национальных культур, они вместе с тем оставались учреждениями европейскими по типу и европоцентристскими - по своему духу.

То же самое относится и к музеям, созданным российскими деятелями в национальных регионах в ходе освоения Сибири - как до, так и после революции. Российское влияние в данном случае служило проводником общеевропейской точки зрения на культуру, основанной на научном (этнографическом) подходе, понятии наследия и институте музеефикации. Культурная политика, которая проводилась в годы советской власти (в лучших своих проявлениях "миссионерская", а в худших - "конкистадорская") только усугубила эту тенденцию.

Когда мы утверждаем, что этнографические экспозиции, создаваемые ныне в Сибири, в основном продолжают традиции колониальных музеев, речь идет не об их оценке, а прежде всего - об отнесении их к определенному типу, определенной формации музея, которая имеет несомненные достоинства и успешно развивается сегодня во всем мире, хотя, как мы попробуем дальше показать, не является уже сегодня единственной. Многие музеи, колониальные по происхождению, являются общепризнанными сокровищницами культуры. Многие сибирские этнографические коллекции и экспозиции представляют собой уникальные собрания памятников культур малых народов. И все же, по большому счету, нельзя не признать, что европейская цивилизация, одной рукой сохраняя наследие иных, более хрупких культур, другой выбивала почву у них из-под ног, способствовала их разрушению.

В Сибири это можно наблюдать и сегодня. Разумеется, здесь уже не преследуют шаманов, не проводят среди малых народов насильственную коллективизацию. Но продолжается урбанизация, освоение нефти и газа, леса, других природных ресурсов, и это неизбежно неизбежно оборачивается истреблением традиционной культуры. И музеи, демонстрирующие жителям сибирских городов остатки как старожильческой русской, так и аборигенных культур, могут лишь констатировать эту проблему.

Конечно, музей не является ни для какой культуры враждебным образованием. Он безусловно помогает познанию, сохраняя для коллективной памяти человечества свидетельства уходящих культур. И люди, работающие в музеях, это как правило компетентные специалисты, которыми движет не только научный интерес, но нередко и искренняя любовь к культуре, пусть даже

¹⁴Hudson, K. *Museums of Influence*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

они и не воспринимают ее как "свою". Тем не менее, когда речь идет о выживании, воспроизводстве и развитии национальных культур, возможности этнографических музеев оказываются в целом чрезвычайно ограниченными.

В сущности, экспозиция классического этнографического музея, имеющего дело с живой культурой, ничем не отличается от археологической экспозиции, повествующей о культуре заведомо и давно ушедшей, не имеющей живых носителей и не оставившей после себя ничего, кроме случайных обломков. Методы построения археологических и этнографических экспозиций в основном оформились на рубеже XIX - XX вв., и с тех пор существенно не менялись. Их структурные элементы варьируют в обоих случаях от систематического ряда, включающего однотипные предметы, до экспозиционного комплекса или ансамбля, воспроизводящего (более или менее условно) связи между предметами разных типов. В этнографическом музее попытки "анамации" статических экспонатов привели еще в конце прошлого столетия к созданию так называемых "обстановочных сцен", которые обычно включают манекены и воспроизводят характерные ситуации из жизни того или иного народа, например, интерьер жилища.

И все-таки, даже такое объемное иллюстрирование не является само по себе стимулом к развитию национальной культуры. Роль его представляется скорее консервирующей, чем эвристической. Не создает оно в конечном счете и подлинной культурной эмпатии - гуманистического сопереживания, способного пробить защитную оболочку европоцентризма и увидеть в проявлениях иной культуры не только экзотику, но также самобытное и самоценное проявление общечеловеческой сущности.

Дело, по-видимому, заключается в том, что этнографический музей, какой бы он ни был посвящен культуре, рассматривает ее отчужденно, как бы извне. Будучи плоть от плоти научного, аналитического подхода, он трактует культуру как предмет хотя и пристального, но все же остраненного, дистантного изучения. Поэтому, повторяя основную фигуру рационального эмпирического познания, он идет от фрагментов к осмыслению целого, от внешних проявлений культуры к реконструкции ее внутреннего образа. Любая этнографическая коллекция представляет собой по сути собрание обломков культуры. А этнографическая экспозиция - это отчаянная попытка выстроить из этих обломков целостное здание. К сожалению, здание это чаще всего выглядит покинутым (даже если оно населено манекенами из папье-маше), и холодный блеск музейных витрин только усугубляет ощущение отчуждения.

Что же является источником этого отчуждения, и возможны ли здесь какие-то альтернативы? Как показывает опыт развития музейного дела во всем мире, а также опыт ряда сибирских музеев, такие альтернативы существуют, и все они связаны с выходом за рамки классической модели этнографического музея.

На протяжении вот уже более полутора столетий этнография является аванпостом европейской культуры во взаимодействии с культурами иных народов. Именно ученый-этнограф, делегированный Европой для установления межкультурных контактов, досконально знает, как устроена та или иная культура, и берет на себя роль проводника в общении с нею. Однако, как бы велики ни были его познания и его сочувствие к представителям этой культуры,

он неизбежно, в силу своей профессиональной принадлежности, рассматривает ее из внешней позиции, как "чужую", ибо в тот момент, когда он отбросит рефлексивное к ней отношение, прекратит быть ее наблюдателем и целиком примет ее имманентные ценности, он перестанет быть ученым.

И наука, и музей - европейские институты. В не-европейских обществах есть мудрецы и священнослужители, храмы и капища, но науки и научных музеев (в подлинном, новоевропейском значении этих терминов) в них исходно, по определению не существует. Поэтому всякий традиционный музей, где главенствующую роль играет этнограф, остается "по эту сторону" межкультурного взаимодействия. При всей его значимости как инструмента познания, он является иррелевантным по отношению к тем культурным процессам, которые он фиксирует, иначе говоря, колониальным, во всех - как негативных, так и позитивных - смыслах этого слова.

Однако в нынешнем быстро меняющемся мире сама концепция музея неизбежно меняется. Хотя позиции классического этнографического музея до сих пор остаются во всем мире довольно прочными, его монополия в области создания этнокультурных экспозиций оказывается сегодня уже под вопросом.

Когда англичане ушли из Индии, а французы из Африки, правительства стран, получивших независимость, встали перед вопросом, как быть с музеями, доставшимися им в наследство. В одних случаях колониальные музеи были подвергнуты радикальной модернизации с целью приспособления их к особенностям национальной культуры. В других они остались без изменений, но параллельно стали возникать попытки (иногда весьма успешные) создания в подлинном смысле национальных музеев, отличающихся как от музеев европейского типа, так и от институтов, традиционных для того или иного общества.

Например, африканцы пришли к выводу, что принятая в Европе модель музея им не подходит, т.к. не отвечает свойственным их культуре темпераменту и динамике. Они пошли по пути заполнения музейного пространства живым фольклором - песнями, танцами, ритуалами, - в которых оживают и используются по прямому назначению музейные вещи. Такая концепция предполагает и совершенно иное отношение к музейным предметам: если вещь изнашивается или ломается, вместо нее делают новую. Поэтому музей превращается еще и в мастерскую или в центр традиционных ремесел.¹⁵

Постепенно эти и другие концепции, рождавшиеся на периферии европейской цивилизации, стали оказывать обратное воздействие на развитие музейного дела в самой Европе и в Америке. Это центростремительное движение, которое пришло на смену центробежной (т.е. европоцентристской, колониальной) культурной политике, началось в 1960-е гг. и продолжается по сей день. В результате музейное дело во всем мире приобретает сегодня черты многоукладности: наряду с традиционными европейскими этнографическими музеями появляются принципиально новые, не известные ранее ни в Европе, ни в других регионах учреждения музейного типа.

Другая альтернатива классическому этнографическому музею вызревала на протяжении XX в. в самой Европе, в северной ее части, и была связана с

¹⁵Zygulski-jun, Z. Muzea na Swiecie. - Warszawa, 1982.

практикой перевозки и музеефикации традиционных деревянных построек, главным образом скандинавских, и созданием на их основе музеев под открытым небом. В отличие от привычного интерьерного ("витринного") музея, музей под открытым небом (в музееведческой литературе их часто называют "скансенами" - по имени первого музея такого типа, созданного в конце прошлого века А.Хазелиусом близ Стокгольма) позволяет показывать вещи не изолированно, а в их повседневном контексте, в естественном окружении, в культурной и природной среде. Благодаря этому скансен создает целостный образ культуры как системы взаимодействия человека с миром.

Базовой экспозиционной единицей служит в структуре скансена архитектурно-этнографический и ландшафтный комплекс - дом или храм, - выражающий принятую в данной культуре модель космоса.¹⁶ Это позволяет очень точно передавать важнейшие характеристики традиционной культуры многих народов, которая сама по себе неотделима от неба, земли, озер, рек, лесов и от их многочисленных обитателей - видимых и невидимых, телесных и бестелесных, - так или иначе представленных в культурном сознании.

Скансены безусловно стали шагом вперед по сравнению с классической европейской моделью музея, ибо они позволили более точно и тонко воспроизводить целостный образ традиционной культуры, учитывать национальные и региональные ее вариации. Однако постепенно прояснилась и их ограниченность. Как показывают дискуссии, идущие на страницах музееведческой литературы, такой метод строительства музеев дает возможность эффективно моделировать "оболочку" культуры, но далеко не всегда рождает ее живой, динамический образ. Пока представленный в экспозиции дом (или храм) остается пустым, он воспринимается как муляж, макет, как изображение дома, пусть даже и выполненное в натуральную величину. Некоторые исследователи говорят в этой связи о "трагедии нежилого дома" или усматривают в скансене "кладбище архитектуры".¹⁷

Поэтому во всем мире идет поиск методов, позволяющих наполнить жизнью статическую "оболочку" музеев под открытым небом. Сделать музей местом существования и развития живых традиций - это сегодня сверхзадача всякого скансена. Такого рода "анимация" нужна не только для достижения зрелищности, но и (часто в еще большей степени) для выживания и воспроизводства самой живой культуры, естественное жизненное пространство которой во многих случаях катастрофически сокращается.

Традиционная музейная технология сфокусирована обычно на сохранении материальных предметов. Успешно спасая от разрушения произведения искусства, бытовые предметы, результаты и орудия хозяйственной деятельности, музеи сплошь и рядом не обеспечивают их функциональной, контекстуальной и семантической сохранности. Иначе говоря, в музеях нередко хранятся вещи, которые уже никто не может воспроизвести, никто не знает, как их использовать, и какой в них заключен смысл.

¹⁶В этнографии тождество дома и космоса является одной из чрезвычайно продуктивных идей. См., например: Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: дом и космос. - Новосибирск, 1990.

¹⁷Этому, в частности, был посвящен доклад А.Н.Давыдова на Международной конференции "Проблемы музеев под открытым небом в современных условиях", проходившей 17 - 18 июня 1993 г. в Архангельске.

Привнесение в музей живой деятельности позволяет дополнить статический (предметный) образ культуры ее динамическими (непредметными) формами. Как показывает анализ работы скансенов, некоторые из них идут при этом по пути регулярного (или сезонного) применения динамических форм деятельности, другие используют их в концентрированном, праздничном (фестивальном) режиме. Сами методы анимации можно разделить на несколько групп.

(1) Использование "живых экспонатов". Эта группа методов включает: разнообразные формы театрализации; организацию в экспозиции работы народных мастеров и умельцев; выступления фольклорных коллективов и т.д. Участники того или иного действия являются при этом своего рода актерами, посетители - зрителями, а работник музея выступает в качестве сценариста, и до некоторой степени - режиссера этого зрелища.

(2) Вовлечение в деятельность посетителей. В этом случае публика превращается из пассивных зрителей в активных участников деятельности, - обрядовой, хозяйственной и т.д. - организуемой музеем по традиционным технологиям, а работник музея выступает в роли проводника или инструктора.

(3) Предоставление музейной площадки для "внутренней" деятельности членов этнического сообщества - ритуалов, праздников и т.д. Это позволяет максимально приблизить музей к живым формам бытования национальной культуры. Если не возникает каких-нибудь этических ограничений, публика может (как в первом случае) наблюдать это действие как зрелище или даже (как во втором случае) принимать посильное участие в происходящем. Однако для внешних посетителей и для носителей данной культуры смысл участия в действии будет совершенно различным. Сложным образом распределяются и роли сотрудников музея, организующих такую работу.

(4) Пополнение штата музея членами того сообщества, культуру которого он призван сохранять и демонстрировать. Принимая "правила игры", установленные в музее европейского типа, такие сотрудники вместе с тем имеют возможность корректировать "музейное сообщение", помогая (коллективу и посетителям) расставить в нем правильные акценты.

В Центральной Сибири классическим примером скансена может служить музей-заповедник в Шушенском. Созданный в 1970 г. для увековечения памяти В.И.Ленина (который находился здесь в ссылке) он стал одновременно этнографическим музеем под открытым небом, воспроизводившим облик русского сибирского села конца XIX в. В течение двух десятилетий музей жил в плену обычной экскурсионной рутины, рассчитанной на приезжих, однако исподволь накапливал потенциал, развивая этнографические коллекции. Поэтому, когда в начале 1990-х гг. ленинская тема стала непопулярной, а поток туристов почти иссяк, музей с легкостью переключился на местных жителей и стал, в соответствии с новой концепцией, живым центром традиционной русской культуры.¹⁸

Таким образом, музей в Шушенском проделал в течение двух-трех лет эволюцию, на которую европейским скансенам понадобилось столетие. Сейчас

¹⁸См.: Концепция развития государственного историко-этнографического музея-заповедника "Шушенское" (Авторский коллектив / Под ред. Н.А.Никишина). - Шушенское, 1993.

он освоил методы, относящиеся к первым двум группам, и вплотную подошел к третьей и четвертой. Сходным путем и по сходной модели (хотя и в более широком этнокультурном диапазоне) развиваются сегодня музеи под открытым небом в Западной Сибири, в частности, в Томске и в Тюмени (на Андреевском озере), а также музей "Томская писаница", расположенный в Кемеровской области.

По-видимому, скансен в своем современном, развитом виде является перспективным типом музея в Сибири с ее огромными просторами, многонациональным населением и только набирающим силу процессом урбанизации. Сравнивая его с классическим этнографическим музеем, можно утверждать, что скансен стоит ближе к истокам национальной культуры, лучше передает ее своеобразие и полноту, и потому является более чувствительным этнокультурным инструментом, более эффективным средством межкультурного диалога.

Однако концепция скансена уже не является последним словом музеологии и музеологии. В конце XX в. события в области межкультурных взаимодействий развиваются столь стремительно, что достижения, еще вчера казавшиеся непревзойденными, выглядят сегодня едва ли не хрестоматийной банальностью. В 1970-е гг. разработанные на базе скансенов методы анамации, соединившись с опытом пост-колониальных музеев, вызвали к жизни совершенно новую концепцию, которая, на первый взгляд, поставила под сомнение самые основы европейской музеологии.

Идея "экомuzeя" была сформулирована французским музеологом Жоржем-Анри Ривьером, и в 1980-е гг. получила распространение сначала во Франции, затем в Канаде, в Латинской Америке и во многих других странах. Главной особенностью экомuzeя, отличающей его от всех музеев предыдущей формации, является то, что деятельность его строится на основе привлечения местных жителей (отсюда другое его название - общинный музей), причем не столько в качестве посетителей или даже "живых экспонатов", сколько в роли активных субъектов музейного дела, которым принадлежит в музее вся полнота инициативы и ответственности.

"Экомuzeй, - писал Ж.-А.Ривьер, - это зеркало, в которое смотрится местное сообщество, пытаясь отыскать в нем свой образ, охватить единым взглядом территорию, на которой оно проживает..., зеркало, в которое местные жители дают заглянуть пришельцам, чтобы те могли лучше понять место, в котором они очутились, и прониклись уважением к труду, обычаям и особенностям живущих здесь с давних времен людей."¹⁹

Деятельность экомuzeя предполагает определенный настрой жителей данной территории, их безразличие к окружающей среде, к своему образу жизни, к прошлому и будущему. В то же время, осуществляя конкретные начинания, представители местного сообщества могут искать поддержку у властей, привлекать различных экспертов со стороны. Экомuzeй является, таким образом, местом встречи, диалога специалистов и местных жителей, обсуждающих проблемы данной территории, ее природного и культурного ландшафта.

¹⁹Ривьер, Ж.-А. Эволюционное определение экомuzeя // Museum. - 1985. - N148.

Идея вовлечения местных жителей была только намечена в работе скансенов, но не получила в их структуре последовательного развития. Это и не могло быть иначе, пока главным субъектом музейной деятельности оставался ученый-этнограф. В экомузеях - обратная иерархия. Здесь все определяется интересами местного сообщества, а этнограф (так же как и любой другой специалист) заведомо имеет право только на совещательный голос. В этом смысле экомузей в точности реализует принцип равноправия "ученых" и "неученых", сформулированный сто лет тому назад в философии музея Н.Ф.Федорова.²⁰

Экомузеи по определению не имеют устойчивого профиля, являются междисциплинарными (по мнению наиболее радикальных последователей Ривьера - внедисциплинарными) и потому темы и формы их работы могут быть в принципе какими угодно. Для того, чтобы экомузей приобрел этнокультурную направленность, необходимо выполнение ряда условий, важнейшим из которых является компактное проживание представителей некоторого этноса и их готовность посвящать свои силы и время деятельности, нацеленной на создание образа традиционной национальной культуры, - такого образа, который служил бы ценностным ориентиром для них самих, и который, с другой стороны, можно было бы предъявлять "пришельцам".

В наши дни, когда народы и культуры перемешались в огромном котле европейской цивилизации, такая ситуация представляется практически неосуществимой. Тем не менее, за последние несколько лет в Ханты-Мансийском автономном округе появились новые музеи, посвященные культурам проживающих здесь этнических меньшинств, которые, по самым строгим критериям, можно отнести к разряду экомузеев.²¹

Таковы музеи, созданные в Варьегане, Русскинских, Сосьве, Казыме, а также (в значительной степени) музей "Торум Маа", расположенный в Ханты-Мансийске. По форме они являются музеями под открытым небом. По механизму создания и способу жизни - экомузеями. Все они возникли не "по разнарядке", не по решению властей, как это происходило обычно прежде, а по инициативе местных жителей, которые (во всяком случае, на первых порах) не имели ни поддержки, ни субсидий, и делали все по своему почину, своими руками и на свой страх и риск. Лишь совсем недавно эти музеи стали получать отчисления из местного бюджета.

Можно себе представить, какую гигантскую работу проделали люди на чистом энтузиазме, чтобы перевезти из тайги заброшенные постройки, дополнить их традиционными сооружениями, которые не сохранились, но память о которых жива, обустроить интерьеры и территорию... Когда музеи такого масштаба создаются по инициативе государства, над ними работает сначала большой коллектив проектировщиков, затем - целая армия исполнителей, не говоря уже о штатных сотрудниках, обеспечивающих деятельность этого научно-просветительного учреждения.

²⁰Федоров Н.Ф. Указ. соч.

²¹Подробнее см.: Гнедовский М. Зеркало живой культуры // Федерация. - 1993. - N101; Гнедовский М. Тайны под открытым небом // Мир музея. - 1994. - N3; Гнедовский М., Никишин Н. Путь к Священной Земле // Югра. - 1994. - NN 6, 7, 8.

Но эффективность такого рода музеев измеряется конечно не только экономией средств. Экомuzeи являются своеобразной "культурной прививкой", попыткой перенесения европейского по происхождению института на совершенно иную культурную почву, где он "мутирует", претерпевает качественные изменения и (в успешных случаях) начинает служить развитию культуры данного этноса. В Варьегане в музее оборудовано священное место, где в урочное время приносят жертву духам-хранителям. В Русскинских и в Ханты-Мансийске в музее проводят Медвежий праздник, который является главным сакральным ритуалом в культуре хантов и манси. Усилиями Сосьвинского музея восстановлен праздник, посвященный духам реки, издревле проводившийся в Кимкьясуе.

И все это - не забавы, не спектакль для заезжих туристов, а вещи, которые сами ханты и манси воспринимают абсолютно всерьез. Здесь задействованы глубинные ценности, определяющие национальное самосознание. И музей - это не кладбище культуры, не хранилище ее случайных обломков, не пустая ее оболочка, но - квинтэссенция живой традиции, механизм ее воспроизводства и развития. В сущности, это уже не музей, а своего рода "кентавр", соединяющий черты европейского института и институтов, традиционных для данного общества.

В то же время, для человека со стороны, для "пришельца" здесь создан абсолютно аутентичный образ иной культуры, подлинность которого ощущается буквально во всем - в расположении вещей и построек, органично вписанных в природный ландшафт, в царящей здесь непринужденной атмосфере, в беседах за чашкой чая с людьми, которые являются хранителями как в европейском, музейном значении этого слова, так и в эзотерическом смысле этой культуры, где хранитель священного места - почетная жреческая обязанность.

Жители, построившие музей своими руками, часто приходят сюда, как сами они объясняют, "обсудить что-то важное, попить чайку, постучать в бубен". Когда кому-то в хозяйстве понадобится какая-то вещь (например, оленья упряжь), он возьмет ее, а потом возвратит на место. В другой раз он сам принесет и подарит музею старую заслуженную вещь, сделанную, быть может, его дедом.

Создатели музея никогда не читали не только трудов Ж.-А.Ривьера, но и обычного учебника по музееведению, и потому для них не существует многих разграничений, которые являются аксиомой для профессионала. Они не знают различия между фондами и экспозицией, между специалистами и публикой, между научным фактом и мифом. Тем не менее, для внешнего человека эффект от посещения такого музея является просто ошеломляющим. Воистину, образ культуры, полученный из первых рук, не может сравниться с образом, созданным даже самым искусственным профессионалом, находящимся по отношению к этой культуре во внешней позиции.

Если культура это дом, который может быть своим или чужим, в который можно войти или остаться снаружи, то экомuzeи - место, где ханты и манси (а в Варьегане еще и лесные ненцы) находятся у себя дома, а посетитель - в гостях. Это - их культура, и она имеет свои сокровенные стороны, которые не обязательно демонстрировать каждому встречному. Есть вещи, относящиеся к

сакральной сфере, которые не покажут "пришельцу", а только туманно расскажут о них, намекнут, обозначив этическую границу, которую не следует переступать.

Экомuzeи Ханты-Мансийского округа возникли в силу уникального и в целом драматического стечения обстоятельств. Здесь сыграла роль страшная удаленность и труднодоступность этих мест, благодаря которой национальная культура сохранилась в своих близких к традиции формах. Вместе с тем, наступление индустриальной цивилизации, явившейся в образе нефтяников, привело к разрушению экологической ниши этой культуры, поставило ее на грань выживания. Наконец, либерализация периода "перестройки" позволила говорить вслух о проблемах малых народов, а главное - действовать, спасая то, что еще можно было спасти, возрождая то, что еще не было забыто.

Есть и еще одно обстоятельство, существенное для понимания ханты-мансийского экомuzeйного феномена. Совсем недавно многие смотрели на традиции этих народов как на пережиток. Сегодня отношение к ним меняется на глазах. И дело не только в том, что люди учатся уважать самобытность чужой культуры. Не менее важно, что традиционные ценности смыкаются с новейшими экологическими представлениями, что они указывают выход из кризиса современной цивилизации.

Экомuzeи Ханты-Мансийского округа стали отчаянной попыткой культурного самоопределения и самовыражения отдельных национальных общин. В них культура, оказавшаяся на грани уничтожения, утверждает свои ценности и заявляет о себе миру. Они являются беспрецедентным пока примером того, что культура может говорить в музее от первого лица, и голос ее будет услышан. Это открывает совершенно новые возможности для развития межкультурного диалога.

Теперь мы можем вновь - но на сей раз уже в обратной перспективе - кратко проследить историю развития этнокультурных экспозиций за последние сто с лишним лет. Классическая этнографическая экспозиция, возникающая на первом ее этапе, рассматривает всякую культуру как "чужую", указывает на нее как на некий вне нас лежащий объект. Иначе говоря, она повествует о культуре "в третьем лице".

Следующий этап - экспозиция музеев под открытым небом (классических скансенов), основанная на имитации средового погружения в иную культуру, - это попытка перейти с культурой "на ты".

Экомuzeй как ценностное самовыражение культуры, осуществляемое ее носителями, появляется на третьем этапе и служит логическим завершением этой линии развития. В его экспозиции происходит непосредственная демонстрация ценностей этнической общности, обращенная как вовнутрь, к членам самой этой общности, так и вовне - к представителям иных культур. Таким образом, это - взгляд на культуру "изнутри", повествование "от первого лица".

В то же время, появление экомuzeев отнюдь не отменяет двух других, исторически более ранних типов этнокультурной экспозиции. Как в любом языке есть три личных формы местоимения или глагола, и все они одинаково нужны для полноценного человеческого общения, так же и каждый из трех

названных типов экспозиции задает свой ракурс восприятия культуры, который играет особую роль в процессах межкультурного взаимодействия, и не сводится к двум другим. С точки зрения предложенной типологии, ситуация до сих пор была неполна. С появлением экомузеев в ней было восстановлено равновесие, появилась симметрия, необходимая для равноправного диалога различных культур.

**СНЫ О САРАПУЛЕ
ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КИТЕЖ-ГРАДУ
(Сценарий центральной экспозиции
Музея истории и культуры
Среднего Прикамья. Удмуртия, город Сарапул)***

О УЧЕНЫХ И НЕУЧЕНЫХ

*Бывают крылья у художников,
портных и железнодорожников,
но лишь художники открыли
как прорастают эти крылья.*

Г.Шпаликов

Вероятно, автор уже порядком надоел, рассказывая о музейной экспозиции - как о произведении искусства, о музейном сценарии - как о пьесе, о художнике - как о режиссере... Все это известно студентам, аспирантам, коллегам по работе и, несомненно, сотрудникам музея. Остальных же отсылаем к научной концепции, к соответствующим статьям, к монографии, - в общем, к...

... Как сие ни покажется странным, но самые тяжелые люди в музейном проектировании - это Ученые. Не важно - музейеведы или специалисты, истории или археологи, биологи или географы. О них писал еще Н.Ф.Федоров, потерявший всякую надежду достучаться сквозь ученые мозги к неученым сердцам. Впрочем, у нас нет претензий к представителям “большой” науки, а вот неистовым ревнителям “малой” пожелаем написать как мажно больше ученых книжек в...

В дали от экспозиционных площадок создавались когда-то “теории” и “концепции”, наукообразные грубо вторгались в музей, лишая уникальный предмет (потенциально гениального актера!) права на самовыражение. Иллюстрация вытесняла подленик, иллюстративность - творчество. Посетитель оставался чужим на этом празднике Науки. Что же касается художника, то...

...Призванный оформлять чужие идеи, выдаваемые за истину в последней инстанции, представитель искусства выступал в роли шестерки у тузов от науки. Теперь все смешалось в Доме, традиционно называемом музеем. Ученый шестерит у Художника в качестве консультанта, а политическая, наукообразная мифология заменяется мифологией поэтической, воплощенной

* Автор благодарит за оказанную помощь в работе директора МИКСП Н.В.Вечтомова, а также - О.Н.Дмитриеву, Н.Л.Решетникова, Л.Н.Насонову, Л.Л.Стародумову, В.С.Конюхову, Е.С.Печерских, Л.Н.Вавилову и других сотрудников музея.

в экспозиционно-художественных текстах. Искусство не вытесняет науку, а сбивает с нее...

Спесь, как говорится в известном фильме, дело тонкое. И лозунгами ее не собьешь. Поэтому есть смысл провести очередной эксперимент, точнее пьесу “Сны о Сарапуле”, постановка которой, будем надеяться, не только развлечет наших оппонентов в деле познания “микро-” и “макрокосмов”, но и поможет им избавиться от комплекса исключительности.

О КИТЕЖ-ГРАДЕ И СНОВИДЕНИЯХ

На дне души гудит подводный Китеж -

Наш неосуществленный сон!

М.Волошин

О Китеж-граде знают многие, а о городе Сарапуле практически никто. Затерялся он в глуши среднего Прикамья... Но вот три года назад неожиданно выплыл, озаботив проектировщиков НИИ культуры и удивив читателя журнала “Огонек”. Почему именно он? Неужели мало этих российских “китежей” ушло на дно революционного потопа, десятилетиями покрывавшего провинциальные архетипы российской культуры? Как бы там ни было, есть, вероятно, в этом “деревянном Суздале” некая тайна, не подвластная ни историческому, ни социологическому анализу. Но существует, с точки зрения Э. Фромма, одно средство постижения, точнее проникновения в подобного рода тайны. Речь идет о мифотворчестве вообще и о сновидениях в частности, ведь “большинство сновидений имеют много общего с мифами как по форме, так и по содержанию, и мы сами, считая мифы странными и чуждыми днем, ночью обретаем способность к мифотворчеству.”

Поверим классику и попытаемся создать миф о Сарапуле, используя ассоциативность, полифоничность “сновиденческих” средств, близких по смыслу и функции к художественным средствам. Напомним, еще в научной концепции ставилась антинаучная задача - изменить время и пространство Сарапула как символического центра Среднего Прикамья, перечеркнуть “периоды” и “этапы”, смешать “историю” и “природу”, в общем - добиться того, чтобы традиционная краеведческая структура трансформировалась в художественную структуру поэтического мифа. Здесь свои точки отсчета, своя система координат, свои цели и задачи. Главное - добиться гармонического единства всех трех ипостасей Бытия - Природы, Общества и Человека.

Но вернемся к городу, ушедшему на дно озера Светлояр. Что общего у него с Сарапулом? Прежде всего то, что Сарапула...нет. Точнее есть населенный пункт с таким названием, утратившим смысл и значение Центра. Когда-то цветущий город, покрытый деревянной резьбой, не только обувал (в прямом и переносном смысле) всю Западную Сибирь, но и мог позволить себе... отказаться от “революционной” свободы, поскольку был городом **Мастеров** в реальном значении этого слова. Впрочем, это тоже миф (имеющий, правда, фактическую подоснову), а в нашем контексте - тема для соответствующего “сна”.

С другой стороны, весьма интересна и этимология Китежа: Кидаш, Кидеш, - все это восходит к древнему городку Кидекша, расположенному в 4 км

от Суздаля. Дерево и камень объединяет фантазия городских умельцев, а также ассоциативное мышление авторов будущего спектакля.

И наконец самое главное. Китеж-град, как и наш мифологический Сарапул, населяли праведники, умевшие ладить с собой и с окружающей Природой. Нечестивцы туда не допускались. Это был город социальной справедливости, мифический рай, подобный древнеславянскому Ирию. И река здесь есть, правда не молочная, но, в принципе, выполняющая те же функции. Но у Камы есть свой “сон”.

Таким образом, возникнув во времена Батыя, миф о Китеж-граде наполнялся новым содержанием и новым смыслом. Устные предания о Китеже вобрали древнеязыческие и христианские поверья, рассказы о былинных и сказочных персонажах, воспоминания о **разновременных исторических лицах и событиях**. Еще раз вспомним Э.Фромма: “Мы видим живыми людей, которые уже умерли; мы являемся свидетелями событий, случившихся много лет назад. Два события, происходившие одновременно во сне, возможно, наяву не могли бы иметь место в одно и то же время...” В общем, нет ни Китежа ни Сарапула. Есть только сон, мечты о Городе, который уже был, но еще будет. А весь наш спектакль - это воспоминание о **Будущем**. Итак...

ПРОЛОГ

МУЗЕЙНАЯ КОСМОГОНИЯ

В воскресный день с сестрой моей

Мы вышли со двора.

“Я поведу тебя в музей”, -

сказала мне сестра...

С. Михалков

У нормального посетителя, перешагнувшего порог музея, последний вызывает самые противоречивые чувства - от любопытства до скуки. Но как бы там ни было, дело сделано, и вот он в **подвале**, где в общем-то есть все - от фондохранилища и кинозала до гардероба и туалета. Нет только экспозиции, в ее традиционном понимании. Словом, разделся, помыл руки . купил билет и...наверх , к стендам и витринам, где от бивня мамонта и археологических осколков до образцов современной продукции и фотографий передовиков выстраивается иллюстративная история своего края. Правда, есть еще чучело медведя и олени рога, да десятка живописных полотен местных художников...

Однако, стоп, дорогой посетитель. Бивень, рога и фотографии мы тебе гарантируем... в свое время и в нужном месте. А пока - научись “читать” нашу пьесу и “смотреть” наш спектакль. В книге - слова, в театре - артисты, у нас - вещи. И первое и второе и , в особенности, третье - символы, носители какой-либо идеи, мысли или чувства. Язык предметных символов - уникальный язык, изобретенный человечеством. Он универсален, характерен для любой культуры, понятен каждому... знающему грамматику и синтаксис.

Пространство подвала - это многослойный, на первый взгляд хаотичный **словарь**, хранящий лексические феномены, из которых, собственно, и складывается миф о Сарапуле. Точнее - остатки, невостребованная лексика. А

если сравнивать с театром - то актеры без роли, хотя их потенциальные возможности предельно обозначены.

Прежде всего, это “**открытые фонды**” - уходящая вглубь подвала система дверей, ящиков, стендов с прозрачными стенками, позволяющими создавать визуальный образ **Словаря**. Создается впечатление, что внешняя оболочка этого тезауруса (а роль Художника в ее исполнении огромна) всего лишь десятая, надводная часть лексического айсберга. Этот образ призван удовлетворить всех - и хранителя, мечтающего об открытом хранении своих ценностей; и проектировщика, вкладывающего в эту модную структуру свой смысл, работающий на общий сюжет экспозиции, и экскурсовода, сообщающего легендарные сведения о наиболее талантливых актерах, и посетителя, непосредственно знакомящегося с коллекцией музея и ...постигающего тайные замыслы авторов спектакля.

Но как быть с **кинозалом**, этой палочкой-выручалочкой, позволяющей выживать ленивым (извините за откровенность) хозяевам? А вот так: в экспозиционном проекте эта структурная единица должна органично войти в архитектурно-художественную ткань “Словаря”. Посетитель воспринимает ее как **часть фондохранилища**, как кино-и видеотеку...со своим специфическим “открытым хранением”. Репертуар? Пусть он останется на совести хозяев, хотя видео-фильм об истории создания этого музея, надо полагать, сможет конкурировать с любым боевиком.

И, наконец, самое главное, ради чего собственно и затевался Пролог. Практически в любом музее, а в провинциальном в особенности, там и сям торчат, укрытые попонкой, “лишние” экспонаты, по тем или иным причинам не нашедшие места ни в экспозиции, ни в фондохранилище. Этот пожароопасный бардак приобретает в нашем музее качество эстетического объекта или экспозиционно-художественного образа, как сказали бы ученые-музеееды. Мы целенаправленно моделируем **Хаос**, раскладывающейся по необходимости на концептуальные составные части. Это прежде всего экспонаты, связанные с трагическими, разрушительными, некрофильными мотивами в истории края: пушки, ядра, кистени, кандалы, вилы, оставшиеся от пугачевского бунта, документы мултанского дела и ему подобных, материальные свидетельства “революционных” бунтов, живописные иллюстрации к гражданской междуусобице (в частности - к обоюдным затоплениям барж с пленными), к четырехлетней смуте, переросшей в классовую резню, документальные свидетельства “коллективизаций”, соседствующие с аналогичными символами “крепостного права”; не забыты и красные полотнища, золотобуквенные грамоты и иные декоративно-коммунистические символы; здесь же и материальные свидетельства перестроечного и постперестроечного бардака - партии, митинги, детскосадовские листовки, залетевшие в зачухонные переулки полуразрушенного города...В принципе - это экспозиция **смутной истории края**, концептуализированный **Хаос**, реальный по отдельным элементам, но inferнальный по сути. Жить и нежить, Явь и Навь, Правь и Кривь - традиционные оппозиции Светлого и Темного, Гармонии и Хаоса получают в наше музее новый смысл: Космос не только не рождается из Тьмы, он существует **параллельно** с нею. И отделяя “Китеж” от “Пекла”, мы лишь подчеркиваем их **реальную** взаимосвязь, смущающую посетителя, преступившего порогу музея в обратном направлении.

А вот и сами “создатели”:Саваоф, Аллах, Сворог, Инмар, Ен, Кугу-Юма... и им подобные демиурги. Впрочем, у них вполне земные лица. А секрет прост - это **фотосилуэты** (или иные условные обозначения) **реальных создателей музея**: научных сотрудников, сценаристов, художников, строителей. Их изображения, органично входящие в художественную ткань условных “витрин” - пластических образов, концентрирующих вокруг себя музейные “натюрморты” - появляются в самых неожиданных точках, заставляя посетителя ощущать эффект присутствия, - т.е. превращая его из статиста в соучастника, свидетеля космогонической истории, Итак, занавес... Извините, лестница, ведущая нас наверх.

СОН ПЕРВЫЙ

(тихий)

ДОРОГА К ХРАМУ

“Есть где-то в какой-то далекой, земле такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по ней на землю ночью перед светлым праздником”.

Н.В.Гоголь.

Мы считаем степени, отвлекаясь от утилитарного смысла, точнее теряя чувство реальности из-за все нарастающего ушедшего в лету Города. “В тихую погоду можно услышать звон китежских колоколов, а в глубине прозрачной воды увидеть утонувший...”-но закроем мемуары очевидцев и доверимся сну. **Колокольный звон** сопровождает наше движение к Цели. А в ее истинном смысле ошибиться трудно. Да, мы движемся к **Храму**, абстрактному и конкретному, мифическому и реальному. Он вырастает буквально на глазах, уходя ввысь и провоцируя наше движение.

У каждой модели мира (а чем наша хуже?) есть своя ось, свой опорный столб, пронизывающий все ипостаси Космоса. У одних народов - это мировое дерево, у других - мировая гора... Но земной смысл мировой оси всегда воплощался в Храме - православном, мусульманском, языческом... И наш “Китеж” (он же .сарапул) неуклонно соблюдает эту традицию. Славянское Древо или Алатырь-камень, удмуртский Мудор (главное дерево Великого Леса) или Инюбо (небесный столб), мусульманская гора Каф, подпирающая вселенную, - эти и им подобные мотивы органично вплетаются в нашу конструкцию, собирающую символические атрибуты всех религий и постепенно трансформирующуюся в образ реального Храма-Вознесенской церкви, расположенной когда-то в центре Сарапула - русского города в Предуральской земле.

“Мировое древо”, являющееся по сути дорогой к Храму, организует нашу модель земного рая, определяя его пространственные ипостаси. Мы начали с подвала, с момента творения (а у нас - творчества), поднялись по ступеням (мотив многоступенчатой “земли” и “неба” в мусульманской традиции) и оказались в “**круге первом**” - в пространстве, определяющем гармоническое единство Природы и Общества. Что касается Личности, то мы

придем к ней по спирали, создав еще один “этаж” в нашей модели - “круг второй”, где мифологическая триада (триглав, три???) уступает место **Святой Троице**: взаимопереход стихий заменяется взаимоотражением личностей, двойничество - диалогом, тихой беседой без слов до конца раскрытых друг другу в жертвенной самоотдаче собеседников (вспомним Андрея Рублева). А все вместе - это и есть затонувший Китеж, извините, забытый Сарапул, бывший когда-то Центром Земли с невыразительным названием “Среднее Прикамье”. Кстати о Каме. Это второй лейтмотив (да простят музыковеды) движения, обозначающий реальные, географические границы наших сновидений.

СОН ВТОРОЙ

(продолжительный)

РЕКА ЖИЗНИ

Жизнь пришла от щедрой Камы

С весенним буйным половодьем.

И теперь, резвясь, слегка мы

По течению поплывем...

В.Каменский.

Один из эпитетов Иисуса Христа - “Река жизни”. А в Коране описывается река Кевсер, текущая под самым небесным сводом. Быстрота ее подобна полету пущенной стрелы, а ее белые воды на вкус слаще сахара и по запаху приятнее мускуса. Стоит ли напоминать и о молочной реке, текущей по славянскому раю-Ирию...

В общем функции райских рек во всех случаях одинакова - они символ жизни и одновременно граница, окружающая... В нашем случае - Китеж-Сарапул, точнее его пространственную модель, нуждающуюся в горизонтальной оси. Движение по Реке - это движение сквозь ряд уникальных этно-культурных оазисов, образующих “Среднее Прикамье”.

Для каждой культуры, основанной на мифологическом, конкретно-чувственном восприятии мира, характерно символическое переосмысление реальной реки; у енисейских хетов ось вселенной - Енисей, у древних египтян - Нил, у китайцев - Хуанхе. В этот перечень входят и Ганг, и Янцзы, и Миссисипи ... У удмуртов Кама - космическая река, протекающая через все три мира Вселенной. По Каме они отправляли своих вестников - **лебедей** (а в нашем случае - это реальные экспонаты, пылившиеся когда-то в отделе “Природы”) к Ин-Мару, живущему выше всех Богов на небесах.

Итак, мы вступили в Реку, а значит оказались в начале неведомого пути, пройдя который, согласно изотерической традиции, должны обрести новый статус, новую жизнь. Но это все в будущем, а пока - метаморфозы Реки неожиданны, она появляется в разных точках пути и в разных ипостасях: это и реальная Кама, с **этнографическими** предметными символами (лодки, сети и т.д.), характеризующими жизнь человека у воды, это метаморфическое выражение Времени, поэтически обогащенное образом **полотенца** (русского, удмуртского, татарского, башкирского), это и мифологическое воплощение природного божества, характерного для каждой из соседних культур. В

последнем случае интересен мотив **лодки**, воспринимаемой как живое существо: вступив в воды Смерти (а значит - Жизни) человек возвращается в изначальное состояние, ведь умереть - это родиться вновь.

Наконец, Река появляется и в верхней структуре нашей модели - “круге втором”, - где пространство прикамского “Китежа” сужается до границ реального Сарапула: с ней связана и хозяйственная, и культурная, и обыденная жизнь Города. Словом, если Храм - душа “Среднего Прикамья”, то Кама - его кровь, обеспечивающая жизнеспособность каждой из частей этого уникального организма.

А вдоль Реки (и вдоль нашего пути) - Природа в ее растительных и животных ипостасях. Впрочем, в каждом из “этнокультурных” комплексов растения, звери и птицы обретают новые роли, превращаясь (с помощью Художника), в те или иные мифологические персонажи. В ученых книжках подобные “экспонаты” называют **инкорнациями**. Запомним это слово.

И еще одна “река” течет под ногами запуганных посетителей - река палеонтологических и археологических останков, свидетелей природных и исторических безумств, творимых в течение нескольких тысячелетий. Но это уже другой сон.

СОН ТРЕТИЙ

(кошмарный)

МЕРТВАЯ РЕКА

Мы вступаем на “круг первый”, где царит гармония двух ипостасей Бытия - Природы и Общества, но под ногами - останки былых эпох - кости мамонтов и речных носорогов, свидетели палеонтологических стоянок, каменные мотыги, бронзовые украшения, керамические осколки... Такое ощущение, что пять этнокультурных оазисов - **русский, башкирский, удмуртский, коми-пермский, татарский** - не столько выращены “на костях” предшествующих тысячелетий. Эта “**мертвая река**” течет параллельно Реке Жизни, но в точках их пересечения оживают безмолвные свидетели времени, и среди археологических натюрмортов появляются фрагменты великого передвижения народов. Мы зримо ощущаем это движение и мыслим целыми тысячелетиями.

Вот **второе** до нашей эры, когда столкнулись на камском рубеже представители двух миров - финно-угорского и индоевропейского. Железо сменяет бронзу и мы в первом тысячелетии, свидетелями которого становятся оживающие памятники ананьинской культуры. Ученые называют их “классическим” ананьино, но для нас - это корни **удмуртов и коми-пермяков**... Мир снова перевернулся и время “до нашей” сменяется “нашим” временем. В конце первого тысячелетия (а для нас это очередное пересечение живой и мертвой реки) появляются болгары - предшественники **татар**, а в начале второго - **башкиры**, уже тронутые мощным напором мусульманской культуры. Движение Батые и его последователей - еще одно скрещение двух потоков, спровоцировавшее ответное движение на восток: XIV-XVI века - эпоха **русских** переселенцев, строителей пограничных крепостей и монастырей. А в итоге

(концептуальная основа для нашей гармонии) образовалась двухчастная модель пограничной ситуации, равновесие в которой были призваны поддерживать те, кто пришли позже всех...

Итак, на границе леса и степи выросли и сосуществуют (а в реальной географии - соприкасаются) пять этно-культурных групп: **удмуртская** и **коми-пермская** (представляющие финно-угорский мир), **башкирская** и **татарская** (тюрко-мусульманский мир) и, **русская**, объединяющая. Но наша “мертвая река” не обрывает своего течения: также, как и “река жизни”, она достигает “круга второго”, чтобы найти свое последнее пристанище в тиши археологической коллекции, хранимой жителями Грода Ученых.

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

(сказочный)

ДАЖЬБОГОВЫ ПРАВНУКИ

Отцам нашим и матерям -слава!

Так как они учили нас чтить богов наших

и водили за руку стезей правой

Так мы шли, и не были нахлебниками,

а были русскими - славянами,

которые богам славу поют

и потому суть славяне

“Велесова книга”

...И там, где Кама обернулась молочной рекой, потянулся вверх росток, вырос в **дерево**. К небу дерево протянулось, а корнями ушло в Землю-матушку...

Это дерево - солнечный **Дуб** - ипостась “мирового дерева”, часть оси прикамского “Китежа”. Это - центр “круга первого”, вселенской гармонии Человека, Растения, Зверя и Птицы.

Оживает коллекция краеведческого музея, тоскуют ученые, но празднует публика. На четыре стороны света размахнулась Природа: Род разрушил темницу силою Любви, Лады-матушки, тогда Любовью мир наполнился. Крона дуба - птицы небесные, а вокруг ствола - звери лесные.

Вот очерчен на стволе, мировом столбе, священный Триглав - Сварог, Перун и Свентовит. Первый Роду всему вечно бьющий родник, второй к битве и тризне ведет, а третий от Нави темный оберегает, через него виден белый свет.

Но оживает вдруг Перун золотоусый, оборачивается **Орлом** поднебесным, тянется к белой **Лебеди**, Диве-Додоне. Знать весна пришла и с нею - лубовь... А свидетель сей тайны небесной - птица мудрая Сва, что в ученых книгах Совою названа: в тиши дуба сидит прапраматерь Руси, Лада-матушка.

А у дуба того, у самой воды свила гнездышко **Утка** серая, прародительница Земли-матушки, самого Рода небесного. Ну а **Заяц-русак** - то Ярило-бог, убегающий от Бессмертного.

На пути его - **Алатырь-камень**. Он упал с небес, в Землю намертво врос. **Письмена** на нем огнем выжжены. То законы Сварога и "Китежа". Охраняет их **Ворон-страж**, инкорнация Змея Черного, что владеет царством подземным. Прочитаем мы строчку последнюю: "Если вы мой закон не взлюбите, напущу свирепых зверей на вас и **Волка** чудовищ пекельных!" Чтут законы в земле "Китежской", почитают и серого, Инкорнацию Волха-воина, что женился на Параскее, на царице ада пекельного. Напомнит о них и хозяин лесов бурый **медведь**, а иначе Велес, могучий бог, муж Бури-Яги, Вия дочери (Семь Плеяд на Руси "Нолосынями" звались, а созвездие то - "Власожилищем").

Рядом с дубом тем стоит дом не дом, обтрог не острог, изба не изба. Бревна струганы, стены сложены. То ли дерево, то ли свет-стекло. Только контуры узнаваемы. Здесь и горница, и подклеть, и крылечко есть. **Печь, лачуги, стол, лавки** вдоль стены. А в переднем углу - **образа** висят, полотенцем расшитым украшены. На одном из них - **Илия-Святой**. То Перуново превращение. На другом из них - **Власий-мученик**. То Перунов враг, Велес-скотий бог. Полотенце их успокоило. Ну а в доме том всего в досталь есть. Стол дубовый накрыт всякой всячиной. Здесь и **блюда** есть и **тарели** есть, **солоницы, енды и братины**. **Скатерть** белая, полотняная. **Ножки** гладкие, резьбой охвачены. Кроме лавок - **скамьи** с приголовником, ну и **прялка, сундук, люлька** детская...

А из печи кладной, из трубы ее птица огненна, **Сокол** вылетел. То Сварожич-Семаргл, бог огня взлетел, от хозяев понес он богам дары.

Мы войдем в тот дом, в избу светлую. Угостят нас хозяин с хозяйкою. Посидим, поедим, выпьем сурицы. Речь послушаем, Гамаюна сказ.

-Птица вещая, птица мудрая, много знаешь ты, много ведаешь. Ты скажи, Гамаюн, спой-поведай нам... Отчего зачался весь белый свет? Солнце Красное как зачалось? Месяц светвый и часты звездочки от чего, скажи, народился? И откуда взялись ветра буйные? От чего пошли люди Русские?

В центре той избы муж с женой сидят, то есть плоти нет, только образы. То **костюмы-"жених"с "невестою"**. Нет особой нужды их описывать: красно-белый цвет и хитер узор, сапоги сверкают на солнышке... У кого мы в гостях? Догадаться не трудно.

Когда смыло рекой все грехи с Земли, оживили мир ясный бог **Дажьбог** с легкокрылою **Живой-Жизнею**. Средь людей они на земле живут, утверждая явь, отделяя Навь. И пошли у Живы Свароговны с молодым Дажьбогом Перуновичем златокудрые дети малые: князь Кисек, а за ним - младший сын Орей. И отец Орей подарил сыновей - Кия, Щека и Хорива-младшего. А потом появились правнуки - то потомки Дажьбога и Живы, то народ великий и славный, племя по имени - Русь.

СОН ПЯТЫЙ

(ностальгический)

ТАЙНЫ КУАЛЫ

*“Господь, Великий Бог, который
белый свет дает нам, который душу-кровь
дает нам, который хлеб дает нам, тому
молимся. Сердцем думаем о тебе, не бросай
ты нас!”*

Вотяцкая молитва

На северо-западе от “мирового дерева” растут **Сосна, Ель и Береза**. Растут от одного корня, наперекор науке. То удмуртский Триглав: Имар, бог-демиург, Куазь, бог эфира и Кылдысин (Кылчин)-земной бог, покровитель народа, который называли то “армиями”, то “арянами”, то “отяками”, то “вотяками”. Само название - **удмурты**: Уд - имя собственное, мурт - человек.

Кама-река объединяет два народа, течет дальше, включая в большой круг другие народы, иные культуры. Но остановимся на опушке Великого Леса. Над Сосной, Березой и Елью-птицы небесные, такие же как над Дубом высоким. Вокруг трех деревьев - звери лесные, такие же как у Дуба зеленого.

Вот **Медведь** - Керемет, он же бог-шайтан. Со дна моря достал он горсть Земли, утаив половину от Инмара. С той поры он Триглавом проклят был. Охраняет рощу священную, носит шкуру мудвежью на людях.

А вокруг - то ли звери, то ли птицы, то ли души Родов - Воршуды. Здесь и Докья-глухарь, и Юбера-скворец, Чола-рябчик, Койык-лось, Капся-цапля, всего их семьдесят...

Стая **Волчья** в той роще рыщет. То не звери - то свадьба заколдована. Обернулись волками жених с невестою, поежане, сани и лошади.

На краю той рощи **Двор** стоит. Для удмурта - рай земной, совершенный мир земледельца, основная **клеточка жизни**. Узнаем мы тот рай по контурам. Здесь все то же стекло и дерево, все условно, функционально, значимо. Вот **изба (корка** удмуртская), дальше **кенос-амбар**, **корказь-сени**, **куала** тайная. Мы минуем ее и в “избу” войдем, -т.е. в мир домашний, обыденный. Как и в русской избе - красный угол есть. **Образа** все те же, но смысл иной: Николай Святой сменил Инмара, для удмурта нет выше Святого. В центре дома - очаг, то русская печь, дальше - лавки, стол и все прочее. Все известно нам по другим словам: что половник - **дурье**, туеса - **лянэс**, а боченок - **бекче**, торбу звать **песьтер**... Но вот **прялки** украшены лентами-лоскутами льняными, Их дарили невестам на свадьбу, те носили с собой из дома в дом. Ну а жены носили **кокы-колыбель** лубяную, заплечную.

Мы увидим мужской и женский **костюм**: и рубаху-**дэрем**, и штаны-**эрезь**, кафтан-**сукман**, передник-**айшет**, **такью-шапочку**, а для замужних-**айшон**...-словом, много красивой экзотики.

Но не в этом суть. Из окна избы вылетают **три лебедя** белых: по одной из легенд счастье кинет того, кто забудет гостей попотчевать. То не лебеди - то бог Инмар, Куазь и Кылчин летят. Помнят знак тот небесный хозяева. Значит - будут **табань, перепечь и мыльым** (и **кумышки** быть может попробуем).

Но изба-избой, а Куазь важный, здесь **душа** семьи укрывается. Сруб без окон и потолка, посредине **очаг**, в углу стол стоит. Над столом висит полочка,

здесь стоит **воршуд** - покровитель семьи. В этом коробе - шкурка беличья, щепь березовая, крыло рябчика, перья тетерева, рыба вялена. Мы не видим сего, только знаем о том. Рядом - ветка березы, белка, рябчик, рыба и тетерев. То Кылчиновы превращения, когда жил он среди людей, появляясь в одежде белой, превращаясь то в зверя, то в птицу, уходя от ружья охотничьего.

А в другом углу - гнездо **ласточки**, спасшей мир от Комара-кровопийцы. И летают в куале **бабочки** - посещают живых души умерших...

Так по кругу от очага до двора и далее, развивается пространство земного рая. Здесь важны пограничные символы: двери, окна, ворота, ограда, река... За ними новое пространство, которое также нуждается в ритуальном освоении. Но прерывая наш "сон", приведем одну цитату:"... Судьба готовила удмуртскому крестьянину (впрочем, как и всему многострадальному крестьянству России) столь великие испытания, что он надолго от ужаса онемел, совсем забыл все прекрасные, вечные, так согревающие ум и сердце слова своих молитв-куриськонов, в которых когда-то столь выразительно рисовались картины идеального устройства мира".

СОН ШЕСТОЙ

(цветной)

“ПЕРМЬ ВЕЛИКАЯ”

*Баху же в Перми кумиры
различни, овши большие, а инии
меньшии, другие же средние, и кто
может исчезти их...*

“Житие Стефана Пермского”

На северо-восток от “мирового дерева”, где Кама в очередной раз пересекается с “мертвой рекой”, в пермской, а иначе “задней” земле, среди хвойных лесов вырастает **Ольха** зеленая. Здесь живут души **коми-му**, а иначе “жителей Камы”. У самой Реки - **утка** серая. сестра уточки, что Род родила. Из ее яиц появились боги-враги - небесный Ен и подземный Куль. Два других яйца - основа земли, всего живого на ней. Рядом с уткой - **Лебедь и Гагара**; Ен и Омоль-Куль: уступила гагара лебедю, принесла горсть земли со дна...

Распустила ольха сережки медные, то пластинки, подвески, бляхи и ложки со звериными, птичьими ликами. Души то “жителей Камы”, населявших когда-то “Пермь Великую”. Под ольхой - **Лосиха, Олень Медведь, Волк, Кабан, Соболь, Бобер, Куница**... На шее у них бляхи медные, образы звериные, То ли люди они, то ли звери, то ли боги, то ли духи - нам не ведомо. Только знаем, что Лосиха - небесный свод, Великая Мать, хозяйка Вселенной. Где лосиха живет, там и “**Золотая баба**” скрывается - **идол** Матери Неба.

У земной Ольхи - чуден Дом стоит, он расписан в семь цветов радуги. Та **изба** - северное сияние. Здесь живет то ли Ен-демиург, то ли Вайпель и йому, сыновья его, то ли братья Остьяс и Ошьяс с женами, от которых коми-пермяки пошли. Было это во времена изобилия, то есть в вечности нашего “Китежа”. (По одной из легенд предки коми - народ **чудь** - ушли под землю в конце золотого века.)

Трудно описать словами это жилище. Не изба, хотя и бревна “в обло” есть, не терем, хотя сияньем светится. Он построен из дерева и стекла. Но не дерево то - скульптура разноцветная. Здесь и кони и птицы и лики человеческие. Красный, синий зеленый... Все цвета и оттенки.

А среди ликов жителей пермских - темноволосых, с широкими скулами - видим лики мы **Никола-Можайского, Параскевы- Пятницы, Саваофа, Христа-страдающего**... Вложен в правую руку Никола острый мечь, а в левую - “кремль” с бойницами и с собором по середине; мудра и нежна ипостась Матери Неба - Параскева-Пятница, покровительница родников и целебных источников; призадумался Саваоф - крестьянский бог; а полунощный Спас по крестьянски сел, пригорюнился.

А внутри той избы-радуги - еще больше света поднебесного. И в красном углу, и вокруг стола и над лавками - полотенца узорчатые, кушаки расшитые браным способом, на многоцветной шерсти, расписная посуда деревянная - утки-солонки, туса, коробки... А рубашки, а сарафаны, кокошники? Все здесь есть, даже с избытком, ведь в красном углу - образ “Флор и Лавр”. Это “скотьи боги”, покровители.

И поесть здесь дадут: “ухо хлебное”, что **пельнянем** зовется, или **черинянь**, что по нашему - пироги-рыбники. Ну а пиво (сур) домашнее, - то само собой ...

А у самой избы, рядом с белыми **камнями**, где спят богатыри Полюд и Пеле, рядом с флюгером-птичей головой - столб ограненный, **календарь** заветный. Что ни полочка-единица, косо́й крест - десять, а кружочек с крестом - сотня... Не кончается время Великой Перми, вечна жизнь затонувшего Китежа.

СОН СЕДЬМОЙ

(райский)

ПОТОМКИ БУЛГАР

...Сказал Пророк - да будет мир над ним, - мир мусульман и рай неверных.

Надпись на надгробном памятнике

По течению Камы на юго-восток от “мирового дерева” начинаются земли **татарские**. Называя сей народ себя булгарами, казанцами либо мусульманами. А у русских книжников звались они “новыми булгарами” или “булгарами, глаголемы казанцами”, наконец - “татарами казанскими”.

Здесь и тюркская кровь и угорская и монгольская. Но исламское знамя зеленое покрывало **деревья высокие**.

У хазар и болгар был верховный бог, назывался он Тенгри-хан, поднимался до неба бог многоствольный. А еще называли священную рощу-**керемет**, поклонялись ей вместе с уграми, почитали **рябину** и куст **можжевельный**, не забывали о **шурале-рогатом**: **расщепляли дерево, клин** вставляли... Но не увидели мы пальца духа лесного, осторожен он как и русский чур. А если у реки замечали **тухью-шапку** девичью, значит где-то рядом

Ювха-змея: прожив тысячу лет, превращался в девушку злой дух, дракон Аждарха.

Уважение к роше священный перешло как закон к правоверным: хоронили умерших по заветам Аллаха, а над могилами сажали деревья. Вырастала роша над камнями-памятниками. Так сошлись на земле “Китежской”, у народа у татарского два знака - два символа, прикамское дерево и аравийский камень, две ипостаси мира, мирового “столба” или “дерева”. Превращается роша-кладбище в незнакомый образ космический.

В центре образа - **плита каменная**, на ней надпись вязью арабской: “Он живой, который не умирает. Все живущее умрет. Сказал пророк - да будет мир над ним, мир есть час, так используем его в богоугодных делах. Сказал пророк - да будет мир над ним, - мир мусульман и рай неверных. По летоисчислению в тысяча девяносто втором боло...от людей молитв ожидая помятник воздвиг”.

Обернулся тот помятник центром мира, отразив как в зеркале ось мировую: над ним выросли стены светлые, по мотивам **ал-Кабы** священной. В восточном углу куба аравийского замурован космический “**Черный камень**”. Этот камень с заветами Аллаха был когда-то **белым** (белый он и в нашем сознании), когда люди были безгрешными, непорочными и могли **сквозь него** видеть **рай** небесный. Мы же видим сквозь камень сей - рай земной, “родовое гнездо” в многоязычном “Китеже”.

Подчиняется камню дерево, превращаясь в древо родословное. Поднимаются **семь крыш** двухскатных, образуя черед домов, семь поколений родственников. Так сложились “гнезда” семей татарских, прославляя Аллаха творение: семь небес создал мира творец, на седьмом - рай правоверных, а у нас - дом открытый, узарами расписанный. То не стены - **шамаилы** арабские. Переплелась вязь восточная с растительным орнаментом, украшена фольгой и красками. Злесь живут потомки “Юсуфа и Зулейхи”, соблюдая заветы Аллаха и пророка его Мухаммада.

Разделили избу на две части -, на мужскую половину и женскую - “чистую” и “кухонную”. Узнаем мы и печь глинобитную, только сделан в нее **котел- казан**. Здесь и **нары** (секе), заменяющие лавки и стол, и **сундуки**, добром набитые. И куханная утварь знакома нам. Словом, еще один “оазис” земли Прикамской, целостной в своем многообразии. Ведь как ни отлична одежда татарская - рубаха, бишмет, калфак, очиги... - узнаем мы узоры затейливые, поражаясь красоте вышивки, аппликации по войлоку, мозаике по коже, резьбе по камню и дереву...

Правда, есть одно но: угощать нас будет хозяин, не увидим Хозяйку за занавескою. Строги законы шариата, но вкусны кабартма, белеш и очпочмак!

СОН ВОСЬМОЙ

(примирающий)

НА ЗЕМЛЕ “БОЛЬШОГО ВОЛКА”

На лево пойдете - на всем пути

Днем и ночью веселье одно.

*Не зная горя и печали
Не ведая, что это такое
Радостно на свободе живут
Волк и овцы на лугу...*

*“Урал-батыр”,
башкирское народное сказание*

Еще одно пересечение Камы с “мертвой рекой” - и мы на земле народа, о котором Ахмед-ибн-Фалдлан писал еще в X веке. Зверям и птицам поклонялось когда-то племя, называющее себя **башкорт**. Баш - голова, корт-волк, так что, либо “волчья голова”, либо “Большой Волк”. Последнее, вероятно, судя по эпитафье, ближе к истине.

Правда, веком позже пришли посланцы Ислама, и новый оазис нашего “Китежа” мог бы выглядеть зеркальным повторением предыдущего, но...”много волков на горе Балкан” и сквозь зеркальную гладь то ли озера, то ли реальной конструкции, обнажающей символы Пророка, мы видим **Волка, Лебедя, Коня...** Мы видим **Лес и Степную** гладь. Мы видим...

Стоп. Во всем свой порядок; “каждое поколение одного батыра рождает для своей страны, одно поколение сменяется другим, грядущие поколения придут; хоть слава тебя и переживет, но иссякнет мощь твоих рук; пусть **исчезнет батыр, но не исчезнет народ**”(Урал-батыр”). И угры кормили Большого Волка. Но в природе понятие добро и зло - относительно. Вглядимся в глаза неистового охотника, вспомним притчу.

На стеблях высокой травы ползали маленькие насекомые. Одно из них сказало другим: “Посмотрите на этого **волка**, который лежит рядом. Это добрейшее существо, оно никогда не делает ничего плохого, а вот баран - дикий зверь: приди он сюда, сейчас бы сожрал нас вместе с травой которая служит нам приютом, Но волк - справедлив, он отомстил бы за нас”.

...Вслед за Ибн-Фадланом видим **Волка, Лебедя, Беркута Сокола Ястреба, Журавля...** У каждого рода - свой тотем.

Висят на деревьях магические знаки - кости, зубы и когти **Волка**. Уживается он с **Лебедем**, ибо “убить лебедя - грех, а убить лебедку - досыта наплакаться”. Полюбил Урал-батыр белую лебедь Хамай, хозяйку тулпаров, крылатых **Коней**. Наступит время, и выйдет табун тулпаров со дна озера (у Большого Волка - свой “Китеж”), заполнит земли предуральские, принесет богатство и изобилие.

И если атрибуты “Волка” - **Сабли, копыта, наконечники стрел**, “Лебедя” - **украшения** из цветных камней и стекла, вышивки и аппликации, то у “Коня” - **уздечки, удила, стремяна, седло и сергетым** - потник, обшитый кожей и ярким сукном. Сохраняя веру в то, что душа покидает человека во время сна, сыновья Большого Волка думали, что она принимает определенный образ. Один из героев эпоса - Акбузат, конь, обладающий даром речи. Гармония охотника и зверя, непостижимая тайна Природы.

Тайна бывает и сладкой. Быть может душа путешественников по “Китежу” обернулась пчелою? Привязаны к кленам и липам колоды с уральским медом, разбросаны улья на горчичных и гречиховых полях, на лугах с медовыми травами...

Вырастает улей в **избу-бураму** или **юрту**, взору открытую. Очаг, норы - но... печь в дымоходе. Занавески по линии двери, сундуки - но...печка-голландка. В общем, мало чем отличается этот дом от соседних: та же долбленая **посуда** из березы и кап-корня, металлическая **чеканка и гравировка**, изделия из **кожи**. Ну и одежда, как на Урал-батыре и Хумай-лебеди: рубаха-туника с отложным воротником и штаны с широким шагом, кафтан кезеки и залат-бишмет, тюбитейка и малахай; а также - платье-кулдек, шаровары-штан, халат с мишурой и бисером, платок-яулык...Впрочем, хозяйку мы снова не увидим. Зато, мед, чай и кумыс - гарантируем...

х х х

Мы прошли по ”первому кругу” нашего ”Китежа”. Его “жители суть населенцы из соседственных... мест нашедшие, с которыми сарапульцы и все русские... сходят в образе жизни, ... и душевных качествах, ласковости, учтивости, гостеприимстве к незнакомым и странникам, сознании благодарности - благодарности”. Не солгал титулярный советник Вештомов. Только с той поры много лет с Камой вниз утекло. Оказался на дне и Город, узнаваемый в снах алчущих, возносимый в письмах праведников.

Мы сказали о пяти народах, а в Прикамье живут и марийцы, и украинцы, и евреи, и немцы... Появляются осколки и их культур на изгибах Средней Камы, органично вплетаясь в этническое многоголосье то в виде документа, то в виде памятника, то в виде символа...

А мы движемся дальше по Китежу, по дороге, проложенной Живой и Мертвой рекой, помятая о Цели, воплощенной в Древе Жизни, в Мировом Столбе, а в конечном итоге - в Храме. Но это уже “круг второй”.

х х х

СОН ДЕВЯТЫЙ

(запоминающийся)

ВОЗНЕСЕНИЕ ХРАМА

Стояла когда-то в центре Сарапула Вознесенская церковь, а в XX веке канул в лету Собор, оставив... **фундамент** - основу для будущих снов и легенд.

Царствует на Руси сегодня любимый глагол - “восстановим”. Но есть вещи невозможные в жизни, в противном случае - “ все дозволено”, ибо исправимо. И колокол”Китежа” гудит посему не в заморенном химикатами “озере”, а в **душе**, возраждающей Жизнь, вечную и, увы, не всегда земную. Так что оставить кирку и лопату. Память и воля провоцируют сон, а Художник творит его в образе.

Идея Триглава дополняется Троицей. Человек и Природа - Личностью и Богом. Мы входим в “Пространство Храма”, **вознесшегося** над нашим “Китежом” - прикамским Сарапулом. Каменные, железные, деревянные останки Вознесенской церкви, украшавшей когда-то Город, получают право на новую жизнь в пространстве музея. **Центр** Китежа, собирающий **идеи** по вертикали, обнажает горизонтальную гармонию **городского ансамбля**.

Мифический Колокол находит место на “колокольне нашей души, мечтающей о Прошлом, а Реальный **колокол** оживляет пластический образ. Здесь не забыты и временная “горизонталь” и пространственная “вертикаль” реального Храма: символическая структура принимает останки былого “синтеза” (вспомним П.Флоренского): Фрагменты иконостаса и площади, фелонь и стихарь, епитрахиль и камилавку, саккос и воздух, подсвечник и крест... Очертания Храма, напоминающие и контуры Вознесенской церкви и контуры легендарного храма, ушедшего на дно... бассейна (!) , образуют воздушную оболочку - “витрину”, способную оживить и поднять над Городом сокровища его былой славы.

А пространство нашего Храма окружают вытые и резкие линии, из которых вполне неожиданно возникают очертания реальных сарапульских улиц и зданий. Впрочем, некоторые из них вырастают до уровня символов, вбирающих в себя атрибуты городской гармонии. а иначе - нормальной человеческой жизни.

СОН ДЕСЯТЫЙ

(деловой)

ГОРОД МАСТЕРОВ

“Здесь почти в каждом доме шьют всякого рода обувь...”

“Вятские губернские ведомости”

Замелькали названия площадей и улиц - Троицкая, Рождественская, Иерусалимская, Воскресенская, Спасская. Благовещенская... Вырастают над деревянными тротуарами резные кружева, письмена-урозы, хранящие тайны народной культуры, хогартовские линии-волны проникают в каменную плоть сарапульских особняков, окружающих строгие пропорции городского Храма. Есть в этом городе какая-то внутренняя связь с гармонией монастырского хозяйства - сакральном единении божественного Слова и человеческого Дела.

Нет ничего более реального, чем утонувший на дне нашей памяти “китежский” **базар** или ярмарка. Здесь и рогожные кули с рожью, и **боченки** разной величины, и домашняя **утварь**-плетеная, долбленая, резная... Из Воткинского и Камбарского заводов привозят **тарантасы, экипажи, плуги и косилки**, из Ижевского-**ружья, слесарные изделия**. Словом чего тут только нет: амбарные замки, кузнечные щипцы, пудовки, чугунные тарели... Но замечаешь одну странность - большинство товаров местных умельцев так или иначе связаны с кожевенно обувным делом.

Свернем на соседнюю “улицу” и окажемся в одном из шести **заводов**, неважно - Барабанщикова, Михеева, Дедюхина, Смагина или Пошехонова... Да и не заводы это вовсе, в традиционном “западном” понимании сего слова. Открывают, наконец, свои тайны сарапульские домики. Почти в каждом из них - искусный **башмачник** или **сапожник**: получил обработанный, заводским способом раскроенный материал - кожу конскую, яловую или юфть - сотворил чудо-обувь, от солдатских **сапог** до женских **сапожек и туфелек**. От Уральских гор до Енисея носили эту обувь российские мужики и бабы, молодцы и молодки. И не могут заменить механические железки (**машинки-“зингеры”** и **останки**) замеревшую теплоту талантливых рук и умудренных лиц. Сходят лица-люди с незатейливых рамок-**фотографий**, заполняют пространство завода-домика. а точнее - Города Мастеров. Но нет-нет и мелькнет здесь лицо нашего современника, угодившего чудом в затонувший город. Знать не умерло мастерство, жива традиция, возрождается “Китеж”.

Свернем еще. **Кирпичный завод** - лаборатория провинциального модерна. Из десятков сортов этого “песочного дерева” складываются узоры-ансамбли нашего Города. И извилистая Кама-река проникает в артерии “Китежа”: обернулась она **канатным** производством, превращая прикамский городок в плавучее судно; навечно связала **веревками** Сарапул-город с Пермью, Елабугой, Казанью, Нижним и Астраханью. Идут по ней люди-**пароходы** (на рекламных открытках, с названиями), прославляя “Ив. Любимова и К^о”, “Ф. и Г. Бр. Каменских”, “М.К. Кашину”, и одно универсальное товарищество “с названием кратким” - “Русь”.

А захочется нам производственной экзотики, чего-то более “заводского” и менее эстетичного, то к нашим услугам иные заводики - **клееварный, мыловарный, салотопленный**... Скрываются они за спинами мастеров-башмачников, городскими узарами, торговыми рядами, сохраняя тайны непростого кожевенного дела.

И если Храм-душа, Кама-кровь этого Города, то его нервом, безусловно, является **Банк**, гарантирующий стабильность, надежность, и расчетливость хозяйственной жизни. Вглядимся в эти вывески, окружающие нашу ярмарку, - “Государственный”, “Сибирский”, “**Соединенный**”... Последний уже в самом названии открывает нехитрую тайну хозяйства (чего-чего, а любили мужики ассоциативную этимологию, не зная даже и слов таких мудреных). Проста эта “тайна”: производство и рынок и производство, - словом, как ни поверни, а ремесленник и купец - близнецы-братья. Мастера они своего дела. И не грех их забытым ликам добавить царственные портреты на **ассигнациях**: водились денежки в затонувшем “Китеже”.

... Пестрыми красками и товарами наполнена ярмарка, есть здесь и место, где не грех посидеть и подумать, выбрать товар по душе. Ну и поговорить о вчерашнем и завтрашнем дне Города Мастеров. Надолго запомнит его очарованный Посетитель.

СОН ОДИННАДЦАТЫЙ

(умный)

ГОРОД УЧЕНЫХ

“...в г. Сарапуле последовало торжественное открытие публичной библиотеки и при ней кабинета по естественной истории, физике, технологии и прочим наукам...”

“Столетие Вятской губернии”

Если в музейном проектировании “ученые” до сих пор выясняют отношения с “неучеными” (и не исключено, что сие происходит в подвале...), в прикамском “Китеже” между ними - мир и согласие. Заглянем, для примера, в один из “дворцов” нашего Города, чем-то напоминающий здание женской гимназии. Не знаем (точнее - забыли) как в жизни, но в нашем “подводном” мире, в этих кирпичных переплетениях сарапульского модерна, скрывается овеществленное **Знание**, воплощенное в трех ипостасях: Гимназия - Библиотека-Музей.

Возрождается в поэтическом сне “**гимназический класс**”, возникает образ **Учителя**: портреты Л.К.Куликовского, Н.Е. Очункова, Н.Н. Блинова, А.П. Беркутова, П.П. Ильинского, А.И. Вештомова, Д.К. Зеленина...-словом, десятки известных и малоизвестных ученых, да и просто уездных преподавателей, волею и трудом которых образование стало неотъемлемой частью сарапульской жизни. И среди гимназических **парт**, учебных **приборов**, **пособий**, **препаратов** эти лица не выглядят чем-то безмянно-дополняющим, нет - от каждого из них (или почти от каждого) остались две-три вещи, ничего, практически, не значащие в жизни, но приобретающие значение символа в нашем экспозиционном “сне”. Эти **мемориальные знаки** - повод для безудержной фантазии, раскрывающей “футляр” провинциального Учителя, обнажающий тайны его живой души.

Так рождаются сказочные сны-представления - и о прошлом Города и , главная, о его будущем: **электрический свет** воплощал свет знания, **водопровод** - источник жизни, **железная дорога** - дорогу в Будущее...Эти сны-фантазии приобретают художественный облик, дополняя традиционно-сарапульские узоры на фасадах (а в музейном смысле заменяют витрины для “предметных натюрмортов”). Так ручка, записная книжка, тетрадка, футляр от очков, томик с автографом, форменная фуражка или галстук (словом, все что есть у нас **мемо-и мнимореального**) получают в этом фантастическом городе новую жизнь, растворяясь в ауре представлений, иллюзий, фантомов. Они то и есть альфа и омега человеческой души - не важно “ученой” или “неученой”.

А “гимназический класс”продолжает свою земную жизнь, наполняясь томами **книг, журналов, портретами ученых и писателей**, умевших то или иное отношение к Среднему Прикамью. Мы попадаем в “**библиотеку**”- смесь фантазии и реальности, в хранилище книг, собирающих и легенды и “ученые записки”: труды по археологии, нумизматике, геологии, биологии, зоологии и ботанике, этнографии и искусствознанию соседствуют с трагедиями и комедиями, сказками и мифами... Последние, отвлекаясь от художественной самоцели, отдаются тотальной идее Просвящения, выполняя роль учебных пособий по “природо-”и “человеко-ведению”. И вот что интересно :в тиши китежской “либерии” появляются труды современных ученых, чьи “записки” не сводят понятие “наука” до уровня элементарных ответов на элементарные вопросы. **Бесконечность тайны и пути ее постижения** - лейтмотив образа Знания.

Из “библиотеки” - в “кабинеты” или “музей” , где в нарочито брутальных, классических витринах спрятаны объекты беспредельного познания: морские (и иные) диковины, привозимые китежскими полонниками; **археологические и нумизматические** коллекции, связанные с именами А.П. Беркутова и его продолжателей; коллекции **бабочек** (вообще, всяческая “энтомология”) и **препараты-малюски**, связанные с именем Ф.К. Круликовского; **гербарии**, собранные Л.П.Александровым и А.П.Ильинским; коллекции **минералов**, ассоциативно связанные в ушедшим в большую науку” М.В.Мельниковым... А между витринами (у нас они выполняют функции экспонатов -помятников), ящиками и коробками -- мемориальные следы-символы, оставшиеся от сарапульских Ученых. Говорят, по ним можно воссоздать облик хозяина, во всяком случае - в воображении или во сне, заменяющем шибко процессы и термины.

Что касается повседневной жизни Города Ученых, то в пространстве этого Храма Науки найдут приложение своим творческим силам и Людмила Леонидовна Стародумова и Николай Леонидович Решетников. Они-то и встретят гостей и расскажут о тайнах естественной и древней истории. Бог им в помощь!

СОН ДВЕНАДЦАТЫЙ

(красивый)

ГОРОД ХУДОЖНИКОВ

*“Недавно у нас (в Сарапуле - Т.П.)
были концерты. а теперь мы наслаждаемся
- чем бы вы думали?- не менее как балетом”*

“Вятские губернские ведомости”

Художник, как известно , не профессия, а состояние души. К такому выводу приходишь вновь и вновь, углубляясь в “застывшую музыку” сарапульских улиц. Деревянная резьба и каменные узоры преследуют нас на всем протяжении Города Мастеров... Извините, Художников. Хотя эти понятия неразрывно связаны, и традиционно, еще со средних веков, употребляются как синонимы. И есть смысл остановиться на одной из “улиц”, ну , например там, где расположен особняк П.А.Башенина. Точнее - это его экспозиционно-художественный аналог, экстерьер которого вбирает в себя все особенности архитектурного модерна. Подлинные **фрагменты** сарапульских зданий, **элементы декора, фотографии, чертежи и рисунки**,-все это осколки провинциального зодчества превращаются в целостный образ-помятник “китежским”Художником, трансформирующим народные традиции в изысканные формы городского стиля.

А теперь приоткроем внутренний мир “китежского” модерна. Прозрачные двери “башенного особняка” распахнуты настежь, мы входим в пространственно-временной мир искусства, не делимого на “малое” и “большое”, повседневное и вечное. Волнообразные окна, мозаичные стены, зеркальный пол и потолок вбирают в себя великолепную **мебель, часы, подсвечники, фарфоровые вазы, бронзовые тарели и зеркала, рояль...**- словом, все атрибуты красивой жизни, дополненная, помимо сугубо

отечественных, еще и экзотическими **диковинами**, из Ближнего и Дальнего Востока. Учтывая дефицит предметов роскоши (а сколько их еще “отнимет” реальная дача Башенина?), на **наших** Художников ложится, что называется, ответственная задача - воплотить “красивый” сон в пластическую реальность.

Музыкальные ритмы Города проникают в интерьер башенинского салона, заставляют звучать когда-то умолкнувший рояль, оживляют концертные, театральные и кино-**афиши**. Домашний салон плавно трансформируется в музыкальный театр. **Скрипка, виолончель, арфа, флейта, кларнет...** - каждый из этих **инструментов** способен вызвать чарующие звуки, покидающие **нотные сборники И.Тальковского** и превращающиеся в ассоциативно-пластические образы: приоткрываются тайны архитектурных узоров...

Но вот уже новорожденный “иллюзион” стучится в окна, проэцируя (если не провоцируя) черно-белые (по цвету и содержанию) **драмы синематографа**, перебивая популярность **цирковых балаганчиков** на Сенной площади. Макс Линдер и Дуров - чем не показательный диалог двух Художников, двух **афиш**, двух эпох, перемешанных в пространстве и времени “Китежа” (а точнее в нашем сознании)?!

Музыкальный салон, театр, синемаграф, цирк, - далеко не полный перечень художественных трансформаций “башенинского особняка”. Оживают герои Художников **слова** Н.Дуровой, воспевающей “Незаконную любовь”, лошадей и всадников, М.Салтыкова-Щедрина, развлекающего “Китеж” пародиями в духе “Города Глупова”, С.Миловского-Елеонского, усыпляющего Город лирическими миниатюрами в духе позднего Чехова...

И конечно же литературный салон не отделим от художественного. Мы попадаем - по крайней мере, думаем, что попали - в **художественную мастерскую**. Точнее в мастерскую Художника, где на наших глазах создаются...А вот что именно, это особый вопрос. Во всяком случае все, что останется от П. и А. Беркутовых, а также П. и А. Сведомских, уносимых в реальную “Дачу Башенина”. Нас же путь - **иллюзия**. Мы создаем ее с помощью политры, краски, подрамника, станка и , самое главное, с помощью **чистого холста**. Что возникнет сейчас (или лет через сто)? Портрет Листа или Рахманинова? “Удмурт и Удмурта”? А может быть Владимирская Богоматерь или портрет хозяйки салона, Людмилы Михаловны Башениной? Трудно сказать...

А вот **И.Тихановский**, тихо рисующий сарапульские **церквушки**, хорошо понимал смысл своей работы: боялся, что и они уйдут на дно страшного “озера”. Вообще, удивительная вещь! “Спасал! П.Радимов (а в жизни - Ф.Раскольников) пламенных революционеров с баржи смерти, а “затонул” Город Мастеров, он же Город Художников. Вот такой печальный факт, - как говорил один из радимовских современников.

Ну а наши современники - живописцы, архитекторы, актеры, музыканты... Где Вы? Город ждет Вас. Именно Вам суждено оживить время прикамского “Китежа”. Нет ответа?..

СОН ТРИНАДЦАТЫЙ

(несмотря на число - добрый)

ГОРОД БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ

“...благодаря ему больница является образцово оборудованной и содержится в отличном состоянии”

“Вятские губернские ведомости”

С буквы “Б” начинается много слов. Ну, например, **благостояние** - семей, города, нации. В последнем случае, как известно, его уровень определяется в зависимости от того, насколько уютно живет старикам и детям неговоря уже о больных и калеках.

Пройдемся по улицам нашего Города. **Больница, богодельня...** - читаем мы на фасадах наиболее привлекательных зданий. В общем - **богоугодные заведения**. Однако, очень трудно найти подходящие средства - художественные, экспозиционные, вообще чисто музейные - для воплощения таких понятий, как милосердие, сострадание, любовь, сердечное участие в жизни немощных и нуждающихся. И хотя реальное проявление милосердия - **благотворительность** - обладает всеми качествами вещественности, невозможно передать в экспонатурно-статистической форме все нюансы перечисленных синонимов. Хотя...

Попробуем войти в один из Сарапульских **богоугодных домов**. Дом этот не столько реален, сколько выращен в нашем воображении на материале реальных благотворительных, то есть построенных на добровольные пожертвования горожан - учреждений. А именно: Александровского Дома призрения бедных, Богадельни имени И.С.Колчина, Приюта для хроников и бедных детей имени Н.В. и А.В.Смагиных, Приюта-яслей, Убежища для бедных детей, Дома Трудолюбия, Вдовьего дома имени У.С.Курбатова, Лечебницы и родовспомогательного отделения имени У.С.Курсатова, наконец, Земской больницы, “во главе которой, - как сообщали “Вятские губернские ведомости” (вообще, один из немногих печатных органов, связывающих нас с прикамским “Китежем”), - стоит старший врач - прекрасный хирург и гинеколог, любящий больничное дело и уважаемый земскими деятелями”(а дальше см. эпираф).

Естественно, что мы не собираемся (как, впрочем, и ранее) воспроизводить натуральные интерьеры, например, “рентгеновский и доарсонвалевский кабинет” земской больницы. Но собрав останки “китежского” милосердия - **фотографии, документы, финансовые счета, архитектурные проекты и планы, письма, фрагменты фасадов и интерьеров,** - наконец, очистив от ржавчины те же “рентгено-доарсонвалевские” (если бы не тема, то, ей Богу бы выругался - до чего труднопроизносимое слово) **железки, кровати** и иные **больничные атрибуты**, попытаемся создать образ, по своим духовно-эстетическим мотивам чем-то очень близкий образу **Храма**. Понятно, что связь эта ассоциативна. Понятно, что бородатые (и безбородые) сарапульские купцы - Николай Васильевич Смагин, Иван Савельевич Колчин и Устин Саввич Курбатов - вовсе не претендуют на роль архангелов, херувимов и серафимов, неговоря уже о роли христианского димиурга, единого в трех лицах. Это были вполне земные деятели, имевшие хорошую копейку и хорошо умевшие зарабатывать (словом, Мастера), но их **душа** - как, впрочем и души большинства российских купцов и промышленников - была чиста и с

родительского дома тянулась к **Свету**, обозначенному его **Творцом**. Словом, “по образу и подобию” создавался не только человек, но и его биография, определяемая конкретными богоугодными делами. Во всяком случае, именно так старались жить обитатели “затонувшего” Города.

И если мужское начало в нашем мире (городе, экспозиционно-художественном образе,- название не столь важно) Добра связано с образом Творца и Спасителя, от женское, несомненно, - с образам Пр. Богородицы, Девы Марии. Узнаваема **икона**. организующая пространство и время этого мира, узнаваема символика “Общества **сестер милосердия**”. Здесь снимается и боль “германской” войны, начатой в августе 1914-го, и боль Великой Отечественной, поделившей жизнь на “до” и “после” ранним июньским утром... Органично входят сарапульские сестры 41-го года - хранители солдатской жизни в тыловом госпитале-городе - во вневременной образ-сон, воплощающий вечность Милосердия. Но неужели и оно ушло на дно “озера Светлояр”? Неужели **надгробный памятник** одному из сарапульских купцов станет надгробием этому понятию?

Собственно, сей вопрос и определяет повседневную жизнь “Города Благотворителей” - не рассуждателей, а, будем надеяться, реальных деятелей.

СОН ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ (вещий) ГОРОД ПАТРИОТОВ

“Средь русских женщин имя Надежды Дуровой занимает одно из самых славных мест. В эту войну тоже явились сарапульские женщины, перед храбростью которых приходится преклоняться”.

(“Прикамская жизнь”, 1915.)

Судя по эпитафии (и не только) может сложиться обманчивое впечатление, что сарапульские мужики только и делали, что шили сапоги, писали ученые книжки, рисовали и музицировали, занимались благотворительностью, а женщины - защищали свой Город, свою землю. И действительно - войдем в один из “китежских” домов, созданных в нашем воображении по мотивам зданий Городской Думы, Городской Управы, Земской Управы, на худой конец - резиденции Городничего или иного Начальника. Сей оплот Государственности - а в представлении “китежцев” она реализуется в Народовластии - чем-то очень напоминает **призывной пункт**. Посудите сами: человек попадает в “пограничную ситуацию”, где должен сделать выбор - либо он гражданин, либо он... Ну, в общем, понятно, кто. Центральная ось этого выбора (уникальный экспонат!)- **ростомер** для новобранцев. Планка, естественно, поднята на гренадерскую высоту. Здесь-то и возникает забавная ситуация:

По обе стороны от ростомера, как в зеркальном отражении, встали во “фрунт”... две миниатюрные в армейской форме, сошедшие со своих **известных портретов**. Два времени совместились в пространстве нашего Города Патриотов. Силуэт Н.Дуровой (а ее представлять, надеюсь, не надо) вбирает в

себя атрибуты воинской славы 1812 года. Здесь и **ружья**, и кавалерийская **сабля**, и **мушкетеры**, и гусарский доломан, ментик и **кивер**, и солдатские медали времен наполеоновских войн... А завершается образ- кучка военных трофеев: скульптурных портрет Наполеона, сломанный **штык** от пехотного ружья и иная, фарфоровая мелочь. (Авторы проекта московского музея, посвященного Бородинской битве, начали свой “рассказ” с декоративного ядра, влетающего в просторы России и наштигованного саксонским фарфором! Есть смысл развить их идею). А над всем этим гусарско-дамским “натюрмортом”, вырастает, естественно, **портрет** Александра I (весьма убедительный для присутственных мест) и живописное полотно “Проводы ратников” (нач. XIX в.).

Но повернемся на 180°. Почти та же композиция. Только образ Антонины Тихоновны Пальшиной складывается из солдатской гимнастерки, **винтовки**-трехлинейки образца 1891 года, солдатского **сундучка**, обклеенного **лубочными открытками** (с усатыми кавалеристами), кавалерийской **шашки**, казацкой **пики** и двух **геогиевских крестов**. Ну а трофеи - кайзеровский **шлем** и австрийский **ранец** - завершают описанную композицию, которая, естественно, разворачивается на фоне **портрета** Николая II и **фотографии** - патриотической манифестации на Соборной площади в августе 1914 года.

Некоторый иронический оттенок в начале нашего “сна” - всего лишь причем, снижающий, быть может, излишний пафос в барабанном патриотизме. Ведь лубочная прелесть легенд о Дуровой и Пальшиной - только прелюдия к основным темам и героям “Города Патриотов”. Вневременность, вечность, определенная иллюзорность и запредельность воображаемого “Китежа” позволяют совместить здесь не только эпохи, но и резко противоположные **концепции патриотизма**. Искренность, честь и верность - эти три слова можно было выбить на воротах нашего Пантеона героев, независимо от их политической “окраски”.

Однажды Алексей Турбин (из “Белой Гвардии” М.Булгакова) увидел **вещий сон** о том, как в небесном раю нашли свое последнее убежище и белые-крестоносцы и большевики с Перекопа. “Все вы у меня... **одинаковые** - в поле брани убиенные”, - объяснил свое понимание патриотизма Господь. Так и у нас, в “затонувшем” городе, сошлись и примирились на веки-вечные и красноармейцы азинской дивизии (о них, слава Богу, известно много) и добровольцы-сарапульцы из “Народной армии” - основы будущей Ижевской дивизии, самой надежной в армии А.В.Колчака.

Не навязывая своему Режиссеру конкретные средства для реализации образа “Пантеона”, отметим только, что каждая из частей нашего Города - воплощение идей, заложенных в Храме. Здесь, думается, и надо искать.

И если мы на правильном пути, то в создаваемый образ органично войдет и тема Великой Отечественной. Из сарапульских домков уходили на фронт (а некоторые - в вечность) танкист П.Кириянов, моряк-подводник В.Стариков, пехотный командир В.Юхнин, пулеметчик Г.Коротков, политрук Д.Татьянин... Имен этих много, но каждое **можно прочесть** в Пантеоне славы.

А в целом “Город Патриотов”, наверное, самая живая ипостась “Китежа” Ведь что такое “патриотизм” - не выяснен до конца ни левыми, ни правыми. В предметную ткань нашего образа органично вплетаются и социал-

демократические листовки, и эсеровские, и кадетские... Все считали себя патриотами этой страны и всех успокоил и примирил “Китеж-град”.

Считают себя ими и наши современники, поделившиеся, увы, на “так называемых демократов” и “красно-коричневых”, на... Да впрочем, хватит. Все это они выскажут сами, ведь “подводный” город - открыт. Надо только услышать колокол, который гудит в наших душах.

х х х

Вот, собственно, и все, “господа присяжные заседатели”. Так что нам стоит дом построить? Извините, Город? Очень немного, если отвлечься, на минуточку, от финансовых проблем и коснуться чисто творческих.

Естественно, что не все темы традиционно-краеведческой экспозиции нашли свое место на дне озера Светлояр. Ведь речь шла о центральной, определяющей экспозиции Музея истории и культуры Среднего Прикамья. А это значит что подразумевается дальнейшая работа, воплощенная в системе филиалов или, что более реально в наших условиях, - в системе **передвижных** выставок, раскрывающих, если уже в этом есть историческая необходимость, нужные темы. Ну, например, привезли в Гальяны выставку о гражданской войне, а на родину П.Н.Деськова - экспозицию о коллективизации, затем поменялись. Хотя от перестановки слагаемых... Но это уже ворчливость сторонника “художественных концепций”. А если говорить серьезно, то темы подобных передвижных выставок могут быть самые различные - от археологии и этнографии до экономики и политики. Словом, кому что нравится.

Теперь о предметном наполнении нашего “Китежа”. Еще раз отметим, что сценарий - это не “темплан”, а документ, разрабатывающий литературно-художественные идеи в рамках **сюжета** экспозиции. Некоторые предметы, необходимые как символические элементы художественного текста, уже определены. Некоторые нет. И их актерские права будут реализованы в процессе постановки нашей “пьесы”. Хотя уже сейчас автор сценария уверен в том, что практически **каждая** вещь из фондов музея, может (и должна) найти свое место в том или ином отрезке сюжета или “сне”. Во всяком случае хранитель того или иного фонда может разложить свои сокровища у ног Художника-Режиссера, соблюдая предложенную сценарно-тематическую концепцию, а уж окончательное слово за ним.

И последнее. “Проснулся” я в холодном поту, и понял, что инфляция - это преотвратительнейшая вещь, а особенно для человека, оторвавшего несколько месяцев жизни для работы над чрезвычайно интересной, но, очень сложной темой (информация к размышлению).

РАЗДЕЛ III

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ПРЕДПРОЕКТНЫЕ РАЗРАБОТКИ ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ МУЗЕЕВ

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ МУЗЕЕВ РОССИИ

Крах СССР привел к глубочайшему кризису советской культуры, к коренной ломке мировоззрения целой шестой части мира. Идет интенсивный поиск культурных ориентиров, новых духовных ценностей.

В этот процесс включен и музей как главный хранитель и транслятор культуры.

Однако, если для историков и искусствоведов, изучающих, как правило, отдельные конкретные этапы и явления истории и культуры, перестройка означает смену ракурсов рассмотрения известных ранее фактов, изучение новых архивных документов и включение новых имен, то перед культурологами и музейными деятелями стоит несравненно более сложная и ответственная задача: формирование нового целостного мировоззрения и отбор тех ценностей, которые явятся основой культуры России XXI века.

В печати и в научных изданиях постоянно звучит призыв к возрождению русской культуры. Представляется, что тезис этот не только не верен, но и крайне вреден. Еще Демокрит знал, что нельзя дважды войти в одну реку, а уж тем более - в текущий однонаправленно культурно-исторический поток. Культура состоит из ядра - шедевров, классических образцов и норм, созданных человечеством на протяжении его многотысячелетней истории, и периферии, включающей современную как элитарную, так и массовую культуру, отражающую сиюминутные запросы общества. При этом постоянно происходит переоценка ценностей, хранимых в ядре, и его обогащение за счет включения современных образцов, причем не только элитарной, но и массовой культуры.

Какую же русскую культуру нас призывают возрождать? Дворянская усадебная культура XIX века с ее вершинными достижениями в лице А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, И.С.Тургенева утратила свою социальную среду в результате реформ 60-х годов. Ю.М.Лотману пришлось написать для современного читателя целый том комментария к "Евгению Онегину", которого мы все, казалось бы, знаем чуть не наизусть с колыбели. А И.С.Тургенев из властителя умов и провозвестника идей передовой интеллигенции 60-х годов превратился сегодня в чтение для девушек-подростков. Усадебная культура была вырублена вместе с "вишневыми садами", "темными аллеями" и сиренью "соловьиного сада"(1), и деятели культуры уже в начале века отчетливо осознавали тщетность усилий пассаизма и пушкиньянства возродить ее.

Еще в 1906г. А.А.Блок писал: "Уже нечему умирать и нечего воскрешать. Этот быт гибнет, сменяется безбытностью", а годом раньше в связи с историко-художественной выставкой дворянских портретов предвидел с тоской С.П.Дягилев: "Доживают не люди, а доживает быт...Мы живем в страшную пору перелома: мы суждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре..., которая нами возникнет, но нас же и отметет" (2).

Культура серебряного века, полная ожидания погибельной и очистительной революционной бури, была начисто развеяна этой бурей.

Культура 20-х годов с ее трагическими противоречиями и крайностями, но и с новаторской формой, идеально выражавшей новаторские идеи обновления мира, не созвучна современной эпохе, отринувшей эти идеи.

Наконец, и культура подлинных творцов перестройки - шестидесятников с их бескорыстными и светлыми идеалами свободной России не имеет ничего общего с нынешним состоянием страны и не отвечает актуальным запросам общества.

Так, может быть, правы деревенщики, и надо возрождать не элитарную, а традиционную народную культуру русской деревенской общины с ее соборностью и устоями “Домостроя”? Нет, и на этом пути Россия не обретет спасения. Во-первых, сельская община распалась в стране еще в пореформенную эпоху, и о ее гибели красочнее всех написали свято верившие в общину и переживавшие трагическое разочарование народники, прежде всего Глеб Успенский. Довершили разрушение реформы П.А.Столыпина и сталинская коллективизация. Во-вторых, к 1917г. % населения России составляли крестьяне, и именно они были главной действующей революционной силой, которую использовали большевики. Именно то, что крестьянство в стране уже утратило ценности традиционной общинной культуры, но не восприняло городскую культуру капиталистического общества привело к небывалой и бессмысленной жестокости русской революции. Пытаться возродить сейчас эту ситуацию значит увеличить в стране и без того гигантскую прослойку маргиналов, лишенных социальных и культурных ценностей, что позволяет манипулировать ими любым экстремистам и демагогам.

Таким образом, представляется, что актуальнейшая задача культурологов и музейных деятелей России на современном этапе состоит в том, чтобы содействовать формированию новой культуры, нового мировоззрения русского общества, культуры, отвечающей потребностям современной эпохи, но учитывающей специфику архетипа и особенности русской этнопсихологии, формировавшихся на протяжении тысячелетней истории страны.

Отказ от догматически понимаемых марксистских схем диктует необходимость овладения основными историко-философскими концепциями, которые были выработаны и приняты мировой наукой за последнее столетие.

Долгие годы властителем дум в мире был английский историк Арнольд Тойнби. Его двенадцатитомное “Исследование истории”, выходявшее на протяжении почти 30 лет, было ответом на кризис сциентизма и эволюционизма в европейской науке.(2) На философию истории А.Тойнби оказали воздействие идеи Освальда Шпенглера, изложенные в вышедшем в 1918 и 1922 годах двухтомном сочинении “Закат Европы”.(3) Написанный после первой мировой войны труд О. Шпенглера отражал глубочайший пессимизм и утрату веры европейского общества в обещанное просветителями развитие мира по пути разума и прогресса. По О. Шпенглеру нет исторической динамики общечеловеческой культуры, а были отдельные изолированные культуры: вавилонская, египетская, индийская, китайская, греко-римская, византийско-арабская, западно-европейская, развивавшиеся по единому сценарию.(4)

Жизненный цикл каждой из них длился около одного тысячелетия, завершаясь переходом к цивилизации, знаменовавшим застой и закат.

В концепции А.Тойнби ключевым также является представление о циклическом развитии разобщенных во времени и пространстве культур, которые он называет цивилизациями. Но огромной заслугой А.Тойнби было то, что он под влиянием переписки с русским ученым академиком Н.И.Конрадом и японским ученым Д.Икэдой сумел преодолеть европоцентризм западной науки; он первым уделил большое внимание истории кочевых народов, в которых видел динамическую силу, убыстрявшую ход исторического развития цивилизации и осуществлявшую связь между ними.(5) Исторический прогресс он связывал не с развитием производительных сил, а с творческим порывом интеллектуальной элиты и развитием духовной культуры (в том числе - религии), служащей стабилизатором общества. Большое значение имело также обращение А.Тойнби к проблеме взаимоотношений человека и природы.

Прогрессивный общественный деятель, борец за освобождение колоний и за мирное сосуществование народов, сторонник диалога между Западом и Востоком, А.Тойнби оказал большое воздействие на общественное сознание XX века.

В настоящее время идеи локальных цивилизаций развивает отечественный ученый Г.С.Померанц. Критерием разделения мировой культуры на отдельные субэкумены: китайскую, индийскую, средиземноморскую, с разделением последней на западную - христианскую и восточную - мусульманскую, является формирование в каждой субэкумене независимой философско-религиозной традиции. (6)

Эти подходы к всемирно-историческому процессу позволяют строить экспозиции музеев не по привычному строго хронологическому и не по этническому, а по культурно-географическому принципу, выделяя регионы, между которыми различия общекультурные, философско-религиозные и эстетические более значимы, чем этнические и хронологические внутри каждого ареала. Первой реализацией этой идеи была выставка “Мусульманский Восток”, организованная И.А.Орбели в Эрмитаже в 1923г. В настоящее время такие выставки весьма популярны: “Мир кочевников Евразии”, продемонстрированная в 1989г. в США (концепция В.Н.Басилова), “Буддизм” в Японии в 1990г. и др.

Однако более соответствующей сумме современных исторических знаний и более глубокой, а потому особенно существенной для модернизации российских музеев, представляется концепция, разрабатываемая во Франции. Кризис в 30-х годах XX века старых учений, мода на марксизм и поиск новой общей теории привели к формированию “Новой исторической школы” или “Школы Анналов”, именуемой по названию журнала “Annales d'histoire, économique et sociale”, издававшегося с 1929г. в Страсбурге Марком Блоком и Люсьеном Февром.(7)

Если концепция А.Тойнби восходит к идеалистическим философским учениям Запада, то в основе представлений французских историков лежат материалистические идеи французских просветителей, принимаются и марксов тезис о роли производительных сил в общественном развитии и гегелевская диалектика истории.

Главный тезис основателей новой исторической школы: отказ от описательной событийной истории, воссоздание “тотальной” истории как синтеза материальной и духовной культуры всех слоев общества, демографии, обычаев, производственных и культурных традиций, которые устойчивы и медленно поддаются трансформации, являясь тормозом исторического развития. Эти принципы изложены М.Блоком в его книге “Апология истории”: “Вместо истории событий - синтетическая проблемная история, средоточие всех наук, изучающих общество: социальной, психологической, моральной, религиозной, эстетической и политической, экономической и культурной”.(8) Те же принципы провозглашены в сборнике статей Л.Февра “Битвы за историю”: “Не история героев, а история масс, история материальной культуры и социальная психология в их сложных динамических взаимоотношениях”.(9) Марксистские идеи о примате материального производства и решающей роли масс в историческом процессе были дополнены основателями “Анналов” углубленным изучением истории духовной культуры во всех ее аспектах.

Дальнейшее блестящее развитие школа “Анналов” получила в лице Фернана Броделя. В 1958 г. им была издана в “Анналах” статья “История и социальные науки. Длительное время”(10). В отличие от астрономического времени, равномерно и однонаправленно движущегося по прямой оси, социальное время истории длительно, разнонаправленно и неравномерно. Оно складывается при взаимодействии трех времен, каждое из которых имеет свой ритм. Первая, основная, определяющая исторические события структура крайне малоподвижна - это взаимодействие человека, земли и космоса; природные циклы сменяются медленно; постепенно происходят изменения и в взаимодействии природы и человека; наконец, очень устойчивы традиции культуры и психология человека - это медленное длительное глубинное время. Второе время - циклическое время медленных экономических и социальных процессов цивилизации - осуществляется часто неосознанно, и эволюция иногда сменяется регрессом. Третье время - быстрое время политической и дипломатической истории. Хотя темп изменений высок, в действительности политическая история - лишь пена на гребне волны; она мало существенна, так как обусловлена взаимодействием глобальных структур медленного и циклического времени. Задача историка - выявить временные ритмы и установить этапы их наложения, интерференции, что позволяет, во-первых, определить подлинные причины исторических событий, а, во-вторых, давать достаточно верные прогнозы будущего, что делает историю не только точной, но и крайне актуальной наукой.

Уже в ранней работе “Средиземное море и мир Средиземноморья” Ф. Бродель уделил большое внимание роли географического фактора, который задает определенные параметры возможностей экономического развития: диалектика пространства и времени, “неустойчивые, но долговременные равновесия между людьми, между климатом и почвой” фиксируют возможности и пределы цивилизации(11). В главном труде - “Возможное и невозможное: люди перед лицом их повседневной жизни” (1967)(12)- Ф. Бродель исследовал все компоненты жизни: географическую среду, климатические ритмы, урожайность полей, цены на хлеб, демографические процессы. В поле его внимания - взаимодействие с кочевой периферией и технические инновации, планировка жилищ и традиционная пища, моды на одежду и процессы урбанизации. При этом источником прогресса Ф. Бродель, в

отличие от К. Маркса, признал накопление отнюдь не богатств, не капитала, а развитие интеллекта: накопление новых навыков, технических решений и способов мышления.

Последователь Ф. Броделя - Э. Ларуа Ладюри сосредоточил свое внимание на изучении долговременных процессов и ввел понятие “неподвижная история”, показав, что войны и революции возникают в результате интерференции имеющих различный ритм волн в разных сферах экономики и культуры(13).

Эти новые представления, выработанные французской школой, необычайно важны для решения экспозиционных задач современного музея. Серьезнейшее обоснование роли глобальных экологических процессов в истории человечества диктует задачу создания комплексной экспозиции, где отделы природы истории не разделены непреодолимой преградой, а слиты воедино, демонстрируя взаимосвязь судеб народа и его природного окружения.

Концепция глобальной истории и новая трактовка исторического времени расширили самый подход к объекту исторической науки и вызвали живой отклик(14), в том числе -и в нашей стране(15).

Важнейшее значение для музея имеет новая концепция времени. Абстрактное астрономическое время непрерывно, равномерно и линейно. Отражение же времени музейными средствами через артефакт дискретно. Это побудило В.Ю.Дукельского впервые в мировом музееведении ввести понятие музейного историзма. “Музей задает свой ритм исторического времени....Крупные хронологические периоды могут быть сжаты, непродолжительные, по времени, но исторически значимые - растянуты”(16).

В свете теории Ф.Броделя музейное время подлинно отражает дискретное пульсирующее время культуры.

Сущность различных исторических процессов в музее раскрывается через конкретно-предметный образ экспозиции. Главное место как в исторических, так и особенно в мемориальных музеях занимает персонификация - отражение истории через судьбы конкретных людей, позволяющая эмоционально-насыщенно воспроизвести важнейшие события краткого времени. Однако важнейшее следствие нового исторического подхода - необходимость презентации не только и не столько политических событий и деятельности выдающихся лиц, которые, будучи на гребне волны, могли лишь ускорять или замедлять, но не определять ход глобальной истории, заданной медленным временем. Основной акцент в экспозициях должен быть сделан на демонстрации процессов медленного времени: культуры и быта всех слоев общества.

Для реализации этой задачи музей располагает уникальными возможностями: это так называемый массовый материал, отражающий производственные процессы и повседневный быт рядовых людей, позволяющий воссоздать “структуры повседневности”. В Европе, особенно в Англии и в Германии, в последние годы именно эти экспозиции вышли на первый план, будь то Музей города Лондона или провинциальные музеи быта (17). Это связано с осознанием значимости медленно протекающих процессов обыденной

жизни, устойчивых традиций и ценностей основного населения страны, в решающей мере определяющих ее историю.

Углубленный анализ объективных причин исторических сдвигов логически привел историков “Анналов” от изучения географических и экономических факторов к оценке роли социальной психологии.

Интерес к идеологии общества был выражен уже у И.Хойзинги в “Осени средневековья” и в работах Л.Февра, который ввел термин “ментальность”. Новое психологическое направление получило воплощение в трудах Г.Дюби, Л.Тренара и прежде всего Жака Ле Гоффа: “Интеллектуалы средневековья” (1957) и “Цивилизация среднего Запада”(18). Ж.. Ле Гофф сосредоточил свое внимание на реконструкции менталитета, психологии разных культурных групп средневекового общества: церковников, интеллектуальной элиты и рядовых носителей массовой фольклорной культуры, отличной как от церковной, так и от элитарной светской. Последней исследователь видит решающую роль в прогрессе человечества.

Особое значение имеет анализ менталитета, привычек, ценностных ориентаций “обыденных людей”, ”простаков”, поскольку архетипы сознания и традиции народной культуры крайне устойчивы, инерционны и замедляют исторический прогресс.

Проблема роли менталитета и архетипов этнического сознания, картины мира и представлений о времени и пространстве стала ключевой и в исторических исследованиях в других странах, в том числе в России (19), при изучении и античности, и Древнего Востока и средневековой Европы, и современной Азии (20). В сфере внимания ученых - обыденная жизнь и менталитет интеллектуальной элиты, будь то русский декабрист или итальянский гуманист (21).

Однако, первоначально рассмотрению этнических стереотипов поведения и аксиологических установок в массовом сознании и подсознании (22). Эти исследования имеют давнюю традицию как в западноевропейской, так и в русской философии, фольклористике и этнографии.

Таким образом, в современной философии истории и культурологии первоочередное развитие получают три направления: коль скоро длительное время и рамки прогресса этнической культуры обусловлены географической средой, то особое значение приобретает изучение экологии; коль скоро процессы развития современных народов и их культур в значительной мере уходят своими корнями в толщу веков и определяются длительным развитием этноса и его менталитета, то весьма существенно исследование этногенеза каждого народа; коль скоро в современной как массовой, так и элитарной культуре сохраняются архетипы мифологического сознания, проявляющиеся не только в художественном творчестве, но и в менталитете обыденной жизни, то для прогнозирования культурных процессов необходим анализ этнопсихологии и мифологии.

Эти господствующие тенденции в этноисторической науке задают и три приоритетных направления в деятельности модернизируемых музеев:

I экология,

II этногенез,

III мифология.

ЭКОЛОГИЯ

Роль окружающей Среды в истории человеческих коллективов была оценена еще в античности: Гиппократ (около 460-370 г. до н.э.) в трактате “О воздухе, водах и местности” высказал мысль о влиянии географических факторов и климата на строение человеческого организма, свойства характера и общественный строй народов. Французский энциклопедист Монтескье, считающийся создателем географической школы, полагал, что ландшафт, почва и климат определяют дух народа и характер общественного развития. Французские социологи, принадлежавшие к географической школе, сделали многое для обоснования роли географических факторов в развитии культуры народов различных регионов. Однако борьба со сложившейся в рамках этого направления немецкой школой геополитики, идеи которой легли в основу фашистской доктрины, надолго скомпрометировала все направление, в особенности в советской науке, где определяющим фактором в истории признавались не закономерности взаимодействия человека и природы, а сама смена способов производства в результате классовой борьбы (23).

Понятие “экология”, введенное еще в XIX в. Э.Геккелем применительно к зоологии, в середине XX в. утвердилось как учение об общих законах системного взаимодействия всех компонентов биосферы, включая и человека (24). Английский ученый Дж.Уайнер ввел в науку понятие “экология человека”, доказывая, что человек, как и другие биологические виды Планеты, испытывает влияние Среды, а не только оказывает на нее воздействие.

Экологический подход к истории получил законченное выражение в сравнительной культурологии американского исследователя Л.Уайта. В основе его учения лежит идея развития культуры как экстрасоматической адаптации человеческих коллективов к воздействию окружающей Среды (25). Развивая идеи Ч.Дарвина, Л.Уайт считает, что необходимость выхода из кризиса служит стимулом культурных инноваций. Важное место в концепции Л.Уайта принадлежит гуманистическим идеям культурного релятивизма: признание биологического равенства и равного права каждой этнической культуры на свое независимое развитие, что дает основания для сравнительного культурологического анализа культур человечества как в синхронном, так и в диахронном планах.

Критика концепции Л.Уайта с ортодоксальных марксистских позиций не представляется убедительной (26). Его идеи были восприняты многими американскими учеными и легли в основу объяснения причин и характера неолитической революции Л.Бинфордом, К.Фланнер и др. (27).

Концепция Л.Уайта оказала воздействие и на ряд ведущих отечественных исследователей (28). Первым в их ряду следует назвать культуролога Э.С.Маркаряна. Подвергнув достаточно суровой критике взгляды Л.Уайта, он, однако, воспринял и положил в основу собственной концепции теории культуры главный тезис Л.Уайта, согласно которому культура есть механизм адаптации к воздействию природной Среды, гарантирующий

выживание человечества (29). Этот постулат положен Э.С.Маркаряном в основу системного анализа эволюции культуры.

Влияние Л.Уайта ощущается и в трудах С.А.Арутюнова (30), Т.И.Алексеевой (31) и особенно В.П.Алексеева, доказавшего значение экологического подхода не только к биологической эволюции человека, но и к социальному развитию, подчеркнувшего роль естественного отбора в процессе адаптации, введшего понятие антропогеоценоза. Оценивая теорию Л.Уайта, В.П.Алексеев признал, что “концепция культурного релятивизма может претендовать сейчас на центральное место в рассмотрении и оценке культурного многообразия человечества как в современную эпоху, так и в его историческом развитии”(33).

Этот подход позволяет сказать, что этническая культура есть совокупность внебиологически выработанных взаимосвязанных и передаваемых от поколения к поколению механизмов и способов человеческой деятельности, направленных на приспособление к определенной экологической нише в целях воспроизводства этнического коллектива (34).

Именно сокращение пищевых ресурсов в определенном регионе побуждало людей или менять зону обитания, или искать новые способы хозяйствования, способствуя прогрессивному развитию и стимулируя культурные инновации.

Отражение экологического направления в музейной экспозиции, по моему мнению, предполагает несколько возможных подходов.

1. Отражение глобальной истории земли и (или) формирования современной природной Среды в данном регионе в их взаимодействии с историей человеческой культуры.

Еще в 1910 г. скандинавскими географами Блиттом и Сернандером была создана реконструкция палеоклимата Европы. Позже был доказан общепланетарный характер глобальных смен плювиальных - влажных и ксеротермических - засушливых эпох с внутренними циклами периодов потепления и похолодания (35) и установлена локальная специфика этих процессов в отдельных регионах (36). Эти глобальные циклы обусловили вехи первобытной истории человечества и оказали воздействие на последующую эволюцию хозяйственной деятельности: отступление ледника позволило человеку из его колыбели в Африке постепенно расселиться по территории Старого Света. Формирование экологических ниш привело к специализации форм хозяйственной деятельности и географическому распределению хозяйственно-культурных типов (37) (зоны культур земледельческих, скотоводческих, охотничье-рыболовческих) (38) и к дальнейшему развитию экономики и культуры в каждой из этих зон в связи со сменой климатических ритмов, когда в условиях традиционного типа хозяйства истощение пищевых ресурсов побуждало этнический коллектив или к миграции в другую экологическую нишу или к кардинальным изобретениям, внедрение которых позволяло сменить или модернизировать тип хозяйства (39), вызывая одновременно существенные изменения в духовной культуре, а иногда и в социальной организации общества.

Блестящим примером отражения этих процессов в музейной экспозиции служат выставки “История человечества” и “Океан” в Институте Содружества в Лондоне (40).

Легко представить себе выставку “Экология и культура степей Евразии”, которая отразит этапы развития культур в зависимости от климатических ритмов от эпохи охоты на мамонта до становления оседлого, а затем кочевого скотоводства в результате domestikации лошади - важнейшей инновации в истории Евразии, обусловившей культурный прогресс и нашедший яркое отражение в мифологии всех индоевропейских, тюркских и частично других народов. Такая экспозиция могла бы быть организована и как временная в больших выставочных залах, и как постоянная в любом краеведческом музее от Дуная до Енисея.

Интересен опыт решения экологической темы в Лимнологическом музее Байкала и Музее озера Балатон в курортном городе Кестхели в Венгрии. В последнем одну стену всей развернутой по кругу экспозиции представляет пейзаж озера, а в постепенно сменяющихся экспозициях представлена геологическая история озера, его природа и ее использование человеком от неолитического рыболовства и древнего земледелия до современного пароходства и туризма; завершает экспозицию галерея портретов ученых, исследовавших озеро и историю культуры побережья.

2. Экология региона и история культуры его жителей

Этот подход широко используется в скансенах, музеях под открытым небом, названных так по имени деревушки Скансен, где был создан музей, получивший всемирную известность. В России этот тип музеев-заповедников становится все более популярным. Примером удачной музеефикации является музей Веркалы (концепция О.Г.Севан). (41)

Средовой подход используется и в этнографических музеях. Позитивный опыт в этом направлении уже накоплен в отечественной и мировой практике. И.В.Иксановой создан Этнографический музей в Улан-Удэ, где культура различных народов Сибири демонстрируется на фоне естественных ландшафтов (42). В Музее Африки в национальном заповеднике Бельгии воссоздана природная Среда бытования отдельных культур Африканского континента (43). Те же идеи используются при создании природно-культурных заповедников Самарская Лука (концепция И.Б.Васильева) и Аркаим (концепция Г.Б.Здановича).

Экологический подход в экспозиции краеведческих музеев означает, прежде всего, снятие непреодолимого барьера между экспозициями отделов природы, истории и современности. Историко-культурная экспозиция может быть развернута на фоне зимнего сада, что позволит воплотить идею единения человека и природы, одновременно усилив эмоционально-эстетическое и рекреационное значение выставки (44).

3. Охрана окружающей Среды

Эта актуальнейшая тема современности может решаться музеями разного профиля самыми различными методами. Очень интересным представляется опыт Художественного и Краеведческого музеев г.Омска, расположенных в соседних зданиях. Выставка в художественном музее

начиналась с показа пейзажей Сибири XIX - начала XX века. Затем шел раздел под названием “Пейзаж без природы”, в котором демонстрировались картины советских художников, воспевавших великие сибирские стройки. Далее посетитель переходил в отдел природы Краеведческого музея, где была развернута выставка “Красная книга природы края”: В традиционных диорамах была представлена флора и фауна края, но вдруг наступала темнота и вспыхивали красные лампы, указывая на те растения, животных, птиц, рыб, которые вымирают и вошли в Красную книгу. Огромное эмоциональное воздействие экспозиции усиливалось тем, что на первом плане в диорамах были помещены мотки проволоки, пустые бутылки, консервные банки, столь типичные для пейзажа современных окрестностей промышленных городов Сибири. Говорят, что директор одного из огромных заводов Омска плакал на этой выставке...

Большое эмоциональное и воспитательное значение может иметь и демонстрация экофильных традиций, сохраняющихся в народных культурах. Как было показано в этнографических исследованиях (45), в традиционных обществах люди сознательно стараются поддержать равновесие в природе, сознают не только связь с нею, но и ответственность за истребление ресурсов, не допуская уничтожения большего числа животных, чем необходимо для физического поддержания социума. Эти экофильные традиции закреплены в многочисленных табу и очистительных обрядах, сопровождающих охоту.

Ознакомление посетителей этнографических и краеведческих музеев с этими нормами поведения и фольклорными текстами может способствовать экологическому воспитанию современного поколения.

II. ЭТНОГЕНЕЗ

В современную эпоху духовного кризиса общества, когда девальвированы все конституциональные ценности (то есть идентификация личности по принадлежности к СССР, коммунистической партии, профессиональной группе), на первое место вышел единственный не конституциональный и данный от рождения способ самоидентификации - этнический. Поскольку насаждавшийся советскими идеологами миф о едином советском народе развеян, а при крайне низком культурном уровне общественное сознание остается мифологизированным, это позволяет политикам заменить миф о союзе нерушимом различными националистическими мифологемами, и использовать их в политических целях. При этом на первый план выдвигается не национализм земли, при котором подчеркивается суверенность и единство всех проживающих в данном регионе людей, независимо от их этнической принадлежности, а национализм крови, при котором полноценными признаются только люди одной национальности. Эта форма национализма очень опасна и ведет к росту межнациональных конфликтов, а в своих крайних проявлениях к утверждению фашистской идеологии.

Поэтому перед музеем стоит важная задача развенчания националистических антинаучных мифов о чистоте какого-то этноса, о его законном праве на занимаемую им территорию.

Успехи современной этнологии дают музейным деятелям богатейшие возможности для создания экспозиций, посвященных проблемам этногенеза, об актуальности которых писал академик В.П.Алексеев (46).

В науке долгие годы шла борьба между сторонниками автохтонистского и миграционистского направлений. Последнее было надолго скомпрометировано немецкой школой Г.Коссины, исследования которой были использованы идеологами фашизма в Германии, и в советской палеоэтнологии утвердилась стадильная автохтонистская концепция Н.Я.Марра, насаждавшаяся в языкознании. Но уже в 1948 г. выдающийся антрополог Г.Ф.Дебец (47) показал, что современные антропологические типы сформировались в результате многовековых, а в конечном итоге - многотысячелетних процессов миграции и интеграции. Исследованиями В.П.Алексеева и других антропологов установлено, что ни один из существующих на земле народов не может претендовать на абсолютную чистоту расы: и в мифологии и, особенно, в генной структуре современных популяций отражены следы многократных скрещиваний; и древние и современные народы имеют сложный расовый состав, образованный многочисленными элементами, консолидация же народа осуществляется единой культурой, общим самосознанием и единым языком (48).

В результате успехов в языкознании XIX-XX вв. все языки мира классифицированы и объединены в большие языковые семьи. Россия стоит на первом месте по количеству языковых семей (10), к которым принадлежат населяющие ее народы, причем представители двух семей - нахско-дагестанской и палеоазиатской - живут только в нашей стране.

Хотя проблемы происхождения и расселения носителей языков крайне сложны и частично остаются дискуссионными, несомненно, что при формировании этноса огромную роль играли процессы миграции, интеграции и ассимиляции, что хорошо известно по древнейшей письменной индоарийской, древнегреческой и хеттской традиции и отражено в мифологии и легендах о трех братьях-родоначальниках, расселившихся по разным землям (в случаях дивергенции единого этноса) или двух объединившихся предках (в случае консолидации двух народов) (49).

Господствующий в нашей стране русский этнос является славянским, принадлежащим к германо-балто-славянской группе, входящей в индоевропейскую языковую семью, включающую языки почти всех народов Западной Европы. Развитие носителей этой языковой семьи в Европе прослеживается по разным оценкам с эпохи неолита (У11 тыс. до н.э.) или энеолита (V-IV тыс. до н.э.) (50). Разделение же общего древнерусского языка на русский, белорусский и украинские относится только к XIV-XV вв.(51), так что все эти народы в равной мере являются наследниками высокой культуры Киевской Руси, вопреки пропаганде украинских националистов.

К глубокой древности восходит формирование другой большой группы населения России - финно-угров, исторические судьбы которых

реконструируются от эпохи неолита, когда их прародина локализовалась в лесной зоне по обеим сторонам Урала (52).

Что касается третьей многочисленной группы народов России - тюрков, то эти народы сформировались очень поздно в результате постепенного продвижения с прародины в Центральной Азии отдельных групп, начиная лишь с эпохи Великого переселения народов и главным образом в средние века после татаро-монгольского нашествия (53).

Учитывая чрезвычайную важность противостояния музея политической пропаганде, этический долг музейных деятелей видится в создании строго научных экспозиций, чтобы предотвратить замену советских стереотипов массового сознания еще более опасными националистическими мифологемами.

К сожалению, уже есть попытки использовать музей в пропагандистских целях. Например, в Казани в краеведческом музее и в Кремле развернуты экспозиции, в которых татары объявляются исконными жителями Среднего Поволжья и потомками болгар. В действительности, пришедшие в XIII в. предки татар генетически не связаны с булгарами, государство которых уничтожили, а сам народ частью истребили, частью изгнали. Татарский этнос крайне многокомпонентен (54) и включил как остатки тюркских народов, так и потомков местных финно-угорских, иранских и других народов.

Пантюркские идеи лежат в основе концепции Турецкого национального музея в Анкаре: в вестибюле выставлена гигантская карта Великой Турции, охватывающей не только Малую Азию, Иран и Индию, но и Сибирь и Южную Россию - все земли, через которые когда-то прошли тюркские племена.

Принципиально иная концепция заложена в экспозиции Индийского национального археологического музея в Дели и повторяется в большинстве региональных музеев Индии. Здесь демонстрируется плодотворное взаимодействие различных этносов, в разные эпохи приходивших на субконтинент и вносивших свой вклад в формирование современной индийской культуры. Такой подход позволяет музею служить этностабилизирующим фактором в регионе.

В музее города Лондона также представлена картина смены различных народов и сложения английской нации и ее культуры. Последовательно проводимая идея дает возможность, используя музейные средства, содействовать снятию межэтнической напряженности в таком многонациональном городе, как Лондон.

Специфические формы музейной коммуникации делают музей уникальным учреждением культуры, способным осуществлять как внутриэтническую межпоколенную трансляцию культурных текстов, способствуя поддержанию культурных традиций этноса, так и трансгеографическую и межэтническую коммуникацию, устанавливая диалог культур, ведущий к взаимопониманию (55).

Презентация проблем этногенеза в музее.

Сегодня существуют разнообразные подходы к решению этой проблемы.

1. Возможна монографическая экспозиция, демонстрирующая развитие одного народа и его государственности. Такова была созданная И.В.Забелиным

концепция главного национального музея России - Исторического. Содержание экспозиции блестяще сочеталось с архитектурно-художественным решением: залы музея были украшены монументальными картинами на исторические сюжеты, в архитектуре использованы элементы декора владимирских соборов и народного искусства. Все это позволило создать целостный и эмоционально насыщенный музейный образ.

2 подход - презентация этногенеза различных народов одного политического региона. Так построены многие экспозиции в Сибири. Однако тот факт, что этнографические отделы искусственно оторваны от отделов первобытного и исторического, не позволяет отразить глубину этногенетических процессов даже при таких богатейших собраниях, как в Тобольске. Лучшим примером представляется экспозиция Иркутского музея, где убедительно показана динамика формирования и расселения различных народов края.

Очень удачно решение, найденное лабораторией музейного проектирования Р.И.К. во главе с Н.А.Никишиным при создании Таймырского музея (56).

Значение таких экспозиций крайне велико, поскольку они, демонстрируя уникальные достижения малых народов в создании культуры, адаптированной к экстремальным условиям Сибири, способствуют росту национального самосознания, повышению этнической самооценки представителей малочисленных народов, а тем самым - сохранению их традиционных культур. Вместе с тем, подобная экспозиция, знакомит маргиналов-мигрантов с культурой коренного населения, помогает реадaptации мигрантов в новой экологической нише и, главное, воспитывает у них уважение к аборигенам, снимая межэтническую напряженность (57).

3 подход: создание музея не учеными, а самими коренными жителями. Примером служит музей в Варьегане. Такой музей, отражая внутренний образ собственной культуры, саморефлексию этноса (58), сочетает функции экомuzeя, скансена и храма-капища, становясь центром сохранения традиционной культуры и аксиологических установок этноса.

4. Очень перспективным представляется также создание больших передвижных выставок и постоянных экспозиций, посвященных этногенезу, культуре и мифологии целых этнических групп или языковых семей. Легко представить себе такие экспозиции, как "Славянский мир", "Общие корни культуры балто-славян", "Происхождение и культура индоевропейцев", "Древнейшие истоки культуры финно-угорских народов", "Откуда пришли индоарии"? Такие экспозиции были бы не только очень интересны и информативны, но имели бы и большой общественный резонанс, способствуя снятию этнической разобщенности, межэтническому диалогу, осознанию многовекового единства.

Презентация истории первобытного общества.

Поскольку формирование этносов, как и архетипов мифологического мировоззрения, уходит в глубокую древность, то особое значение приобретает демонстрация в музее древнейших этапов истории человечества.

Экспозиции первобытных отделов исторических и краеведческих музеев нашей страны, созданные в советское время, опираются на концепцию первобытного общества, разработанную Ф.Энгельсом на основе работ Л.Моргана. Однако, в настоящее время в результате более чем столетнего развития антропологии эта схема пересмотрена.

Во-первых, вопреки утверждениям эволюционистов XIX в., доказано, что некоторые сохранившиеся архаические культуры, например, австралийская, отражают не ранние стадии общечеловеческого генезиса культуры, а представляют тупиковые линии развития (к ним относится и неандерталец).

Во-вторых, существенные выводы получены этологами при сравнительном изучении поведения человека и обезьян. Пионером в этой области была Н.Тейх, впервые исследовавшая сообщество обезьян в Сухумском питомнике. Позже подобные работы активно проводились в США (59).

Кросскультурные исследования, в особенности получившие всемирную известность труды выдающегося представителя американской школы этнической антропологии Марвина Харриса (60), позволили по-иному представить картину первобытного человеческого коллектива, в котором, вопреки Л.Моргану, никогда не было семьи пуналуа, брачные отношения были упорядочены и изначально существовал лидер-вожак, что позволяет по-новому говорить о большой роли биологического компонента в человеке, о раннем зарождении вождества и даже поставить под сомнение существование матриархата.

Новые подходы к истории первобытного общества предполагают радикальную смену первобытных отделов наших музеев.

МИФОЛОГИЯ

Изучение мифологии имеет давнюю традицию как в западноевропейской, так и в русской философии, фольклористике и этнографии.

Уже в немецкой романтической школе братьев Гримм, на формирование которой оказали воздействие учение о соотношении сознания и бессознательного в натурфилософии Фридрих Шеллинга и представления о национальной специфике литератур Фридриха Шлегеля и разработанный им сравнительно-исторический метод в языкознании, была показана специфика выражающего национальный дух фольклора, восходящего к мифологической стадии мышления. (61).

Исследования английской антропологической школы Эдуарда Тейлора и Джемса Фрейзера и позднее Кембриджской школы, сложившихся под влиянием позитивизма Огюста Конта и его учения о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества и идей эволюционизма в этнографии и генетической психологии Герберта Спенсера, выявили общность у всего человечества многих психических процессов, устойчиво проявляющихся в художественном творчестве и в повседневном поведении в виде пережитков (62).

Важнейшее значение имело сближение Вильгельмом Вундтом психологии и этнологии, выяснение роли аффектов, снов и ассоциаций в

мифологии и художественном творчестве, а, главное, доказательство (вслед за представителями кембриджской школы) этнической специфики, проявляющейся в мифологическом сознании, обоснованное в его труде “Психология народов” (63).

Этапом в изучении истории социальной психологии стали труды Эмиля Дюркгейма. Им разработано учение о коллективном сознании и его роли в первобытном и современном обществе, впервые показано значение в коллективной жизни ценностных установок и роль идеалов и мифов как регуляторов общественного поведения, способствующих интеграции социума (64).

Близкие идеи о своеобразии ценностных установок и особенностях социального мышления у различных общественных групп на разных этапах исторического развития, а главное, о дологическом характере первобытного мышления и сохранении архетипов бессознательного в религии и современных общественных мифах толпы развивал Люсьен Леви-Брюль (65).

Эти представления легли в основу современного научного психоанализа, разработанного швейцарским ученым Карлом Густавом Юнгом. Основываясь на данных эксперимента и преодолев влияние З.Фрейда, он показал, что архаические архетипы коллективного бессознательного не только служат фундаментом первобытной мифологии, но ярко проявляются в сновидениях и художественном творчестве современного человека, причем вслед за Б.Малиновским он считает, что основанные на архетипах коллективного бессознательного обряды и ритуалы, как и искусство, служат регуляторами общественного поведения, неся компенсаторные функции в современную эпоху.

К.Юнгом введено понятие архетипа, разработаны также представления об экстравертном и интравертном типе личности, весьма существенные не только для современной психологии, но и для этнологии (66).

Этническое своеобразие языка, культуры и искусства и уникальность ценностных установок, формирующихся у каждого народа в процессе его исторического развития, подчеркивал создатель американской школы культурной антропологии Франц Боас (67).

Зерно этих концепций, преемственно развивавшихся и противоборствовавших друг с другом на протяжении столетия, состоит в признании этнической специфики культуры и установлении существенной роли подсознательных архетипов не только на первобытной стадии дологического мифологического мышления, но проявляющихся и в современную эпоху как в художественном интуитивном творчестве, так и в менталитете обыденного сознания. При этом, если художественное творчество, как и обряд и ритуал в древних и традиционных культурах, переводя архетипы из сферы бессознательного в общественное сознание, служат социальными регуляторами, то некоторые не отрефлектированные ценностные установки и стереотипы поведения в мифологизированном менталитете носителей современной массовой культуры выступают тормозом развития общества и часто деструктивны.

Вершиной в изучении мифологии и ее места в истории мировой культуры представляется концепция Е.М.Мелетинского (68), основанная не только на критическом анализе трудов западных исследователей, но и на достижениях отечественной школы, включающих имена таких выдающихся ученых, как А.А.Потебня, А.Н.Веселовский, Н.И.Толстой, В.Я.Пропп, Вяч.Иванов, О.М.Фрейнберг, А.Ф.Лосев, В.В.Иванов, В.Н.Топоров и др.

Выводы современных мифологов находят подтверждения и обоснования в экспериментальной психологии. Важнейшее значение имеют идеи Л.С.Выготского и Ж.Пиаже (69), подтвержденные опытами А.Валлона и Прибрама, о синкретизме творческих процессов, их сенсомоторной основе и компенсаторной и регулирующей функции.

Интересно также направление, изучающее специфику деятельности правого и левого полушарий головного мозга (70), позволяющее глубже понять механизм взаимодействия сознания и подсознания.

Какие выводы следуют из всего этого для музейной деятельности?

Коль скоро архетипы общественного сознания столь устойчивы и формировались на протяжении тысячелетий, определяя современную этническую психологию, то это ставит перед музеем несколько актуальных задач.

Первоочередная задача - презентация в музейной экспозиции произведений народного искусства, восходящего к мифологии данного этноса, причем целесообразно учитывать не только сюжеты и образы, но и цветовую символику. Естественно, желательно сопровождать эти выставки фольклорными фестивалями, разными формами самодеятельности, ознакомлением с традиционными художественными ремеслами. Это особенно важно для детей от 3 до 7 лет, поскольку именно в этом возрасте происходит формирование ценностных установок личности, формируется образ родины и своего народа, причем детское сознание, повторяя в онтогенезе филогенез, близко мифологическому, насыщено архетипическому, насыщено архетипическими образами этнической культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеется в виду эпизод, когда А.А.Блок, замороженный ожиданием губельного разгула народной стихии, собственноручно вырубил сирень в Шахматове: "Сирень была столетняя, дворянская"(А.А.Блок, Ни сны, ни явь), та самая, о которой его тетка Е.А.Бекетова написала стихи "Поутру, на заре", положенные С.В.Рахманиновым на музыку - романс "Сирень" (Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990, сс.130-131; 423-428). Цитируется по Е.Дьякова. Александр Блок о русской усадебной культуре.-Шахматовский вестник, №1, М.,1991, с.11).
2. Toynbee F.J. A Study of History. vol. 1-12. L., 1934-1961; Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; Чесноков Г.Д. Современная буржуазная философия истории. Горький, 1972; Семенов Ю.Н. Социальная философия А.Тойнби. М., 1980.

3. Шпенглер О. Закат Европы. т. 1, М., 1923; Асмус В.Ф. Маркс и буржуазный историзм. -Избранные философские труды. т. II, М., 1971.
4. Выделялась также культура майя в Америке и предполагалось сложение русско-сибирской культуры.
5. Choose Life. A Dialogue. L., 1976; Конрад Н.И. Избранные труды. История. М., 1974; Златкин И.Я. Концепция истории кочевых народов А.Тойнби и историческая действительность.-Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1971.
6. Померанц Г.С. История в сослагательном наклонении.-ВФ, 1990, №11; Он же. Квадратура исторического круга.-Знание - сила, 1991, №4; Он же. С птичьего полета и в упор.-Arbor mundi, 1992, №1; Он же. Опыт философии и культурологии. М., № .
7. Гуревич А.Я. Исторический синтез. Школа "Анналов". М., 1993.
8. Блок М. Апология истории. М., 1973, с.12. (2 изд.-М., 1986).
9. Fevre L. Combats pour l'histoire. P., 1953. (Русский перевод -М., 1991).
10. Бродель Ф. История и социальные науки. Длительная временная протяженность.-Философия и методология истории. М., 1977.
11. Brodel F. Mediterranee et la Monde mediterranneen de Philippe II. P., 1949, p. 21.
12. в 1979 г. книга переиздана как 1 том монографии "Структуры повседневности: возможное и невозможное" (русский перевод Л.Е.Куббеля, М., 1986); т. II, "Игры обмана". М., 1988; т. III, М., 1992.
13. Le Roy Ladurie e. Le territorien. P., 1978.
14. Оболенская С.В. "История повседневности" в современной историографии ФРГ. М., 199 ; Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новые тенденции в современной британской и американской медиевистике. М., 199 .
15. Гуревич А.Я. Этнология и история в современной французской медиевистике.-СЭ, 1984, №5; Он же. Категории средневековой культуры. М., 1972; Он же. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981; Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. М., 1980; Он же. Эволюция теоретических основ Школы Анналов.-ВИ, 1981, №9; Он же. Вчера и сегодня французской "Новой исторической науки".-ВИ, 1984, №8.
16. Дукельский В.Ю. Формирование основ историзма в музейном деле России. Автореф. канд. дисс., М., 1994, с. 11; Он же. Музейные коллекции и предметный мир культуры.-Некоторые проблемы исследования современной культуры. М., 1987; Он же. В поисках музейной концепции истории.-Музееведение. На пути к музею XXI века. М., 1994.
17. Кузьмина Е.Е. Национальная культурная политика Великобритании и музей. М., 1992; Кнабе Г.С. Вещь как феномен культуры.-Музеи мира. М., 1991. Следует подчеркнуть, что в экспозициях советских исторических музеев, основанных на марксистских идеях о значении производительных сил и роли масс, презентация бытовой культуры всегда занимала важное место, в чем отечественное музейное дело опережало западное. Но

приходится с сожалением отметить, что один из первых бытовых музеев в Европе - московский музей сороковых годов - был уничтожен.

18. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992; Duby G. Histoire de mentalites.-Histoire et ses methodes. P., 1961; Mandrou R. Introduction a la France moderne: Essai de psychologie historique. P., 1961; Trenard L. L'Histoire des mentalites collectives: les pensees et les Hommes.-Revue d'histoire moderne et contemporaine. vol. XVI, 1969.
19. Гуревич А.Я. Некоторые аспекты изучения социальной истории -ВИ, 1964, №10; Он же История и психология. -Психологический журнал, 1991, т.12; Розовская И.И. Проблематика социально исторической психологии и зарубежной историографии XX в.-ВФ, 1972, №7; Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979; Афанасьев Ю.Н. Культура и общество в средние века: методология и методика зарубежных исследований. М., 1982.
20. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977; Кнабе Г.С. Тацит. М., ; Он же. Вещь как феномен культуры.; Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии. М., 1983; Дьяконов И.М. Люди города Ура. М., 1990; Жуковская Н.Л. Категории и символика культуры монголов. М., 1988.
21. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни. М., 19 ; Он же. Бытовое поведение как историко-психологическая категория. М., 1975; Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978.
22. Этнические стереотипы поведения. М., 1985; Гофман А.Б., Левкович В.П. Обычай как форма социальной регуляции.-СЭ, 1973, №1; Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в ранней первобытной общине. М., 1977.
23. Федоров Е.К. Взаимодействие общества и природы. Л., 1972.
24. Одум Ю. Основы экологии. М., 1975; Общество и природная Среда. М., 1980; Крисаченко В.С. Экология и теория эволюции. (Методологический аспект). Киев, 1987; Баландин Р.К., Бондарев Л.Г. Природа и цивилизация. М., 1988; Рахилин В.К. Общество и живая природа. М., 1989.
25. White L. The Evolution of Culture. NY., 1959.
26. Муравьев Ю.А. Культурологизм как методологическая тенденция в современной западной философии.-Философские науки. 1988, №1, с. 70; Викторова В.Д. Теоретические основания экологического подхода к изучению древней истории.-Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989, сс. 8-11.
27. Шнирельман В.А. Современные концепции происхождения производящего хозяйства (проблема механизма).-СА, 1978, №3, сс. 259-269; Он же. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
28. Общество и природа. М., 1981; Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
29. Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973; Он же. Понятие "культура" в системе современных социальных наук; Доклад. IХ МКАЭН. М., 1972; Он же. Теория культуры и современная наука. М., 1983.
30. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.

31. Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.
32. Алексеев В.П. Человек: Биология и социологические проблемы.-Природа. 1971, №8; Он же. Антропогеоценозы - сущность, типология, динамика. - Природа, 1975, №7; Он же. Становление человечества. М., 1984; Он же. Очерки экологии человека. М., 1993.
33. Алексеев В.П. Очерки..., с. 105.
34. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994, с. 50.
35. Брукс К. Климаты прошлого. М., 1952; Бучинский И.Е. Древний климат Русской равнины. Л., 1957; Максимов Е.В. Проблемы оледенения Земли и ритмы в природе. Л., 1972; Монин А.С., Шишков Ю.А. История климата. Л., 1979; Будыко М.М., Голицын Г.Г., Израэль Ю.А. Глобальные климатические катастрофы. М., 1986; Герасимов И.П. Структура и динамика природы Земли. М., 1993.
36. Нейштадт М.И. История Лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957; Хотинский Н.А. Голоцен Северной Азии. М., 1977; Мордкович В.Г. Степные экосистемы. Новосибирск, 1982.
37. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.-СЭ, 1955, №4.
38. Ford D. Habitat, Economy and Society. L., 1963; Адрианов Б.В. Неоседлое население мира. М., 1987.
39. См., например, Виноградов А.В. Климатические ритмы и освоение пустынных равнин Средней Азии.-Первобытный человек. Материальная культура. Природная Среда. М., 1975; Кузьмина Е.Е. Экология степной Евразии и проблема происхождения номадизма.-ВДИ, 1996, №2.
40. Кузьмина Е.Е. Национальная культурная политика Великобритании и музей. М., 1992.
41. Севан О.
42. Иксанова И.В. Посетитель музея и природа края.-Музей и посетитель. Вып. 2. М., 1976.
- 43.
44. Подобное решение предложено В.Ю. Дукельским в сценарии экспозиции Естественно-научного музея Татарстана (Музейное дело и охрана памятников. Экспресс-информация ГБЛ. Вып. 2. М., 1992).
45. Арутюнов С.А. Народы и культуры. М., 1989.
46. Алексеев В.П. Демонстрация проблем этногенеза в музейной экспозиции. - Музеи мира. М., 1991.
47. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948.
48. Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986, с. 5; Он же. Историческая антропология и этногенез. М., 1989; Он же. Очерки Экологии человека. М., 1993.
49. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.

50. Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов.-ВДИ. 1982, №3, 4; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. т. I-II. Тбилиси, 1984; Renfrew C. Archeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. L., 1987; Mallory J. In Search of Indo-European Language. Archalogy and Myth. L., 1989.
51. Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Птг., 1919; Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
52. Основы финно-угорского языкознания. Вып. 1-3. М., 1974-1976; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
53. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
54. Богородицкий В. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934.
55. Кузьмина Е.Е. Культурные традиции народов Сибири и музей. Сфинкс. Вестник музейной комиссии. Вып.1, М., 1990.
56. Концепция развития Таймырского окружного музея. М.-Дудинка, 1993.
57. Кузьмина Е.Е. Культурные традиции...
58. Гнедовский М.Б. См статью в данном сб.
59. Morris M. The Naked Ape. NY, 1967; Jolly A. The Evolution of Primate Behavior. NY, 1985.
60. Harris M. The Origin of Culture. NY, 1977; Idem. Cultural Materialism: the Struggle for a Science of Culture. NY, 1981; Idem. Our Kind. NY, 1985; Cambell B. Human Evolution: An Introduction to Man's Adoptation. NY, 1985; Johnson A., Timothy E. The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State. Stanford, 1987.
61. Шеллинг Ф. Об отношении изобразительного искусства к природе.- Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934; Он же. Философия искусства. М., 1966; Барковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973.
62. Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939 (3-е изд. М., 1989); Фрейзер Д. Золотая ветвь. М., 1928, тт. I-IV; Кон И.С. История зарубежной этнографии. М., 1978; Куббель Л.Е. Становление первобытной истории как науки.- История первобытного общества. М., 1983.
63. Ланге Н.Н. Теория В.Вундта о начале мифа. Одесса, 1912.
64. Кон И.С. Указ. соч.; Коржева Э.М. Категория коллективного сознания и ее роль в концепции Э Дюркгейма.-Вестник МГУ. Серия Философия 1968, №4; Осипова Е.В. Социология Э.Дюркгейма. М., 1977.
65. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930; Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.
66. Jung C.G. The Collected Works. v.9, pt.1., 1959; Аверинцев С.С. Аналитическая психология К.Г.Юнга и закономерности творческой фантазии.-О современной буржуазной эстетике. Вып. 3, М., 1972; Мелетинский Е.М. Поэтика Мифа. М., 1976.

67. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.-Л., 1926; Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Петрова-Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979; Мелетинский Е.М. Указ соч.
68. Мелетинский Е.М. Указ. соч.; Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
69. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960; Он же. Психология искусства. М., 1968.
70. Иванов В.В. Чет и нечет. М., 1978; Гарднер У. Этот правый, левый мир. М., 1966.

РУССКИЙ ЭТНОС В к.ХІХ- н.ХХ ВЕКА:ЭТАПЫ КРИЗИСА ЭКСТЕНСИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

(опыт этноэкологического анализа)

1. Введение

Кризис советской социалистической системы, обострение этнических конфликтов в ряде регионов России и в странах ближнего зарубежья стимулирует интерес к осмыслению исторических судеб и тенденций развития русского этноса. Еще в первой трети ХХ века существовала традиция связывать попытку воплощения идей социализма на территории бывшей Российской Империи именно со спецификой менталитета русского этноса, с историческими особенностями его развития. Были ли события, озвучившие период жизни трех поколений, чем-то уникальным в истории человечества, или они лишь специфическая форма проявления общезаконностей? Вытекали ли эти события из внутренней логики развития русского этноса и поэтому были практически неизбежны, или был реально возможен совсем иной путь его развития, а вместе с ним и всей системы, 72 года носившей имя СССР?

Вопросы эти метафизические - проверить истинность того или иного положения все равно невозможно, так как историю не переиграешь заново. Однако это не снимает целесообразности подобного рода перспективных исследований. Прежде всего потому, что для движения вперед необходимо иметь концепцию о пройденном маршруте, пускай даже это представление окажется неверным в деталях - проще уточнить или исправить с учетом новых данных имеющуюся карту, чем не иметь ее вовсе.

Появление данной работы вызвано стремлением автора объяснить самому себе некоторые неясности в принятых сейчас попытках интерпретации экономического и политического развития русского этноса в ХХ веке с точки зрения одной этноэкологической концепции. Сейчас еще рано судить, насколько успешной может быть такая попытка, поскольку данная работа является не изложением результатов законченного исследования, а скорее совокупностью гипотез, вытекающих из концепции кризиса экстенсивной русской культуры как главного фактора его развития в ХХ веке. И хотя там, где это возможно, мы стремились использовать имеющуюся в нашем распоряжении статистику, тем не менее очевидно, что большинство положений данной концепции требуют тщательной эмпирической проверки. Вместе с тем автор прекрасно понимает, что основные тезисы, лежащие в основе данной концепции, не новы и неоднократно встречались в работах других авторов. Мы лишь пытаемся здесь связать между собой эти тезисы и проследить, насколько это возможно, их логических следствия.

К сожалению, ведущим мотивом в дискуссиях о судьбах русского этноса, ведущихся в последние годы на страницах научных и научно-публицистических изданий, зачастую оказываются не столько стремление к познанию истины, сколько политические пристрастия их участников.

Наибольший интерес вызывает период с конца XIX века по настоящий момент. Преобладают два противоположных методических подхода. Первый - наиболее распространенный - считать, что естественный ход развития русского этноса в тот или иной период был нарушен вмешательством некоторых внешних по отношению к нему сил; второй - видеть во всех драматических событиях русской истории XX века, и прежде всего в идеологии русского социализма, проявление традиционных черт "русского менталитета". Каждый из этих подходов встречается в работах авторов самых разных политических ориентаций. Хотя каждый из них, безусловно, содержит в себе долю истины, однако попытки основать на одном из них целостную концепцию развития русского этноса неизбежно приводит к парадоксам. Действительно, если глубинные культурные основы огромного народа, создавшего своеобразную цивилизацию, в течение нескольких недель 1917-18 гг. могли быть разрушены небольшой, маломощной, не имевшей в тот момент ни крупных капиталов, ни сильной организации партией, то возникает вопрос, почему же другие политические экономические группировки тогдашней России (например, русская буржуазия, дворянство, купечество или, наконец, все они сплотившись) не смогли убедить свой собственный народ двигаться в ином направлении? Ведь ресурсы, которыми они обладали, значительно превосходили ресурсы той самой партии. Ссылка на насилие как решающий фактор в построении социализма в России не выдерживает критики. Во-первых, ресурсы для осуществления этого насилия брались из недр этого же самого народа. А во-вторых, почти все противодействующие большевикам группировки также опирались на насилие и тем не менее проиграли. Дело, видимо, в том, что победившая партия более четко представляла себе реальные тенденции развития тогдашнего российского общества и более гибко сумела использовать в своих интересах эти тенденции.

Противоположная, на первый взгляд, тенденция видеть в событиях истории русского народа в XX веке прежде всего воплощение глубинной "русской идеи", прямое продолжение традиций русского менталитета, также оставляет открытыми ряд вопросов. Прежде всего, если все произошедшее - в первую очередь следствие традиций, то чем же объяснить явные и очень заметные изменения и в структуре и в установках русского этноса, произошедшие за этот период? Опять-таки кознями каких-то политических сил? Таким образом, оба этих подхода при всей их противоположности, в своих глубинных основах совпадают. Их общий недостаток, на наш взгляд, состоит в том, что открытым остается вопрос о закономерности или случайности произошедших событий и, соответственно, о перспективах развития России. Отчасти это является следствием излишней профессионализации социологического знания. Многие авторы используют богатый эмпирический материал. Однако он, как правило, ограничен той или иной специальной отраслью общественнознания. Например, специалисты по гражданской или экономической истории не привлекают данных по демографии; демографы не используют материалов по статистике и экономике сельского хозяйства. Редко используются сравнительные данные по другим культурам Запада и Востока.

2. Культуры экстенсивные и интенсивные

В основу концепции, лишенной части этих недостатков, на наш взгляд, может быть положена идея о кризисе русской культуры как культуры

экстенсивной., о переходе ее в состояние интенсивной культуры, который начался во второй половине XIX продолжается до настоящего момента и еще достаточно далек от завершения. В общем виде эта гипотеза может быть сформулирована следующим образом .В течение всей своей истории русский этнос развивался экстенсивным путем, непрерывно, по крайней мере с XVI века, увеличивая территорию своего расселения. В сферу его жизнедеятельности вовлекались все новые земли, являвшиеся основным ресурсом сельскохозяйственного производства - главной отраслью хозяйства. Соответственно, практически неограниченным было и количество других ресурсов, потенциально доступных в каждый момент времени (леса, топлива, металлов и т.п.). Одновременно, вплоть до середины XX века, сохранялся высокий естественный прирост особенно ускорившийся в конце XIX - начале XX века, в процессе демографического перехода, за счет резкого падения уровня смертности при сохранении высокой рождаемости. Таким образом, и людские ресурсы были практически не лимитированы. Все это способствовало экстенсивному развитию русского этноса.

Экстенсивный характер развития отличал русскую культуру от культур Западной Европы, где возможности непрерывного экстенсивного развития были исчерпаны к XII-XIV векам, так и от цивилизаций Юго-Восточной Азии, в частности Китая, Японии, Кореи. Культуры, ставшие сейчас для нас референтными, в течение многих столетий развивались как культуры преимущественно интенсивные. Периоды колонизации в истории интенсивных культур не меняли общего их характера. Во-первых , колонизацию проводили культуры (этносы), уже сформировавшиеся в условиях ограниченности основных ресурсов, то есть как интенсивные. Во-вторых, колонизируемые земли никогда (или почти никогда) не становились “внутренними” территориями для этих культур. Они там лишь присутствовали., но по-настоящему не доминировали. В отличие от этого русская колонизация в силу географических причин превращала колонизируемые земли во “внутренние” территории русского этноса.

Индия и Северная Америка для Англии, Латинская Америка для Испании и Португалии, Африка для всех стран Европы, Манчжурия и Китай для Японии всегда были заморскими территориями. Сибирь, Новороссия, осваивавшиеся русскими приблизительно в те же годы и даже позже, становились и воспринимались как “исконно русские земли”. И даже Казахстан, Средняя Азия и Закавказье рассматривались до известной степени так же. Это различие в характере развития культур глубоко проникло в их плоть и кровь, закрепилось на уровне этнических традиций. Однако со второй половины XIX века наступает новый период в развитии русского этноса - происходит постепенное сокращение возможностей экстенсивного развития. Традиции, заложенные самой историей в основу русской культуры, перестают соответствовать новой ситуации. В связи с этим русский этнос как целостная этнокультурная система испытывает “культуршок”, проявляющийся как на индивидуальном, так и на общегрупповом уровне. Для того, чтобы сохраниться как целостная этнокультурная система, этнос должен выработать в себе механизмы, соответствующие требованиям интенсивной культуры. однако столкнувшись с необходимостью коренной перестройки этнокультурной системы, лежащей в его основе, этнос на первом этапе перехода способен придерживаться только тех традиций, которые заложены в нем на момент

начала кризиса. Поэтому первой его реакцией является форсирование, доведение до крайнего предела прежних принципов экстенсивного развития. Эта стадия развития исторически необходима потому, что делает очевидным несоответствие традиционных принципов экстенсивного развития новой ситуации. Вследствие этого наступает второй кризис экстенсивного развития.

Можно предположить, что период между первым и вторым кризисом экстенсивного развития русского этноса соответствует периоду “строительства социализма”. Этот этап является началом перехода от экстенсивного к интенсивному развитию. В корне меняется не только политическая структура и нормы, соответствующие экстенсивному этапу развития этноса, технологические принципы, но - самое главное - основы обыденного мировоззрения людей, формируются зародыши новой, интенсивной культуры. В целом этот процесс перехода достаточно длителен, он не ограничивается 20-80-ми годами XX века. Его длительность и характер протекания определяются не только внутриэтническими, но и внешними по отношению к этносу факторами.

Согласно этой гипотезе, как кризисные состояния этноса, так и пути выхода из них являются не результатом волеизъявления отдельных лидеров или партий, а следствием глубинных закономерностей развития этноса. Действия лидеров, способы и формы их правления в конечном итоге отражают тенденции развития этноса и его состояние в каждый данный момент.

В отличие от рассмотренных выше “детерминистской” и “волютаристской” моделей, данный подход опирается на два общепринятых в социологии положения. Во-первых, это представление о взаимосвязи различных сторон этноса, и о зависимости социального и экономического развития от психологических и культурных особенностей. Во-вторых, это принцип культурной инерции, или традиции. Общество может существовать, только поддерживая определенный культурный стандарт - устойчивую систему ценностей, норм поведения, принципов технологии, эстетических образцов и т.д. Этнос является механизмом, обеспечивающим устойчивость культурной традиции. Изменение культурной традиции происходит скачками, через прерывание постепенности культурных изменений. Однако “культурный скачок” не означает полную утрату культурной идентичности, и между двумя соседними стабильными состояниями этноса всегда есть значительная преемственность норм, символов, эстетических принципов и т.д., даже при переходе от экстенсивной культуры к интенсивной.

Деление культур на экстенсивные и интенсивные достаточно условно, и в рамках каждой культуры можно говорить лишь о преобладающей тенденции к интенсивному или экстенсивному характеру ее развития. Сущностью любой культуры является информационная инерция, то есть стремление группы сохранить совокупность выработанных образцов жизнедеятельности на возможно длительный срок. Эта инерция является следствием информационной ограниченности каждого отдельного индивидуума. Если бы не эта ограниченность, люди могли бы с любой скоростью перестраивать свое поведение, осуществляя индивидуальную адаптацию ко все новым требованиям социальной и природной среды. Благодаря коллективной информационной инерции каждой культуре свойственно стремление стать экстенсивной, то есть привлекать неограниченное количество природных и человеческих ресурсов

для того, чтобы утилизировать их с помощью ранее выработанных привычных приемов. Однако одной интенции к интенсивности мало, чтобы реально сохранять это качество. Признаком экстенсивной культуры является не само по себе стремление к непрерывному вовлечению - без этого ни одна культура существовать не может, а возможность привлечения практически неограниченного количества природных и людских ресурсов в течение короткого периода, необходимого для того, чтобы снять противоречия, возникающие в результате дефицита ресурсов. Отличительной чертой экстенсивной культуры является ограниченность круга используемых ресурсов, в то время как необходимость адаптации в условиях постоянной ограниченности ресурсов обуславливает универсализм интенсивных культур в отношении ресурсов. Ни одна культура в течение всего периода своего существования не бывает только интенсивной или экстенсивной. Как правило, на начальных этапах развития в любой культуре преобладают экстенсивные механизмы. С течением времени, по мере исчерпания возможностей экстенсивного развития, в них начинают преобладать интенсивные механизмы. Однако длительное, в течение жизни многих поколений, функционирование культуры в качестве экстенсивной или интенсивной ведет к закреплению основных качеств данной культуры, они становятся как бы ее генетическими признаками; отказ от глубинных качеств культуры очень болезненно сказывается на ее устойчивости и может угрожать существованию культуры в целом.

Ни один этнос не развивается сам по себе - он всегда включен во всемирную цепь культурных связей. И это зачастую оказывает решающее влияние на его судьбы, сравнимое с влиянием внутренних факторов развития. В полной мере это относится к русскому этносу. Действительно, формирование индустриального и постиндустриального общества на территории России протекает совсем иным путем, нежели в Западной Европе или в странах Юго-Восточной Азии. Культуры, значительно более удаленные и изолированные то влиния Европы и Северной Америки, нежели Россия, и долгое время отстававшие от нее по уровню технологического развития, в течение жизни 1-1,5 поколений после II мировой войны совершили колоссальный технологический скачок, адаптировали более передовые западные технологии создали социальные механизмы, позволяющие превосходить Запад по ряду важнейших экономических и социальных параметров. Русский этнос после колоссального социального и профессионального скачка конца XIX - первой половины XX в. постепенно с середины 60-х годов перешел в фазу стагнации технологического и социального развития, что и привело в конечном итоге к краху русского социализма. В чем причины столь различных судеб этнокультурных систем под влиянием одного и того же фактора - воздействия более высоких и совершенных технологий, порожденных в других культурах? В рамках развиваемой здесь концепции ответ выглядит достаточно очевидным. Технологии, легшие в основу европейской цивилизации, были созданы в основном после XVI века, то есть в процессе интенсивного развития европейской цивилизации. Более того, они сами были средством разрешения проблем, возникавших в процессе развития интенсивной европейской цивилизации.

Культуры Юго-Восточной Азии сформировались в качестве интенсивных задолго до начала массовой экспансии европейской цивилизации

При всем внешнем отличии от европейских культур, их роднит с последними целый ряд черт, свойственных всем интенсивным культурам, - профессионализм и высокий уровень специализации, универсализм в использовании ресурсов, экономное отношение к ресурсам и тщательность обработки изделий, приоритет этикета как совокупности правил межличностного общения перед “аффективными” отношениями, приоритетное значение формы в области эстетики, по сравнению с содержанием и т.д.

К моменту начала процессов модернизации в большинстве стран Юго-Восточной Азии уровень урбанизации был очень низок, практически не начинался демографический переход, в отраслевой структуре преобладали традиционные направления сельскохозяйственного производства, в социальной жизни доминировали традиционные институты общества, специальное и профессиональное образование находилось на крайне низком уровне развития. Однако интенсивный характер традиционных структур обусловил совсем иное протекание процессов модернизации, чем в России, и в значительной степени иные последствия. Например, в этих странах не было столь бурного процесса экстенсивной урбанизации, то есть неконтролируемого роста городского населения, оказавшего решающее влияние на судьбы русского этноса. Гораздо более плавными темпами протекал и процесс демографического перехода.

Интенсивные традиционные культуры при прочих равных условиях оказываются более устойчивыми в процессе урбанизации, чем экстенсивные - для них шаг в этом направлении оказывается гораздо меньшим, чем для экстенсивных культур - ведь город по самой своей сути есть институт интенсивных культур. Именно поэтому легче воспринимаются и адаптируются в таких культурах технологии, разработанные в рамках западно-европейской цивилизации - сказывается глубинное сходство таких культур с последней.

Итак, вопрос номер один - был ли готов русский этнос в начале XX века к тому, чтобы начать развиваться в качестве открытого общества с рыночной экономикой и тем самым избежать многих трагических страниц своей истории и “роковых ошибок”, и мог ли он продолжить относительно спокойно развиваться по тому пути, по которому шел в течение нескольких десятилетий до политического переворота 1917-1918 гг.?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего проследить характеристики основных процессов, протекавших в это время в его недрах. Главным из таких процессов была урбанизация.

3. Русский этнос на рубеже XIX-XX вв. - начало кризиса экстенсивной культуры

1) Уровень урбанизации

Несомненно, что уровень урбанизированности российского общества в целом и русского этноса в частности не только на рубеже веков, но и в середине XX века был значительно ниже, чем в Западной Европе. И дело не только в доле городского населения, но и в качестве характеристиках городов.

К моменту проведения переписи населения 1926 г. доля горожан среди русских составляла всего 21,3%, причем в пределах РСФСР - всего 19,6% [1], что говорит о невысоком уровне урбанизированности этноса (хотя у

абсолютного большинства других народов СССР этот показатель был еще ниже).

Однако именно в эти годы сложился тот “социальный заряд”, то скрытое напряжение, которое привело к “взрыву” процессов экстенсивной урбанизации в 30-50-годах. Для сравнения отметим, что доля городского населения в зарубежной Европе в 1920 г. была втрое выше (46%), а в Северной Америке и того больше (52%). В современной Африке и Южной Азии доля горожан сейчас составляет 35-40%, то есть значительно выше, чем в России в первой трети XX века.

Доля горожан в населении - очень поверхностный и приблизительный, хотя и необходимый показатель урбанизации, сущность которого - развитие общественного разделения труда и формирование нового типа межличностных отношений, основанного на формальных контактах, на законопослушании, а не на личной воле, симпатиях и антипатиях. Для того, чтобы город играл свою роль по отношению к селу как технологический, торговый, обслуживающий, управляющий центр, необходима определенная система расселения, плотность городских населенных пунктов. По этим показателям не только весь Советский Союз или Российская Федерация, но даже наиболее освоенная и густозаселенная его территория - Европейская часть, где проживала и основная часть русского этноса, значительно отставали от Западной Европы. Так, среднее расстояние между городскими населенными пунктами в Европе составляло в начале века 15-20 км, в то время как в европейской России оно было в 8-10 раз больше. Следовательно, для значительной части русского сельского населения города находились вне пределов двух-трех часовой или даже дневной доступности пешком или на лошади. Необходимо учитывать также низкое качество российских дорог.

Урбанизация - процесс не только и не столько географический и технологический, сколько социальный. Развитие европейских городов создавало новый менталитет, новый образ мышления, новую систему отношений, новую этику, новый тип личности. наконец новые механизмы накопления трансмиссии этнокультурной информации.

Основная черта этой этики базировалась на высоком уровне специализации и вытекающей из него обезличенности человеческих отношений, высоком статусе закона по сравнению с личной властью и т.д. Все эти черты в корне несовместимы с образом жизни сельской общины.

Поэтому на ранних этапах развития полноценный город должен не просто “отделиться” от деревни - он должен противопоставить себя деревне. Для этого должны сформироваться многочисленные городские общины, вхождение в которые означает разрыв с сельской общиной. Специфика российской урбанизации, неоднократно отмечавшаяся разными исследователями, состояла в том, что город зачастую выступал не как контрагент, а как прямое продолжение села в социальном смысле. В пользу этого говорят следующие факты.

а) Генетически многие русские города, особенно малые, образовались не в результате естественноисторического процесса распада сельских общин, а как следствие административного преобразования нескольких соседних или одного крупного сельского поселения в городское. И хотя структура занятости

населения и социальные функции навааявленного города постепенно приходили в соответствие в новым статусом, однако общинные традиции надолго запечатлелись среди его населения.

б) В социальном отношении даже старые и крупные города все-таки часто не были настоящей альтернативой селу. Значительно выше, нежели в Европе, была доля горожан, занятых в сельском хозяйстве. Сохранение вплоть до Октябрьской революции сословий способствовало тому, что даже среди горожан, занимавшихся ремеслом, промышленностью и торговлей, многие были связаны межличностными узами с аграрным населением, а зачастую и сами числились крестьянами.

в) Наконец, юридически российские города также задержались в своем развитии по сравнению с городами Европы. Чтобы исполнять свою историческую роль, город должен в течение жизни многих поколений функционировать как самостоятельная, самоуправляющая общность. Именно это и наблюдалось в Европе на протяжении как минимум 4-5 столетий. Юридический статус российских, прежде всего русских, городов традиционно был иным. Они, как правило, являлись проводниками центральной государственной власти. Городские самоуправления просуществовали с 1785 г. около 140 лет - в течение жизни 5 поколений. Однако ввиду общей слабости и несформированности городского населения эти самоуправления все же не смогли стать реальной силой, противостоящей давлению центральных властей. Юридический статус города определялся, исходя из "Городового положения", принятого лишь в 1875 г. Однако, по всей видимости, статус городского населения оставался недостаточно определенным и устойчивым, поскольку различные источники на близкие по времени моменты дают разные данные о численности городов. Так, согласно энциклопедическому словарю "Россия", на 1897 г. - дата проведения Первой Всеобщей переписи населения - самой переписью было учтено 865 городов; в Сборнике статистических сведений по России за 1896 г. их насчитывалось 919; по списку, составленному МВФ, - 945, не считая местечек, число которых свыше 1600 [с.81]. А по данным, приводимым в популярном учебнике по социальной географии С.А. Ковалева и Н.Я. Ковальской, на 1917 г. приводится цифра - 655 гоордов (без ссылки) [с.196].

2) Кризис сельской общины

Обратной стороной низкого уровня урбанизированности русского этноса была поразительная устойчивость сельской общины. Сельская община есть форма адаптации сельского труженика к социальной и природной среде в условиях низкаурбанизированного общества.

В обществах в развитыми тенденциями городского хозяйства и городской демократии община не нужна - все потребности крестьянина в орудиях труда, рынках сбыта, социальной защите и т.д. берет на себя город. Но для этого он должен быть "под боком" - на расстоянии 1-1,5 часов пути (на лошади 10-20 км), и, кроме того, он должен быть настоящим городом, способным противостоять в случае необходимости давлению государства и крупного земельного собственника (лендлорда, помещика) и обеспечивающим крестьянина всем необходимым. В этом случае крестьянин может себе позволить быть фермером.

Когда же обеспечение орудиями труда, защита от природных и социальных катаклизмов лежат на самих крестьянах, они вынуждены поддерживать такой социальный организм, как сельская община. Ее характерные черты: универсализм трудовых навыков против городского профессионализма; приоритет личностных отношений над формализованными; уравнилельный характер распределения основного средства производства по сравнению с расслоением и возрастающим неравенством - принципами городской жизни; внеэкономические формы обмена между членами общины.

Русский крестьянин, помимо своей основной “социальной функции” - выращивания хлеба и других пищевых и технических сельскохозяйственных культур, должен был заниматься массой других вещей - прежде всего изготовлением орудий труда и средств передвижения, жилищным и хозяйственным строительством, торговлей. В Европе, в обществе с более глубоким разделением труда, эти функции в значительной степени еще в позднем средневековье переместились в города. Вынужденный универсализм русского крестьянина был оборотной стороной низкой производительности его основного труда.

Как отмечал А.В.Чаянов, от одиноковой площади земли русский земледелец получает вдвое и втрое меньше продукта, чем крестьянин Западной Европы. Редкость городов и малочисленность городского населения породила, в частности, чрезвычайную дороговизну “городских” товаров и услуг. Именно этот момент называет А.В. в качестве одного из основных факторов бедности русского крестьянина.

Несмотря на явную экономическую неэффективность, русская сельская община была очень устойчивым социальным образованием; вплоть до аграрной реформы большевиков, а кое-где и до коллективизации. Ее положительные стороны в глазах многих крестьян перевешивали негативные моменты.

Относительная стабильность русской сельской общины подтверждается следующими данными: “...если в 1877-78 гг. на долю общинного землевладения приходилось 89% всех крестьянских дворов и 92,2% всей земли, то к 1905 г.соответственно 89,5% и 93,3%. В целом по России позиции общинного землепользования сохранились. К началу столыпинской реформы в 1906 г. русская передельная община пришла живой и действующей [Миронов, 87].

Выводы современного исследователя в целом совпадают со свидетельством А.В.Чаянова:

“Ошибка знаменитого указа Столыпина 9 ноября 1906 года и закона 14 июля 1910 года и состоит в том, что Столыпин хотел насильно разрушить общину. Этого делать не следовало. Там, где община уже отжила свой век, как на западе и юго-западе России, она умерла независимо от Столыпина. Там же, где она жива и нужна народу, ее не удалось разрушить и смелому министру старого режима.

Во многих местах общинная жизнь как бы замерла, и общины стали беспередельными. К 1913 году домохозяев беспередельных общин насчитывалось три с половиной миллиона. Поэтому, если принять во внимание и эти умершие уже общины, всего домохозяев, отвергающих общинно-передельную жизнь, можно насчитать свыше пяти с половиной миллионов

человек. Это составляет около половины всех домохозяев, жившихобщинной жизнью.

Таким образом, община еще далеко на замерла. Она не должна искусственно насаждаться или искусственно разрушаться. Местным людям лучше известно, нужна ли община или нет. Это написано знаменитым экономистом в 1917 г. до Октябрьской революции.

Однако внешняя устойчивость русской сельской общины не была следствием ее внутренней сбалансированности; она напоминала собой кипящий котел со слабо открытым клапаном - вплоть до самого взрыва он выглядит весьма респектабельно.

Однако взрыв назревал. Главным признаком его приближения являлось безземелье русского крестьянина. Оно было главной темой русских экономистов-аграрников в конце XIX-начале XX вв. и еще более усилилось после революции.

Существует миф, что земельная реформа, осуществленная в результате Октябрьской революции, превратило абсолютное число крестьян в середняков. Тем самым, на первый взгляд, сложились условия для стабилизации социальной ситуации на селе. Однако, это лишь на первый взгляд. Условия военного коммунизма не способствовали развитию каких бы то ни было экономических отношений вообще; НЭП многократно ускорил те социальные процессы на селе, которые развивались и до большевистского переворота, а именно: расслоение крестьянства - размывание слоя крестьянина-середняка. В ходе расслоения деревни происходило выделение небольшой части (не более 2-5%) относительно зажиточного крестьянства, имевшего 8-10 и более десятин земли, применявшего в небольших количествах сельскохозяйственную технику и наемный труд и продающего избыток продукта. С другой стороны, выделялась все большая часть неимущего и малоимущего крестьянства.

Вот как распределялась земля по наделам (по посевам) в первые годы Советской власти.

	1917	1919	1920
	%	%	%
Без посевных земель	11,3	6,6	5,8
С посевными до 4 десятин	58,0	72,1	86,0
С посевными от 4 до 8 десятин	21,7	17,5	6,5
С посевными свыше 8 десятин	9,0	3,8	1,7

Говорят ли эти цифры об “усреднении” крестьянства? Безусловно, нет. В дореволюционные времена надел земли на 1 хозяйство в 5-8 десятин в абсолютном большинстве губерний считался не средним, а минимальным и едва-едва был способен прокормить семью. В принципе, при использовании прогрессивных технологий можно процветать и на 2-3 гектарах земли. Однако для этого нужна развитая сеть городов, которые покупают продукты земледелия и продают технику, удобрения, ширпотреб, в которых разрабатываются

передовые агротехнологии. Но именно города наиболее пострадали в ходе гражданской войны. Поэтому и возможности прокормить семью, а тем более нормально обеспечить ее с участка 2-4 га в 20-х годах по сравнению с началом века не увеличились, а уменьшились; данные, приведенные в таблице, говорят не об усреднении, а об обнищании крестьянства.

Каковы же причины “российского парадокса” - угнетающего безземелья при колоссальных территориях и относительно низкой плотности сельского населения?

Во-первых, это уже упоминавшаяся выше крайне низкая производительность сельскохозяйственного труда, обусловленная сохранением общины и слабым развитием городов. Низкая урожайность повышает размер среднего надела, необходимого для того, чтобы прокормить семью; кроме того, реальную и потенциальную товарность сельского хозяйства.

Во-вторых, дефицит сельхозугодий был обусловлен реальной ограниченностью земельных ресурсов. В течение многих столетий происходила непрерывная экспансия русского крестьянства на вновь осваиваемые земли. Однако в конце XIX в. и первой трети XX в. сначала перестает расширяться, а затем и сокращается территория потенциального сплошного расселения русского этноса - происходит утрата Аляски, Харбина, части Бессарабии, Польши и т.д. Эмиграция 20-40-х гг. не идет в счет, поскольку она оказалась практически выключенной из системы межличностных связей русского этноса. Крестьяне продолжали ехать в Сибирь, в Среднюю Азию, в Закавказье. Более того, произошел всплеск центробежных миграций в период столыпинских реформ. Однако именно эти миграции показали иллюзорность представлений о безграничности осваиваемых пространств. В ряде регионов (например, в Средней Азии) русские удачно вписались в ситуацию, наладив производство продуктов, бывших дефицитными в регионе их вселения, в первую очередь зерновых культур. Однако в большинстве случаев вновь осваиваемые земли были либо непригодны для оседлого земледелия, либо уже использовались местным населением.

Но главное препятствие дальнейшей миграционной экспансии заключалось, на наш взгляд, в низком уровне урбанизации русского общества. Ведь для эффективного освоения новых территорий нужна техника, строительные мощности, железные дороги и т.д. Все это невозможно обеспечить без высокого уровня урбанизации этноса. А города развивались медленно, одной из главных причин этого было экспансивное развитие русского общества. Таким образом, получался замкнутый круг. Освоение новых земель тормозилось медленной урбанизацией, которая в свою очередь сдерживалась тем, что ресурсы общества уходили на экстенсивное освоение новых территорий.

Однако отсталость аграрных технологий и объективная ограниченность земель сами по себе еще не вели к безземелью, они лишь создавали для него предпосылки. Активным компонентом в процессе развития кризиса был высокий естественный прирост, характерный для русских на протяжении всего XIX века и особенно усилившийся в конце XIX-начале XX в., с началом демографического перехода. Именно он обусловил критическое возрастание

плотности русского сельского населения в центральных районах страны, приведшее в конечном итоге в кризису экстенсивной системы хозяйства.

3) Начало демографического перехода.

Начало демографического перехода - дата достаточно условная, однако в России ее обычно относят к 80-90-м годам XIX в., когда началось падение уровня детской смертности и рождаемости в городах и некоторых промышленно развитых губерниях Европейской России.

Таблица

Основные параметры демографического поведения населения России (русские регионы) и Западной Европы перед началом демографического перехода

	Россия к. XIX- н. XX	Зап. Европа к. XVII- XVIII
Общий коэф. младенческой смертности (умерших в год на 1000 населения)	35	26
Коэф. младенческой смертности (умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся)	330	200
Средняя ожидаемая продолжительность жизни в момент рождения (лет)	29-м.; 32-ж.	35 (ж. и м.)
Средний возраст вступления в брак для женщин (лет)	18-20	25-27
Доля женщин, никогда не вступавших в брак	менее 5%	10-20%
Общий коэф. рождаемости (число рождений на 1000 населения в год)	50	34
Коэф. суммарной рождаемости (среднее число рождений на 1 женщину)	7,5	5
Режим замещений поколений (неттокоэф. воспроизводства)	1,4	1,5

Первые стадии демографического перехода среди русских (80-е гг. XIX в.- 20-е гг. XX в.) протекали весьма плавно, даже медленно. Это было связано с высокой долей сельского населения, медленным ростом городов, устойчивостью бытового уклада сельского населения. Поэтому основные черты режима воспроизводства русского населения, сложившиеся на рубеже веков, сохранялись вплоть до 30-х гг.

Именно сохранение традиционно высокого уровня рождаемости в русской деревне при резком падении смертности постепенно усиливало

относительное безземелье русской деревни. При отсутствии среди абсолютного большинства русского крестьянства устойчивых традиций майората (наследование земельного надела одним - старшим - сыном), это неизбежно приводило к необходимости непрерывного дробления участков, а следовательно, подогревало очаг социальной напряженности в деревне.

Данные бюджетных исследований убедительно свидетельствуют, что вплоть до конца 20-х годов в русском селе сохранилась демографическая “картинка”, характерная для традиционного хозяйства и совершенно не соответствующая капиталистическим отношениям - размер семьи, зависящий в первую очередь от числа детей, в богатых семьях был значительно выше, чем в бедных. Так, в 24-27-м годах средний размер сельской пролетарской семьи составлял 1,8 чел., бедняцкой - 4,9, середняцкой - 5,4, кулацкой - 6,6 чел. Этот результат говорит о том, что богатство на селе достигалось прежде всего эксплуатацией детского труда в собственных семьях, а не труда наемных рабочих. Таким образом, лишний раз подтверждается вывод ряда авторов о том, что “кулаки” 20-х годов не были да и не могли быть полноценной буржуазией. Если бы сельская буржуазия сформировалась как класс, тогда она готовила бы своих детей к профессиональной карьере и не выделялась бы более высоким уровнем детности.

Однако за 10 лет Советской власти произошли и существенные изменения в демографическом поведении русского этноса. Во-первых, приблизительно в 1,7 раза упал уровень младенческой смертности среди русских, который, по данным М.В. Птухи, составлял в конце XIX в. приблизительно 33,0% (т.е. в течение года умирал каждый третий рожденный ребенок). Во-вторых, впервые после революции смертность в русских городах стала ниже, чем в селах. Это существенная веха в процессе урбанизации; города становятся образцом культуры не только духовной, но и бытовой.

В третьих, наметился заметный разрыв в уровне рождаемости между городом и деревней. Так, в городах европейской части СССР рождаемость среди русских составляла в 1927 г. 34,1% в год, что на 10,6 промилле-пунктов ниже, чем у всего населения; приблизительно такое же соотношение наблюдалось среди русского населения европейской части РСФСР (45,4 и 35,2%). На первый взгляд это может показаться удивительным, поскольку в города приезжали преимущественно молодые люди в самом активном возрасте. Однако жизненные условия в русских городах первых послереволюционных лет, да и в течение последующих десятилетий не способствовали поддержанию высокого уровня рождаемости, так как темпы жилищного строительства и развития социальной инфраструктуры не давали возможности большинству мигрантов в города поддерживать необходимый уровень жизни. Но самое главное - начавшаяся культурная революция, быстро растущий уровень грамотности.

4) Мог ли этнос пойти по “европейскому пути”?

Таким образом, в начале XX века русский этнос не был готов к тому, чтобы пойти по пути развития Западной Европы. Свойственные европейскому обществу система социальных отношений, этика, технология были результатом многовековой адаптации многочисленного активного населения к условиям крайней ограниченности земель и природных ресурсов. Европейская модель -

не единственная модель интенсивной культуры; но ее роднит с другими интенсивными культурами целый ряд признаков, которые отсутствовали или были слабее выражены у экстенсивных культур, к которым относилась русская культура. Система социальных отношений, навеянная “европейским капитализмом” на протяжении столетий пронизывает буквально каждую куточку европейского общества. Русский этнос по мере вызревания кризиса экстенсивной культуры также вырабатывал внутри себя предпосылки для восприятия европейской культуры. Однако к концу 2-го десятилетия XX века слой людей, готовых к восприятию западных ценностей едва ли составлял 3-5% среди русского этноса. Подчеркнем, что речь не идет о том, что эти 3-4 млн. русских уже восприняли эту систему, а лишь о том, что они в принципе могли бы ее воспринять при соответствующем стечении обстоятельств. Остальная масса этноса либо была включена в процесс “модернизации” лишь частично, либо не была включена в него вовсе. Причиной этого был все тот же экстенсивный характер развития. Ядром “интенсификации” русской культуры должны были бы стать города, но они не формировались из-за постоянного оттока сельского населения во вновь осваиваемые регионы. Тем самым нарушались и социально-психологические механизмы формирования города. До сих пор дискутируется вопрос о психологических особенностях слоя людей, создавших первоначальное ядро, “костяк” европейского городского населения. Однако большинство исследователей согласны, что “средняк”, крестьянин, средний по экономическим, психологическим, интеллектуальным показателям, дольше задерживался в деревне. Наиболее активная часть оказывалась в городе. Психологический фактор, по общему мнению, было одним из центральных моментов формирования социальной функции городов в процессе превращения европейской культуры из экстенсивной в интенсивную. В России наиболее активные элементы шли не только и не столько в города, сколько “за Камень”, в южнорусские степи, в Среднюю Азию. Территориальная экспансия не только тормозила развитие городов в количественном и в качественном отношении, но и способствовала сохранению главного носителя “экстенсивного” менталитета - сельской общины. Освоение отдаленных от метрополии и промышленных центров территорий требовало сохранения общинных механизмов - община и есть механизм групповой адаптации крестьян в условиях низкоурбанизированного общества. Кроме того, постоянная возможность оттока наиболее конфликтных элементов из общин Центральной России снимала внутреннее напряжение в последних, продлевая их исторический век.

Хотя русский этнос в целом не был готов к тому, чтобы воспринять систему ценностей европейской интенсивной культуры, однако он вынужден был перестраиваться, поскольку находился в кризисном состоянии. Главной причиной кризиса было исчерпание возможностей прежней модели экстенсивного развития. Этот кризис углублялся влиянием западной системы ценностей, технологии. Из сказанного не следует, что влияние Европы было отрицательным. Оно стимулировало кризис русской культуры, но не создавало его. Более того, влияние западной культуры облегчало выход из кризиса, поскольку давало орудие для выхода из кризисной ситуации. Однако новая система социальных отношений и соответствующие им технологии, прооникая в глубь русского общества, под тонкую прослойку относительно европеизированных горожан, не могла не вызывать активного противодействия со стороны абсолютного этноса, своеобразной “реакции отторжения” со

стороны основной его части. Эта реакция ускорила и усилила тот социальный взрыв, который привел к установлению политического режима, именованном советским социалистическим строем. Однако наивно думать, что она его породила: социальные катаклизмы, потрясшие русский этнос в первой трети XX века, были результатом его внутреннего, имманентного развития.

Под “социальным взрывом” мы имеем в виду не политический переворот 1917-1918 гг., а процесс необычайно быстрого по историческим масштабам изменения социального состава русского этноса, сопровождавшийся также исключительно высокими темпами демографического перехода.

Теоретически кризис экстенсивного развития русского этноса мог иметь самые различные последствия; все зависело от темпов и характера урбанизационных процессов. Для того чтобы “на равных” общаться с культурами, составляющими западноевропейскую цивилизацию, необходимо было в ограниченный период совершить колоссальный исторический скачок, освоив основы европейских технологий на массовом уровне. Но решать эту задачу можно было, только опираясь на систему межличностных отношений, на те социальные структуры, на те традиции, которые в России на тот момент были, ибо других просто не существовало. И достаточно расхожее представление, что достаточно было в 20-е годы “ввести” в России демократические институты власти, сохранить ростки рыночных отношений, появившиеся на рубеже веков - и Россия пошла бы совсем иным путем, выглядят абсолютно наивно. Европа выстрадала свои демократические институты в ходе столетних кровавых разборок, когда конфликты решались отнюдь не демократическими методами. Века, в течение которых европейская цивилизация эволюционировала от экстенсивной культуры к интенсивной, были целиком заполнены войнами, восстаниями, жестокими репрессиями, по сравнению с которыми сталинские и ленинские лагеря, которые просуществовали 30-35 лет, при всем их ужасе теряют ореол исключительности. Мы далеки от оправдания подобных методов решения проблем экологии этноса. Мы просто подчеркиваем, что наряду с колоссальными потерями (которые на аналогичном этапе развития в европейской цивилизационной системе были ничуть не меньше) необходимо видеть колоссальный скачок, который русский этнос совершил в этот период. Критикуя политику и практику прожитых лет, мы сравниваем себя с Европой и Северной Америкой, признавая свою отсталость во многих отношениях, хотя в первые 20-25 лет XX века у России были более чем реальные шансы оказаться в ряду таких государств, как Индия, Афганистан или Ирак, поскольку в целом русское население по своим социальным и демографическим характеристикам было ближе к странам, названным впоследствии “третьим миром”, а отнюдь не к европейской и североамериканской цивилизации.

Русский этнос в течение жизни 1-1,5 поколений сумел в корне перестроить свою структуру. Сравнение состояния русского этноса начала 30-х и начала 60-х годов по таким показателям, как доля городского населения, режим естественного воспроизводства, уровень общего и специального образования, профессиональный состав, показывает, что темпы модернизации русского этноса были значительно более высокими, чем в других регионах Земли, как на Западе, так и на Востоке. Очень трудно поверить, что речь идет об

одном и том же этносе в интервале жизни всего одного поколения, учитывая, что около половины этого периода заняли война и восстановительный период.

Каковы причины и последствия столь быстрых процессов структурного изменения русского этноса, как они сказались на механизмах накопления и передачи этнокультурной информации в нем, на особенностях его демографического, миграционного, социального поведения?

4. Этнос на переломе. Демографический переход и экстенсивная урбанизация 30-60-гг.

а) Специфика демографического перехода среди русских

Вступая во второе тридцатилетие XX века, русский этнос представлял из себя своеобразную этнодемографическую бомбу. Социальное напряжение, вызванное сочетанием низкой производительности труда и высокого естественного прироста в деревне, а также слабым развитием городов, делало неизбежным, раньше или позже, массовый “выброс” населения в города. Торможение “интенсивной” урбанизации, вызванное оттоком крупных капиталов, реализация популистской эсеровской программы уравнительного землепользования лишь задержали этот взрыв и одновременно увеличили его потенциальную мощь. Он мог реализоваться в самых разных социальных и политических формах, но не мог, в частности, привести и к свержению самого большевистского правительства и не привел к таким последствиям только потому, что был “канализирован” на борьбу с “кулаком” и прочим непролетарским элементом.

Конец этого тридцатилетия, вместившего жизнь одного поколения по биологическим меркам и нескольких поколений - по историческим, застал уже совсем другой русский этнос. Он отличался по сочетанию социально-демографических характеристик не только от русского этноса начала XX века, но и от всех других этносов бывшей Российской Империи, а может быть, и всех этносов мира. Во-первых, из этноса почти исключительно аграрного он превратился в этнос аграрно-индустриальный; доля городского населения среди русских к 1959 г. превысила 50% по сравнению с 15-20% в 20-х годах. Во-вторых, из этноса с одним из самых высоких в мире уровней рождаемости он стал этносом с демографическими параметрами, приближающимися к среднеевропейским.

И в то же время он даже теперь не превратился в этнос в полной мере европейский. Его отличие от европейских этносов состояло не только в том, что процессы демографического перехода и количественного роста городского населения протекали в его среде невиданными для Европы темпами - как минимум в 3-4 раза быстрее. Различия более глубоки: они касаются глубинных структурных уровней этих процессов. Так, например, в процессе демократического перехода так и не сложился специфический европейский тип брачности, послуживший важнейшей предпосылкой становления современного европейского общества. Очень значительно отличались от западно-европейской структура и функции городских поселений. Все эти особенности в конечном итоге были следствием того факта, что трансформация русского этноса из

системы экстенсивной в систему интенсивную не предшествовала процессам современной урбанизации, формирования индустриального общества, а совпала с ними по времени. Именно под влиянием всех перечисленных обстоятельств сложилась специфическая черта русского этноса, отличающая его как от этносов Запада, так и от этносов Востока и обусловившая в конечном итоге как его выдающиеся достижения последних десятилетий, так и кризис этнокультурных процессов этого же периода. Эта черта - слабость “мезоструктуры”, неустойчивость первичных коллективов, образующих любой нормально функционирующий этнос: общины, городской или сельской “коммьюнити”, профессиональных кругов общения и т.д. В результате он приобрел ряд социально-демографических особенностей, которые в течение следующего тридцатилетия воспринимались чуть ли не как неотъемлемые его черты. Назовем лишь некоторые из них: необычайно высокий уровень миграционной подвижности; крайняя нестабильность семьи и один из самых высоких в мире показателей разводимости; очень высокий процент лиц, вступающих в национально-смешанные браки среди тех, кто проживает в инонациональной или просто в многонациональной среде, наконец, уникальная для крупных этносов бывшего советского Союза особенность, когда в межнациональные браки вступали чаще женщины, а не мужчины. Рассмотрим демографические и социальные процессы в русском этносе XX в. более подробно.

Процесс демографического перехода, то есть смены “традиционного” режима воспроизводства на “современный”, произошел среди русских очень быстро. Так, уже за десятилетие 1959-69 гг. число рождений на 1000 населения составило в среднем 19,0 в год, что соответствует современному типу естественного воспроизводства.

По мнению большинства исследователей, демографический переход у русского этноса произошел за период жизни менее чем трех поколений (около 70 лет) - с конца XIX в. до 60-х годов XX века.

Таблица

Динамика основных показателей демографического перехода (среднее значение и коэффициент вариации по областям) среди населения областей Российской Федерации с преобладанием русского населения

	Годы				
	1897	1926	1940	1950	1979
Коэффициент младенческой смертности (умерло до 1 года на 1000 новорожденных) среднее значение	323	187	211	41	22
коэффициент вариации	15	14	20	18	15
Коэффициент суммарной					

рождаемости (среднее число рождений в течение жизни) среднее значение коэффициент. вариации	7,4 13,0	6,1 12,3	3,8 16,5	2,7 21,1	1,9 9,9
Нетто- коэффициент воспроизвод- ства среднее значение коэффи- циент. вариации	1,4 21,2	1,9 12,0	1,1 16,2	1,2 20,1	0,9 9,8

Источник: Зазаров С.В. Демографический переход в России и эволюция региональных демографических различий \ \ Семья и семейная политика (ред. А.Г. Вишневский). М., 1991 г.

Из таблицы.. видно, что заключительная стадия демографического перехода среди русских протекала весьма неравномерно.

Показатель суммарной рождаемости, характеризующий число детей, которое в среднем рождает женщина в течение жизни, непрерывно уменьшался. Особенно заметным было падение между 1926 и 1940 годом. В то же время показатель младенческой смертности (число детей, умерших в течение года, на каждую 1000 рожденных младенцев) вел себя неоднозначно - он резко упал с 1897 по 1926 г., уменьшившись почти вдвое, а затем не только стабилизировался, но даже увеличился. Соответственно изменился и нетто-коэффициент воспроизводства, говорящий о том, в какой степени происходит замещение женской части той или иной популяции от поколения к поколению. Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что если бы сохранялись демографические показатели 1897 года, тогда каждое последующее поколение русских людей увеличивалось бы приблизительно в полтора раза по сравнению с предыдущим; сохранение высокой рождаемости при значительном сокращении смертности, и в первую очередь детской смертности, привело к тому, что при неизменных показателях 1926 г. население должно было бы удваиваться от поколения к поколению. Однако этого не произошло, поскольку возрастание уровня детской смертности в сочетании с резким падением рождаемости привело к сокращению всего за 15 лет нетто-коэффициента практически до уровня простого воспроизводства.

Вместе с падением рождаемости и смертности происходила и окончательная "нуклеаризация" семьи, то есть превращение семьи "родственной" в семью "супружескую". Как мы помним, в деревне уже в 20-е годы среди беднейшего крестьянства преобладали семьи малого размера. Кроме того, во второй половине 20-х годов усилился процесс разделов больших единых крестьянских хозяйств. В начале 30-х годов, в период коллективизации, наиболее сильно пострадали именно большие богатые семьи, включавшие по 6-8 членов. Другим фактором была окончательная ликвидация общины в процессе коллективизации перехода.

По мнению специалистов-демографов, специфика демографического перехода среди русских состояла не только в том, что он наступил позже, чем в Западной Европе, и протекал значительно быстрее, но и в том, что ему не предшествовало формирование европейского типа брачности. Индустриальное общество в Европе не могло бы сформироваться на базе так называемого “традиционного режима естественного воспроизводства и соответствующего ему типа семьи с очень высоким уровнем рождаемости и уравнивающим его высоким уровнем детской смертности, со всеобщей брачностью и низким уровнем разводимости. Постиндустриальная цивилизация Европы и Северной Америки базируется на принципиально иной семейной структуре (так называемой “супружеской” семье), для которой характерны низкий уровень рождаемости и низкий уровень детской смертности, средний уровень безбрачия как мужчин, так и женщин, высокий уровень разводимости и повторных браков, очень большой разброс возрастов вступления в первый брак.

Между этими двумя типами семьи, характеризующими два принципиально разных режима естественного воспроизводства, имеет место период кардинальной перестройки демографического поведения, который называется “демографическим переходом”. Первыми этот переход осуществили этносы Западной и Центральной Европы, где он занял период жизни 5-8 поколений и пришелся на период XVII-XIX вв.

Работы Дж. Хаджнела, З. Павлика и других специалистов по исторической демографии показали, что предпосылкой демографического перехода было формирование специфического и уникального в своем роде европейского типа семьи, которому присущи следующие характерные черты: относительно низкий уровень брачности и позднее вступление в первый брак, сохранение высокой брачной рождаемости и постепенный и постепенный переход к средне- и малодетности и к внутрисемейному регулированию рождаемости при сохранении высокой брачной рождаемости. Резкий рост уровня жизни и медицинского обслуживания в Европе XVI-XVIII веков сформировал со временем и новый тип естественного воспроизводства, характерной чертой которого стал низкий уровень смертности в целом, и детской смертности прежде всего.

Исследования показали, что европейский тип брачности, предшествовавший активной фазе демографического перехода в наиболее развитых странах Европы, связан с определенной системой хозяйствования и уровнем общественного разделения труда, которые стали предпосылкой формирования европейского капитализма. Так, например, “постарение” первых браков и снижение в результате этого уровня рождаемости объясняются возросшими требованиями к профессиональной подготовке рядового члена общества, а также “нуклеаризации” семьи, снижением роли родственных связей как социально страхующего фактора.

В традиционной сельскохозяйственной общине, где преобладают относительно простые и неспециализированные приемы труда, дети вовлекаются в трудовой процесс очень рано и большое количество детей является фактором экономического преуспевания семей.

Наоборот, в обществе с высоким уровнем разделения труда и с господством частной собственности семье экономически более выгодно

вырастить меньшее число детей, однако дать им более высокую профессиональную подготовку. Соответственно, и в брак лучше вступать в более позднем возрасте, достигнув в своем бизнесе определенного уровня и обеспечив своим детям достаточно высокие стартовые позиции.

Поскольку не все молодые люди могли достичь начальных позиций для заключения “пристойного” брака, часть женщин остается вне брака на всю жизнь. Их доля составляла в Европе в XVIII-XIX вв. 10-30% в отличие от традиционных обществ, где она не превышает 2-3%. В противоположность этому возможность ранних браков в традиционных обществах обеспечивается тем, что молодожены в течение длительного времени фактически сами за себя не отвечают и остаются под контролем и страховкой родственных кругов общения.

Позднее вступление в брак являлось в европейской семье способом регулирования уровня рождаемости; в современной “супружеской” семье происходит возврат на новом этапе к более раннему возрасту вступления в брак, поскольку снижение рождаемости достигается благодаря внутрисемейному регулированию, а не сокращению длительности брачного периода.

Важным элементом гипотезы “европейского типа брачности” является утверждение, что он был предпосылкой, а не следствием развития капитализма в Европе, то есть что он сформировался в основных чертах в позднефеодальных городах Европы.

Авторы этой гипотезы проводили границу распространения европейского типа семьи по линии Триест-Петербург, относя всю территорию расселения русского этноса в традиционном либо в переходном типу.

Демографический переход среди русских протекал по другой траектории, нежели в Западной Европе. Среди русских в частности, так и не сложился “европейский” тип семьи с его поздним вступлением женщин в брак, высоким уровнем безбрачия в сочетании с неконтролируемой брачной рождаемостью. Средний возраст вступления женщин в брак не превышал 22-24 года, уровень безбрачия оставался относительно низким, а регулирование рождаемости с самого начала, то есть с 30-х годов, достигалось не столько за счет сокращения суммарного интереса брачной жизни, сколько за счет внутрибрачного регулирования рождаемости. Как нам кажется, попытка объяснить специфику “русской траектории” демографического перехода может во многом стать одним из ключей к судьбам русского этноса в XX веке.

Формирование “европейского” типа семьи, ее нуклеаризация, развитие идеалов личной свободы, профессионализация трудовой деятельности, формирование этики личной ответственности перед богом (то есть протестантской этики” в противоположность ответственности, опосредованной социальным институтом - церковью, были не следствием промышленного переворота и перехода производительных сил на новую ступень развития, а их предпосылкой. Кризис экстенсивной системы ведения хозяйства, охвативший Европу в XV-XVIII веках, сначала заложил эстетические, социальные, демографические основы цивилизации нового типа и лишь затем как следствие произошла перестройка системы технологий, называемая промышленным переворотом.

Совсем иная последовательность событий имела место в среде русского этноса. Технологические нововведения как массовое явление проникли раньше, чем сложились социально-психологические предпосылки для их восприятия. Глубинной внутренней перестройки мезоструктуры русского этноса к этому моменту (конец XIX в.) не произошло - перемены назрели, но не завершились. Распад общины зашел далеко, но она не распалась окончательно. Альтернативные ей городские этнические субкультуры начали формироваться, но не сформировались в достаточной степени. Надвигавшийся кризис экстенсивного развития русского этноса был дополнен мощным технологическим и идейным воздействием европейского капитализма, к полному восприятию которого русское общество готово не было. Это противоречие и вызвало тот социальный взрыв, который на протяжении жизни нескольких поколений определял и во многом продолжает определять судьбы русского этноса.

Таким образом, по типу демографического перехода русский этнос отличался от этносов Западной Европы. В конечном итоге эти различия объяснялись принципиально иным протеканием процессов урбанизации.

б) Урбанизация. “Не вполне европейская модель”.

Кризис сельской общины, а также процессы коллективизации, окончательно или значительно разорившие большую часть крестьянства и сделавшие этот процесс необратимым, привели к повальной миграции русского крестьянства из села в город. С нашей точки зрения, в той ситуации этот “взрывной” поток был неизбежен при любой политике. От политики зависели только формы и некоторые социальные последствия этого потока. Приостановить, растянуть его во времени могли или очень значительные капиталовложения в развитие городской промышленности, или высокая степень устойчивости сельской общины. Ни один из этих факторов не действовал в тогдашней России. Община, как было показано выше, распалась; значительная часть капиталов была вывезена из России после революции; да и не было никогда в России достаточно мощного финансового капитала. Исключительно высокие темпы миграции из села в город, то есть экстенсивной урбанизации, были одним из главных, если не главным, фактором, влиявшим на особенности завершающей стадии демографического перехода среди русских.

Напомним, что мировая и гражданская войны уменьшили не только долю, но и абсолютную численность горожан среди русских. Однако уже в 20-е годы возродилось массовое отходничество. Оно так и не достигло довоенного уровня, причиной чего была безработица в самих городах.

Вместе с тем с началом процесса урбанизации начинается обвальная миграция в города. За 13 лет - с 1926 по 1939 год - численность русского городского населения увеличилось на 18 млн. человек, то есть в два с лишним раза. За следующее двадцатилетие прираст численности русского населения составил более 21 млн. человек, а с 1939 по 1970 год оно увеличилось в 2.2 раза, так как за предыдущие 13 лет; таким образом, за 44 года численность русских горожан выросла в 5 раз, в то время как численность русского этноса на современной территории РСФСР выросла приблизительно на треть. Уже по переписи 1959 г. численность горожан среди русских превысила численность

сельских жителей, то есть достигла примерно того же уровня, что в большинстве стран Европы в конце XIX- начале XX века.

По переписи 1989 г., доля горожан среди русских составляла уже более 80%. Таким образом, по нормальным признакам русский этнос стал этносом высокоурбанизированным. Однако является ли он таковым на самом деле? Ведь с экономической, географической и этнокультурной точек зрения уровень урбанизации не сводится только к высокой доле городского населения. Города должны сформироваться как самостоятельные локальные субкультуры, они должны исполнять определенные функции в системе этноса. Однако именно по качественным и структурным факторам русские города коренным образом отличались и отличаются и от классических западных, и от классических восточных городов. Отметим лишь некоторые наиболее существенные отличия.

Во-первых, в первые десятилетия экстенсивной урбанизации (30-50-е гг.) была нарушена обычная для обществ с более медленными темпами протекания этого процесса нормальная “иерархическая” структура миграции, когда бывший сельский житель сначала перебирается в малый город, затем он или его потомки в средний и т.д., пока кто-нибудь не достигнет столицы или миграция не остановится на одном из промежуточных уровней. В противоположность этому в 30-60-е гг. не только средние, но и крупнейшие русские города пополнялись, а зачастую и формировались непосредственно за счет выходцев из села. Таким образом, “ядро” новых, больших городов, а зачастую и старых, исторически русских городов составляли люди, абсолютно не адаптированные к условиям городской жизни. Старые городские локальные субкультуры стирались потоком бывших сельских жителей и приобретали за счет этого налет маргинальности. Тем самым нарушались функции крупного города как культурного центра накопления и воспроизводства этнической культуры.

Во-вторых, высокие темпы миграции не позволяли формироваться устойчивым локальным субкультурам малых и средних городов; это было дополнительным фактором, нарушавшим иерархическую структуру расселения. В Западной Европе именно малые и средние города на равных этапах экстенсивной урбанизации составляли опорный каркас этносов, в которых формировались основы городских этнических субкультур. Это происходило потому, что в малых городах в отличие от больших преобладают непосредственные межличностные контакты; именно на уровне межличностного общения складывается и закрепляется соинформативная культура этноса. Обезличенность больших городов, куда попадают люди, не имеющие опыта жизни в малых и средних городах, значительно затрудняет процессы “качественной” урбанизации.

В Европе мелкие и средние города веками “”впитывали””окружающее сельское население, формировали собственные локальные субкультуры, в которых вчерашний сельский житель проходил этап первичной адаптации к городской жизни и только затем его потомки перемещались в крупный город. Процесс шел постепенно, медленно; поэтому при любых социальных катаклизмах - войнах, революциях, эпидемиях - сохранялась устойчивая иерархическая структура этносов.

В России 30-50-х годов “взрывной” социальный процесс бросал людей прямо из “идиотизма деревенской жизни”, из тесного и достаточно стабильного мира на строительство огромных городов, которых не было на карте. Именно в тот момент возник тот феномен массовой маргинальности, который на социального поведения русских.

Третья особенность урбанизации, проявившаяся на поздних этапах, состоит в том, что процесс формирования конфигураций мегаполисов шел в России не через слияние исторически сложившихся городских локальностей со своей средой и локальной культурой, а фактически на пустом месте. Например, в состав Большой Москвы вошли не только деревни, но и целые города (Пегово, часть Мытищ и т.д.). Однако культурное своеобразие этих локальностей было уничтожено одновременно с вхождением в Большую Москву за счет того, что население выросло в десятки раз, а коренные жители, как правило, разъехались по другим районам города. Расселение в крупных городах Европы и Северной Америки происходит по принципу “комьюнити”, что позволяет многим локальным центрам, входящим в конурбацию, сохранять ядро населения и локальные особенности культуры, а тем самым и поддерживать функционирование локальности в качестве центра накопления и трансмиссии этнокультурной информации. Достаточно часто случается, что какая-либо локальность (“комьюнити”) полностью меняет свой социальный и этнический состав. Однако в этом случае она образует новую локальную субкультуру, целостность, где каждый район, микрорайон, квартал является просто местом совместного проживания некоторого числа лиц, никак не связанных друг с другом.

Четвертая особенность “русской модели” урбанизации также связана с экстенсивным характером русской культуры и наиболее рельефно отражает тенденцию русского этноса к выходу из ситуации кризиса экстенсивной культуры за счет форсирования экстенсивных же методов освоения среды. Эта особенность - очень значительный вес “внешней” урбанизации по сравнению с “внутренней”. В процессе урбанизации этносов Западной Европы и других интенсивных культур, особенно на ранних этапах, подавляющая часть наиболее активных мигрантов направлялась в города, расположенные в местах традиционного исторического расселения данного этноса. Именно эти “активисты” и формировали психологическую и культурную среду, необходимую для развития локальных рынков, для формирования устойчивых локальных субкультур, для складывания системы межличностных отношений, солтавивших основу развития европейского капитализма. В отличие от этого экстенсивный характер развития русского этноса не только допускал, но до известной степени и предполагал отток значительной части активных личностей за внешние границы основного ареала расселения. В прежние века это были казаки, старообрядцы, сектанты, просто активные переселенцы. В начальный период кризиса экстенсивной модели развития, когда эта модель доводится до крайних состояний, до предела, во всех союзных республиках бывшего СССР, на Крайнем Севере и в Сибири создавались новые города, либо практически заново возникали русские локальные субкультуры в старых региональных центрах (Тбилиси, Кишинев, Самарканд и т.д.). Тем самым эти люди выключались из процессов этнокультурного развития исторического центра русского этноса, а процессы качественной урбанизации замедлялись. Люди, которые по своим психологическим, интеллектуальным и профессиональным

качествам могли бы становиться лидерами российской урбанизации, оказывались ходом истории выдвинутыми на периферию этого процесса, где они вынуждены были формировать свои субкультуры. Эти субкультуры оказались неустойчивыми, они быстро размывались под влиянием процессов коренизации городов в республиках бывшего СССР. Это естественно, поскольку абсолютное большинство их составлявших не имели в новом месте обитания глубоких исторических корней. В то же время их пребывание в большинстве этих регионов, особенно в Средней Азии, имело огромное положительное значение, прежде всего для развития городов этих регионов, однако это уже тема особого разговора. Если бы эти люди участвовали в процессе урбанизации на своей исторической территории, этот процесс был бы более конфликтным, но и эффективность его для населения России была бы выше.

Пятая важная черта урбанизационных процессов среди русского этноса - это их "делокализация". В Европе город возникал прежде всего для обслуживания потребностей местного населения в орудиях труда и других городских товарах, в рынке и т.д. Даже если впоследствии он приобретал общенациональное или даже общемировое значение, он не прекращал выполнения своих традиционных функций. Именно это дало возможность сформироваться европейскому и североамериканскому фермерству. Русские города до революции при всей их неразвитости также частично начинали выполнять эти функции. Абсолютное доминирование "вертикальных" социальных связей над "горизонтальными" в 30-80-е гг. привело к тому, что большинство, городов особенно крупных, потеряли или так и не приобрели ни экономических ни культуртрегерских, ни технологических функций. По отношению к своей локальной периферии город ориентировался преимущественно на интересы центра, и прежде всего военно-промышленного комплекса, никак не связанные напрямую с местными локальными интересами и проблемами.

Другими словами, количественный рост русских городов не сопровождался качественным преобразованием их функциональной нагрузки. Нормального эквивалентного обмена, который только и может быть гарантом относительной устойчивости иерархических систем расселения, не возникало. Город в одностороннем порядке выкачивал из села материальные и людские ресурсы.

5. Менталитет переходного периода

Перечисленные особенности урбанизации и демографического перехода среди русских в конечном итоге были следствием чрезвычайно высоких темпов распада общины и миграции населения в города. в результате чего одновременно оказались "размытыми" и городские, и сельские локальные субкультуры русского этноса. По отношению к русскому этносу 30-60-гг. XX века уместно говорить не столько о формировании маргинальных слоев, сколько о всеобщей поэтапной маргинализации всего этноса, поскольку за 30-40 лет практически все население побывало в мигрантах, будучи оторванным от привычной социокультурной среды.

Можно без преувеличения сказать, что судьбы русского этноса в XX веке определялись менталитетом слоя "вертикально ориентированных" мигрантов -

людей, один или несколько раз в течение жизни по своей воле сменивших место жительства в целях повышения своего социального статуса. численность этого слоя составляла в эти годы не менее 30-40% всего этноса. Если прибавить к ним тех, кто сменил место жительства в результате репрессий или в процессе эвакуации, то окажется, что в каждый конкретный момент люди, порвавшие со своим привычным социальным окружением, составляли абсолютное большинства этноса. Поэтому вряд ли уместно встречающееся иногда в печати высокомерное отношение к русским маргиналам - все мы в той или иной степени шариковы. В предыдущих разделах было показано, что эти процессы были вызваны не кознями каких-либо политических сил, а закономерностями развития самого этноса.

Слой мигрантов был не только очень многочисленным, но и наиболее социально активным - именно из его рядов выделялись люди, благодаря энергии которых русский этнос совершил колоссальный скачок, потребовавший у других этносов значительно больше времени, сумел успешно решить многие проблемы экстенсивной урбанизации, избежать массовой безработицы, голода, бродяжничества, бывших бичом многих других этносов как на Западе, так и на Востоке на соответствующем этапе их развития. Конечно, такой колоссальный скачок в таком цивилизационном развитии не мог пройти безболезненно. Чтобы понять проблемы и противоречия периода экстенсивной урбанизации среди русского этноса, необходимо представить основные черты менталитета того слоя, который определял лицо этноса. Этот менталитет был полон внутренних противоречий, как противоречива и сама историческая судьба маргинальных слоев, приобретающих особый вес в переходные периоды развития этноса. С одной стороны, этот слой формировался из людей, хотя и живших в городе, но до мозга костей пропитанных идеологией сельской общины экстенсивного общества. “Отказаться “ от этой идеологии, по-настоящему адаптироваться к городу эти люди не могли, потому что городских культур как таковых тоже не существовало. С другой стороны, принесенная ими система ценностей не соответствовала масштабам и структуре массового индустриального общества, складывавшегося на месте прежнего, традиционного. “Культуршок”, пережитый 2-3 поколениями русских мигрантов, качественно отличался от “культуршока”, переживавшегося в процессе экстенсивной урбанизации другими этносами: русские мигранты в русских городах оказались вне сетки не только привычных для них социальных связей, поскольку эти связи были уже разрушены, но и вне сетки “урбанистских” социальных отношений. Если бы процесс урбанизации протекал в уже сложившихся, традиционных обществах, как в Юго-Восточной Азии, тогда “род” или “община” обосновались бы в городе и создали там свои структуры. Если бы процессы экстенсивной урбанизации протекали медленнее, как это было на Западе, тогда успевали бы создаваться новые городские локальные субкультуры, которые могли бы противостоять потоку сельских мигрантов и постепенно ассимилировали бы их, вовлекая в свою соционормативную систему. Однако, специфика развития русского этноса привела к тому, что масса людей оказалась в информационном вакууме, попав в неразбериху города, который сам еще находится в процессе становления. Было от чего испытать культуршок! В такой ситуации в общественном сознании начинает превалировать система ценностей, включающая обломки общинного менталитета. Ее изначальная внутренняя противоречивость обуславливалась прежде всего несоответствием ее

“общинных” компонентов и тех задач, которые с ее помощью должны были решаться. Во-первых, она основывалась на опыте малочисленных сельских общин, где все вопросы решались в процессе непосредственного межличностного общения. Стомилионный русский этнос с разрушенной мезоструктурой явно не соответствовал этой модели. Во-вторых, эта система ценностей и оснований на ней менталитет были рассчитаны на ситуацию стабильности, неизменности используемых технологий, в то время как переход к интенсивной культуре и внешняя необходимость самообороны вынуждали совершенствовать используемые технологии.

Экономические и этноэкологические условия в России в первые десятилетия XX века складывались таким образом, что при любой политике, при любой организации власти массовый и невиданный по масштабам и темпам выброс бывших сельчан в слабые и неготовые к их приему города был неизбежен. Столь же неизбежно было и превалирование в обществе менталитета, опирающегося на систему ценностей маргинализированных слоев. Все политические и экономические решения, все мероприятия по развитию общества могли быть эффективны только в том случае, если они учитывали основные черты этого менталитета. В ином случае они были обречены на провал. Каковы же эти черты?

Ю.А.Морозов, автор единственной, пожалуй, современной попытки фундаментального анализа особенностей менталитета русского этноса, совершенно справедливо, на наш взгляд, видит отличие русской культуры от западной в том, что последняя основана на системе “позиционных отношений”, которые в России в целом не сложились, а поэтому преобладали отношения “аффективные”. Суть позиционной системы по Ю.А. Морозову состоит в том, что каждая социально значимая позиция (президент, мусорщик, полицейский и т.д.) определяется достаточно жестким набором прав, обязанностей, правил поведения. Действия человека, занявшего ту или иную социальную позицию, определяется не столько его личными качествами и системой его межличностных связей, сколько требованиями налагаемыми занятой им позицией. В России, как и вообще на Востоке, по мнению автора, первостепенное значение имеет, наоборот, не общественно значимая позиция, а система межличностных связей каждого человека. Как видим, Россия приравнивается к Востоку. Пытаясь объяснить это отличие России от Запада, Ю.А. Морозов ссылается на особенности православия по сравнению с протестантизмом, на то, что в России слишком малый отрезок времени правили европейцы. Конечно, все эти объяснения не выдерживают критики. Русское православие не было привнесено извне, а само во многом сформировалось под влиянием этнокультурных особенностей русского этноса. А насчет того, как долго европейцы и вообще иностранцы правили в России, можно прочитать в любом школьном учебнике истории. В любом случае аргументы Ю.А. Морозова не объясняют главного: где же источник “непозиционности” русской соционормативной культуры. Непонятен из объяснений Ю.А.Морозова и другой факт, занимающий очень много внимания в его же книге. Почему некоторые страны Юго-Восточной Азии, будучи, по мнению самого же автора, типологически едины в этнокультурном отношении с Россией, тем не менее очень эффективно освоили многие постиндустриальные, и в первую очередь информационные, технологии, адаптация которых в русской культуре несколько задержалась? Одномерная схема типологии культур, предлагаемая

Ю.А.Морозовым, тут явно недостаточна. Россию принято ставить между Западом как воплощением “закона” и Востоком как царством “обычая”, ближе к Востоку. Необходимо, на наш взгляд, при классификации соционормативных культур учитывать, такое важное измерение как степень жесткости правил, регулирующих их поведение независимо от того, являются ли эти правила сводом законов или нормативов обычного права. Как общество “закона”, так и общество “обычая” может подчиняться прежде всего формальным или неформальным предписаниям нормативных систем, рассчитанным прежде всего на стандартные ситуации. Это характерно в первую очередь для интенсивных культур. В экстенсивных культурах детализация нормативных требований значительно ниже, контроль за их исполнением - слабее, и поэтому гораздо большее значение имеют чисто личностные факторы.

Закон, как и обычай, - это результат адаптации людских сообществ к условиям, когда потенциальные конфликты внутри этих сообществ невозможно систематически разрешать за счет перемещения наиболее конфликтных индивидов на другие территории. ни за счет вовлечения в оборот значительных объемов жизненно важных ресурсов, в первую очередь новых земель, для уменьшения внутригрупповой конкуренции. Для “снятия” конфликтных ситуаций в интенсивных культурах и формируется жесткий кодекс поведения, взаимодействия между индивидами и группами внутри социума, который позволяет уменьшать конкуренцию, предупреждать конфликты либо с наименьшими потерями для всего социума разрешать их. Совокупность таких правил и составляет закон или обычай. Разница между законом и обычаем состоит не только в том, что первое из них неписаное, а второе зафиксировано на бумаге. Этикет, ритуал управляет взаимоотношением людей в относительно небольших и замкнутых обществах (сельская община, сословие, средневековая городская коммуна), где соблюдение предписываемых правил диктуется ограниченностью и устойчивостью круга межличностных связей. Закон необходим прежде всего в обществе, состоящем из множества таких групп, тесно взаимодействующих друг с другом. Соотношение закона и обычая в обществе (этнотипе) определяется структурой последнего: чем выше в этнотипе доля людей, живущих в условиях стабильных локальных общин (сельских общин или западноевропейских “коммюнити”), тем выше вес ритуала в обществе по сравнению с описанным законом.

Преобладание аффективных межличностных отношений над ритуализованными в формах закона или обычая, заложенное самим механизмом функционирования экстенсивной русской земледельческой общины, еще более усилилось под влиянием лавинообразного процесса ее распада и смыпания возникшими в результате этого распада миграционными потоками вчерашнего деклассированного крестьянства слабых и неустойчивых зародышей русской городской культуры. В результате этих неизбежных процессов сложилась та аморфная структура этноса, которая на какое-то время закрепила принципы организации общины на уровне государства и одновременно показала неадекватность этих принципов формирующемуся индустриальному обществу, их абсурдность при попытке использовать в масштабах всего огромного государства для решения задач технологического совершенствования и создания устойчивого “справедливого” общества.

Сами по себе социальные нормы и принципы организации русской экстенсивной сельской общины были не хороши и не плохи. Они были идеальны в условиях, в которых они формировались, - иначе была бы невозможна сверхбыстрая колонизация русскими огромных пространств в исторически очень сжатые сроки. Но когда на базе возникшего при этой колонизации многоязычного конгломерата начали формироваться основы большого единого гражданского общества, когда экстенсивная модель развития стала уступать место интенсивной, понемногу стала становиться очевидной несостоятельность этих принципов. Сама история потребовала изменения системы соционормативной культуры русского этноса, организации его мезоструктуры, усиления роли законности и ритуала. В Основе этого процесса - становление устойчивых городских локальных субкультур; он может занять период жизни нескольких поколений.

Особенности развития культуры русского этноса в XX столетии в конечном итоге определялись тем, что в сферу активной деятельности оказались вовлечены скрытые ранее под оболочкой общины соционормативные особенности русского этноса, обусловленные экстенсивным характером его развития. Прежде всего это касается технологических навыков в экономической культуре.

С технологической точки зрения различие между европейской и русской культурами - это различие между универсализмом и профессионализмом. Именно доведенная до предела профессионализация создала европейскую культуру со всеми присущими ей плюсами и минусами. Недаром именно процессам разделения труда формированию “органического” единства общества как системы функционально-дифференцированных субсистем, в отличие от механического единства однородных элементов (в основном крестьянских хозяйств) посвящена большая часть классических социологических трудов XIX - начала XX века. Профессионализация эта возникла из необходимости выживания европейской цивилизации в условиях вынужденного интенсивного развития, после прекращения крестовых походов, после отпора, данного Россией во время войн XVII-XIX веков. Профессионализация тесно связана с процессом урбанизации, который фактически начался в Европе с окончанием крестовых походов (XII-XIV) и стал определяющим фактором развития в XVIII-XIX вв. При переходе от экстенсивной модели развития к интенсивной усиливается необходимость более углубленной специализации населения для того, чтобы более эффективно использовать ограниченные естественные ресурсы. Процесс профессионализации приводит к формированию относительно замкнутых профессиональных кланов, которые вырабатывают свою профессиональную этику. Выработка внутрипрофессиональных этических норм происходит именно ввиду устойчивости состава профессиональных кругов, замкнутости их границ.

В русской цивилизации ввиду отсутствия столь жесткой внутренней неосходимости в урбанизации, как в Европе, профессионализм был развит гораздо меньше; гораздо меньшее значение имели профессиональные кланы, профессиональная этика.

Повлиял экстенсивный характер русской цивилизации и на формирование отношений собственности, и в первую очередь на отношение к

частной собственности. Сам по себе экстенсивный или интенсивный характер культуры еще не определяет формы собственности, и прежде всего собственности на основной ресурс земледельческой культуры - на землю. Во многих интенсивных культурах условия производства объективно требуют коллективной (общинной) формы собственности на один из важнейших ресурсов (например, общинная собственность на пастбища, собственность на воду в условиях поливного земледелия и заливные угодья при рисоводстве). Однако если рассмотреть только один культурно-хозяйственный тип - равнинных пашенных земледельцев, то здесь безусловно, введение частной собственности на землю явилось следствием перехода от экстенсивных к интенсивным методам введения хозяйства.

Общинная собственность на землю имеет принципиальное значение именно в передельной общине, где она реализуется в праве общины периодически уравнивать земельные наделы различных семей с тем, чтобы обеспечить относительно одинаковые условия всем семьям и тем самым сохранить ее как целое, избежав расслоения, ведущего к гибели общины. Уравнивательный характер землепользования предполагает со стороны общины не только за размером используемой земли, но и за применяемыми технологиями в отдельных хозяйствах, поскольку одним из основных принципов организации передельной общины является именно снятие конкуренции внутри нее. Применение отдельным хозяином продвинутых агротехнологий, связанных с улучшением качества почв не имеет смысла, поскольку данный участок все равно окажется в руках другого хозяина: кроме того, успехи на ниве земледелия неизбежно порождают зависть со стороны соседей, что нарушает стабильность общины. Поэтому в передельной общине всегда поддерживается относительно низкий уровень урожайности; сама по себе, даже в условиях рыночного хозяйства, она не способна стать основой высокотоварного хозяйства. При низком, и главное - поднимающемся, уровне урожайности и положительном естественном приросте для того, чтобы сохраниться как целое, община вынуждена либо захватывать новые земли, либо "выталкивать" избыточное население на освоение новых земель. Именно так функционировала русская передельная община в течение всей своей истории. Другими словами, передельная земледельческая община может существовать только в условиях экстенсивной культуры. Сам механизм ее функционирования обуславливает вполне определенное отношение к собственности. В частной собственности крестьянского семейства находятся только скот, орудия труда и небольшой приусадебный участок. Эта собственность священна и неприкосновенна не только для членов данной общины. Это, так сказать, собственность первого уровня; именно к ней относятся представления о необычайной честности русского крестьянства. Собственность второго уровня - это собственность общины, в первую очередь пашня, выпасы, в ряде случаев - дорогостоящие орудия производства (мельницы). Контроль за сохранностью этой собственности также был достаточно жестким. Община строго карала того из членов, кто попадался на краже или порче общинной собственности, хотя такие нарушения были не столь редки.

Наконец, отношение к помещичьей и государственной собственности, к орудиям и угодьям, которые в них входили, было такое, какое только и могло быть в условиях экстенсивной общины - как к элементам внешней среды общины, резервам потенциального расширения общинной собственности, в то

же время в данный момент не входящая в сферу ее влияния, а следовательно, не находящаяся под ее защитой. Поэтому существовала малопроезжая пропасть между правосознанием помещиков и чиновников, которые, согласно правовым нормам, считали собственность государства и частную собственность других сословий неприкосновенной и основанной на обычном праве правосознания крестьян, которые эту собственность таковой не считали.

Среди исследователей нет единого мнения относительно того, но всех ли областях Западной Европы существовала передельная община. Несомненно, однако, что там где она существовала, она оказывала точно такое же воздействие на сельскохозяйственное производство и уклад сельской жизни, как и в России. Так, известный английский экономист Альфред Тойнби, брат выдающегося историка Арнольда Тойнби, анализируя историю развития сельской общины в Англии, показывает, что и в этой стране вплоть до XVII века сельская община тормозила развитие сельскохозяйственного производства, заставляя общинников поддерживать низкую производительность труда и тем самым сохранять стабильность самой общины. Потеряв возможность экстенсивного развития, община вынуждена изменять основные правила своей организации. Кризис выражается в том, что не увеличивающиеся больше общинные земельные угодья в сочетании с увеличивающимся числом домохозяев и стабильной (а иногда и уменьшающейся) урожайностью неизбежно приводят к тому, что каждая отдельная семья оказывается в результате бесконечных переделов обладателем столь малого надела, что он не способен прокормить эту семью. Ситуация осложняется тем, что стремление к "справедливости" - основа общинной психологии - приводит к являющемуся бичом российской деревни в не меньшей степени, чем малоземелье, - к череполовке. Поскольку земля очень различалась по своему качеству в пределах каждого общинного севооборота, а крестьяне, выступавшие в качестве временных пользователей отдельными участками, в каждый конкретный период не были заинтересованы в мелиорации, "равенство" достигалось с помощью максимально дробного распределения участков разного качества между крестьянскими хозяйствами: каждому доставалась полоска плохой, полоска хорошей и полоска средней по качеству земли. Такие правила, пригодные и неизбежные при потенциально неограниченном объеме привлекаемых земель, в случае возникновения острейшего земельного дефицита, который окончательно сложился в России в первые десятилетия XX века, служит фактором, усиливающим кризис, так как сдерживает рост эффективности сельскохозяйственного труда.

Взрыв русской сельской общины не мог в одночасье изменить отношения бывших сельских жителей, вдруг оказавшихся горожанами, к собственности, тем более что альтернативного подхода, который в Европе веками формировался в недрах города, здесь не сложилось в виду слабости или полного отсутствия городов как таковых. Поэтому и в городах в 30-е годы необычайно вырос социальный слой, который не имел других представлений о собственности, кроме тех, которые достались ему в наследство от "исторических предков" - сельских общинников. Однако эта идеология не могла полностью копировать общинную идеологию хотя бы потому, что условия обитания изменились в корне. Прежде всего, была ликвидирована частная собственность на орудия производства, что естественно в условиях индустриального производства. Во-вторых, бесследно исчезла общинная

собственность, не получив своего суррогата-поллиатива в первой системе ценностей. И, наконец, прежняя помещичья и государева собственность воплотилась в “единой общенародной социалистической собственности”. В этом, на наш взгляд, состояла одна из главных причин краха идеи российского социализма. Выдвигая идею “общенародной собственности”, ее авторы до какой-то степени надеялись, что она займет в повседневном сознании членов общества - бывших общинников - место общинной собственности, то есть того, что лично тебе не принадлежит, но в сохранении и развитии того, в чем ты всемерно заинтересован. В реальности же социалистическая собственность в сознании заняла место не общинной, а помещичьей и государственной, а поэтому абсолютно была лишена в глазах “новых горожан” какого-либо ореола сакральности. Вчерашнему общиннику сама идея о том, что украсть у “хозяина” или у “казны” нехорошо, греховно, казалась абсурдом. Опасно - но не нехорошо... Это же не у соседа и не у общины.

Эти реминисценции подкреплялись двумя обстоятельствами. Во-первых, как уже отмечалось, массовая миграция в города после начала индустриализации практически смыла старые городские локальные субкультуры, в значительной степени подорвав зарождавшиеся там новые представления о неприкосновенности любой собственности. Уничтоженным оказался не только класс городских собственников, но и начавшие формироваться слои кадрового пролетариата. Во-вторых, мигранты оказались вне привычной для себя обстановки достаточно жестокого неформального контроля со стороны общины. Конечно, и в коммунальных квартирах, и в рабочих поселках какие-то элементы общинности неизбежно сохранялись; об утрате этих элементов в настоящее время с тоской вспоминают их обитатели. Однако все это касалось скорее чисто бытовой сферы, а не отношений собственности. Невозможность переноса “общинного” на “общенародное” коренилось прежде всего в несоотнесимости масштабов - вся суть общинной собственности в возможности опирающегося на обычное право непосредственного контроля за ее использованием и неприкосновенностью на личностном уровне.

Со стороны государственных и партийных органов предпринималась попытка добиться отношения к социалистической собственности как к общинной у первого послереволюционного поколения, тех, кто воспитывался в конце 20-х-начале 30-х годов. И по отношению к части молодежи это действительно удалось, что в конечном итоге и привело к трагическому конфликту ценностных нормативов поколений. Достаточно вспомнить трагедию Павлика Морозова.

В интенсивных культурах независимо от того, на Западе они расположены или на Востоке, отношение, к чужой (вернее, к несвоей) собственности неизбежно носит более строгий и определенный характер. И вырабатывалось это отношение далеко не гуманными методами. Так, в Англии посягательство на чужую частную собственность наказывалось весьма сурово, вплоть до публичной смертной казни, причем подвергались столь суровому наказанию не только взрослые, но и дети. В отношении общинных норм межличностного общения Россия первой половины XX века переживала примерно тот же период, что и Англия конца XVII-XVIII веков.

Отсутствие развитого разделения труда, устоявшихся институтов частной собственности, наличие практически неограниченных природных, территориальных и людских ресурсов порождали и еще одну особенность русского менталитета, делавшую невозможным “введение” товарно-денежных отношений в России и СССР в целом в 20-30-х гг. XX века. Эта черта-слабость принципа эквивалентности обмена в системе ценностей русского этноса. Она делает невозможным развитие экономики в западноевропейском смысле. Не зря писали авторы одного из лучших учебников по прикладной экономике: “Экономика-это исследование поведения людей в процессе производства, распределения и потребления материальных благ и услуг в мире ограниченных ресурсов” (К.Р.Мокконнелл, Б.Л.Брю. “Экономика: принципы, проблемы и политика”, М.,1992).Представление о том, что “все имеет свою цену”, может родиться только в рамках экстенсивной культуры, в той или иной степени ограниченной во всех основных ресурсах - и природных, и людских. Функционирование интенсивной культуры неизбежно основано на профессионализме. Это в свою очередь требует выработки адекватных механизмов, регулирующих отношения между профессиональными группами. Главным принципом такой регуляции является эквивалентность обмена продуктов труда, то есть рынка, охватывающего все основные виды ресурсов и изделий. Именно стремление к реализации принципа эквивалентного обмена как идеала интенсивных культур позволяет регулировать потребление естественных и демографических ресурсов и тем самым способствует выживанию всего социума.

Первый этап кризиса экстенсивного развития русского этноса пришелся на начало XX века, но он нашел свое разрешение в форсировании механизмов экстенсивного развития - социалистической революции. Ни о какой эквивалентности обмена в этой модели не могло быть и речи. Однако эта модель неизбежно должна была показать свою несостоятельность, которая стала очевидной по мере нарастания “мышечной массы” отечественной промышленности. Очередной этап кризиса наступил сразу после окончания восстановительного периода после второй мировой войны - в конце 50-х годов.

Именно в этот период стали ощущаться первые признаки дефицита различных ресурсов; и людских (завершение демографического перехода),и природных (ограниченность старых месторождений, очевидная неэффективность целинной эпопеи и отсутствие резервов для последующих эпопей такого рода). кроме того, индустриализация и колоссальные усилия, предпринятые во время войны и послевоенного восстановления хозяйства, создали высокоспециализированное хозяйство индустриального уровня. Эти обстоятельства создавали необходимые, но не достаточные условия для перехода к рыночной экономике. Самое главное - это отсутствие парадигмы всеобщности товарно-денежных отношений на уровне обыденного сознания большинства представителей русского этноса. Не случайно столь заметную роль в структурах теневой экономики в “застойный период”, так же как во многих коммерческих структурах постперестроечного времени, играли и играют представители интенсивных культур - народы Кавказа, Средней Азии, корейцы и т.д. Сказывалось и то, что к 60-м годам еще не были исчерпаны окончательно резервы экстенсивного развития. Хотя был завершён в целом демографический переход,однако сохранялась еще инерция высокого естественного прироста за счет относительно молодой возрастной структуры

русского населения. Были открыты и начали разрабатываться новые нефтяные и газовые месторождения, началось строительство БАМа и т.д. Это были последние резервы, позволяющие сохраняться инерции экстенсивной культуры. Переход к иным принципам на уровне руководства хозяйства начался только к 90-м годам, ознаменовав собой совершенно новый этап в развитии русского этноса.

Принцип неэквивалентного обмена, господствующий в менталитете как простых тружеников, так и хозяйственных руководителей, базировался на кажущейся неисчерпаемости ресурсов различного рода. Так, например, не было, с точки зрения советского хозяйственника, никакой необходимости совершенствовать производство, разрабатывать и вводить новые технологии, высоко оплачивать квалифицированный труд до тех пор, пока была практически неограниченная возможность нанимать достаточное количество неквалифицированной и малоквалифицированной рабочей силы для производства пусть устаревшей, но соответствовавшей “плановым заданиям” продукции. Такой приток сохранялся и после окончательного завершения демографического перехода, так как промышленные предприятия располагались в основном в средних и крупных городах; приток лимитчиков обеспечивался за счет деревни и малых городов. Начавшиеся было в конце 50-х - начале 60-х годов процессы “интенсификации” производства были прерваны, помимо новой “сырьевой интервенции”, сломом начавшего было возрождаться крестьянского хозяйства и искусственной “перекачкой” в промышленность массы неквалифицированной рабочей силы из села и малых городов. Предсмертным вздохом экстенсивной культуры была полностью маразматическая попытка заселения опустевшей российской деревни “трудоизбыточным” населением Средней Азии. Основная масса организаторов всех уровней этого сюрреалистического фарса прекрасно понимала, что главной целью является отнюдь не переселение туркмен в Приморье, а узбеков - на Владимирщину, а организация потоков материальных ценностей, от которых всегда можно отвести небольшой арык ... Таким образом, хотя формально существовал государственный рынок и взаимоотношения между государством и предприятиями строились на основе стоимостных отношений, однако эти отношения были безусловной фикцией, поскольку цены устанавливались нерыночным путем. Если рынок и складывался, то как теневой. И даже на нем реальной оценки не получали два важнейших вида ресурсов: квалифицированная рабочая сила и сырье. Эта оценка отсутствовала на уровне реальных отношений и на уровне общественного сознания; ее отсутствие подкреплялось идеологической догмой - рабочий класс является творцом всех ценностей (в первую очередь материальных) на земле.

Менталитет экстенсивного развития влиял не только на руководителей, но - что немаловажно - на рядовых исполнителей (рабочих, служащих). Обычно обращают внимание на один канал этого влияния - на несоответствие количества и качества труда получаемому вознаграждению, что должно тормозить развитие производства. Однако главный из них - отсутствие развитой профессиональной этики, не позволяющей производить товары ниже определенного уровня качества, даже если за это не предусмотрены непосредственные экономические санкции. Причина кроется в том, что в России не успела сформироваться система ремесленных цехов, которая заложила основы европейской профессиональной этики. И хотя сама цеховая

система изменилась, однако принцип ответственности за качество своей продукции не только перед потребителем и богом, но и перед своими коллегами, принципиальная невозможность уронить честь профессии глубоко впитались в ткань европейской культуры. Массовая миграция русских из села в город совпала по времени с периодом индустриального развития, когда межличностные отношения не играли столь существенной роли в становлении профессиональных слоев. Поэтому зачатки профессиональной этики возникали только в относительно узких элитарных группах, прежде всего среди инженеров и рабочих в некоторых отраслях ВПК, в науке. Но как массовое явление она фактически не сложилась.

Одной из предпосылок российского социализма был характерный для общины низкий уровень потребительских стандартов. Неформальный контроль за мерой труда и потребления исключал возникновение и закрепление существенных имущественных различий, исключая тем самым возникновение острых внутриобщинных конфликтов на почве имущественного неравенства, что являлось важнейшей составляющей механизма стабильности сельской общины. Исследователи общины неоднократно отмечали, что одна и та же семья в течение жизни одного-двух поколений, как правило успевала побывать и в группе бедняков и среди середняков, а порой подняться и до уровня зажиточных хозяйств. Такая ротация базировалась не только на общинных порядках с постоянным перераспределением земельных угодий, но и на обусловленной теми же общинными порядками низкой урожайности и как следствие низкой товарности сельского хозяйства, не позволявшей накапливать богатства. Ротация также поддерживала устойчивость общины как основной ячейки общества, обеспечивающей функционирование крестьянского хозяйства в условиях низкого уровня урбанизации, неразвитой инфраструктуры, всевластия и бесконтрольности помещика или наместника. Эта привычка подравнивать свой уровень потребления под общий стандарт также послужила одной из важных предпосылок идеологии 30-80-гг.

Неразвитость "позиционной системы" в культуре русского этноса, которая являлась прямым следствием экстенсивного характера его развития, определила основные черты его политической культуры. особенность советов народных депутатов, отличающая эту форму управления от органов западной демократии, состоит в совмещении функций законодательной исполнительной власти. Именно эту черту советов подчеркивал В.И. Ленин, прекрасно понимавший, что она опирается на реалии общинного самоуправления, наиболее привычного и понятного для слоя вчерашних общинников, составлявших во 2-3-ем десятилетиях XX века основную часть городского населения.

Представительные и властные структуры, аналогичные западноевропейским, не могли самостоятельно сформироваться на русской почве, потому что экстенсивное развитие этноса не успело породить необходимости их возникновения, а совсем не потому, что они не соответствовали историческим традициям русских. Некоторое подобие таких институтов (земства) лишь поверхностно, по форме напоминала соответствующие институты Западной Европы. Но и они в конечном итоге охватывали относительно узкий круг русского населения, в основном горожан, и возникли не в результате развития самоуправления на местах, а в результате

царских указов - повелений сверху. Подавляюще большинство русского населения - почти все крестьянство - оставалось фактически вне влияния этих институтов, и основной формой организации самоуправления для них оставалась сельская община. Поэтому когда кризис общины сделал неизбежным массовый отток крестьян в города, политические взгляды новых мигрантов в принципе не допускали развития демократических институтов западноевропейского типа.

Историки Советской России неоднократно подчеркивали, что социальной опорой большевизма был не "кадровый" промышленный рабочий класс, как о том постоянно заявлялось в политических декларациях, а именно люмпенизированные его слои, среди которых преобладали вчерашние мигранты из села. Именно возрастание их доли в составе городского населения и позволяет проводить те социальные преобразования, которые известны нам под именем большевизма. К концу 20-х годов окончательно сложился кризис русской деревни, который должен был так или иначе привести к социальному взрыву. Политические последствия этого взрыва могли быть самыми различными, вплоть до падения власти большевиков. Но социальный смысл его мог быть только один - "выброс" огромной массы вчерашних крестьян из села в город и резкое возрастание в городе того самого слоя, который всегда был опорой большевиков. Партия предпочла использовать лозунги и методы управления, соответствующие менталитету наиболее многочисленной и наиболее активной в течение жизни 4-3 поколений части русского этноса. И это отнюдь не случайное совпадение, что крах большевизма в России совпал по времени с миграционной стабилизацией русского населения (конец 80-х гг.): сама логика демографического развития привела к тому, что миграционные потоки стали спадать и русский этнос перестал быть самым мигрирующим на территории бывшего СССР и одним из самых подвижных в мире. Стабилизация миграционной подвижности, появление, пока только в зачаточном состоянии, новых стабильных локальностей создали возможность для реального развития местных самоуправлений, а вместе с ними действительной, а не заданной сверху демократии.

Одной из главных особенностей российской традиции управления в экономике и политике является приоритет указа личной инициативы лидера над законом и даже обычаем. Главенство закона и/или обычай над мнением любого, даже самого высокопоставленного чиновника является чертой интенсивных культур. В таких культурах невозможен выход за пределы конфликтной ситуации, что обуславливает жизненную необходимость соблюдения правил, поддерживающих внутренний баланс сил. Наоборот, в экстенсивных культурах нарушение правил не столь дорого обходится всей системе, поскольку неожиданный эффект даже самого нелепого указа погашается за счет дополнительного привлечения целевых ресурсов. Именно переход от экстенсивной культуры к интенсивной предполагает замену указа в качестве основного инструмента управления на закон и обычай.

Даже "воля народа" в традициях русского этноса трактуется иначе, чем в интенсивных культурах Запада, где даже решение, принятое абсолютным большинством, должно либо приниматься в рамках закона, изменять сам закон. В новой российской демократии преобладает старый принцип экстенсивных империй - "глас народа - глас божий", согласно которому мнение большинства

(или имитация этого мнения) может использоваться для оправдания любых действий, независимо от того, как они соотносятся с законом.

Характерной чертой интенсивных культур по сравнению с экстенсивными, обеспечивающей им в конечном итоге технологическое преимущество над последними, является не соблюдение “хороших” законов и несоблюдение “плохих”, а соблюдение любых законов, пока они остаются таковыми и не утратили силу. Однако, как показывают события последних лет, менталитет русского этноса даже в лице его лидеров, не выработал пока в себе основ этого принципа, примером чему - отношение большинства населения к политическим событиям 91-93-х гг.

Наконец, характерной чертой традиционной для России системы управления, нашедшей наиболее полное воплощение в административно-командной системе в 30-70-е гг. XX века был приоритет вертикальных связей и отношений (субординации) над горизонтальными (координацией). В принципе, выдвижение этой гипотезы требует подробного предварительного исследования. Однако на примере развития русской цивилизации видно, что непрерывная экспансия системы вовне, как правило, предлагает использование преимущественно одного из ресурсов осваиваемого региона (например, леса или одной из разновидностей минеральных ресурсов). Это тормозит развитие комплексного хозяйства в регионе и развитие внутрирегионального обмена, а следовательно, и отношений координации. Только исчерпание возможностей выживания за счет моноресурса, то есть переход к интенсивной системе, делает необходимым комплексное освоение территорий, развитие многоотраслевого хозяйства на местах, формирование локальных рынков.

Система отраслевых министерств, составлявшая основу управления советским хозяйством, была необходимым структурным элементом квазиэкономики, основанной на форсировании методов экстенсивного освоения среды. Не случайно первые попытки изменения этой системы по времени совпали с реформами конца 50-х начала 60-х гг., связанных с именами А.Н. Косыгина и Н.С.Хрущева (организация совнархозов). Как известно, тогда система в очередной раз нашла в себе резервы экстенсивного развития. “Вертикальная” схема управления базируется на перечисленных выше особенностях особенностях менталитета русского этноса, в частности на предпочтении указа закону и обычаю, ибо вся деятельность вертикальных управляющих структур носила именно указной характер, хотя всегда, и особенно в 80-е годы, им стремились придать видимость легитимности. “Вертикальная” система управления не может быть “отменена” до тех пор, пока для того не сложатся объективные предпосылки, то есть пока под влиянием острого дефицита самых разнообразных товаров во всех регионах не сформируется многоотраслевое хозяйство и местный рынок и пока под влиянием этих факторов не возникнет менталитет, без которого невозможен переход к интенсивной культуре: парадигмы всеобщей обязательности закона (легитимности), всеобщности денег как эквивалента (товарности) и т.д.

Не только особенности экономического и политического развития, но и специфика этнокультурных процессов, этнического восприятия также, на наш взгляд, в значительной степени были обусловлены экстенсивными факторами развития русской цивилизации. Так, существует мнение о различиях между российской и западноевропейской актерскими школами. Главное отличие

видится в соотношении игры и самовыражения в раскрытии роли. Пользуясь терминологией Ю.А.Морозова, западноевропейский и североамериканский актер живет и играет в обществе с развитой позиционной системой. Это переносится и на сцену. Для западного актера главное - не самовыражение, а игра в определенной роли. Оценка работы актера не зависит от того, насколько созданный им образ выражает его внутренний мир. Иногда можно услышать утверждение, что, чем дальше собственный мир актера от того, что он представляет на сцене, тем выше, при прочих равных условиях, оценивает и он сам, и зритель его актерскую работу. Наоборот, для русского, и прежде всего русского, актера внешняя профессиональная оболочка роли в идеале является лишь формой, средством для выражения собственного опыта, собственных мыслей и эмоций. Подобную точку зрения высказывала в одном из телеинтервью М.Терехова. Из сказанного, конечно, не следует, что все актеры российской школы являются “самовыраженцами”, а все последователи европейско-североамериканской традиции - холодными профессионалами. Безусловно, речь идет лишь об определенной тенденции, приоритетном принципе. В целом, не только в искусстве, но и в науке, в производстве в интенсивных культурах гораздо большее значение, чем в экстенсивных, имеет форма, ее проработанность, тщательность исполнения. Эта черта интенсивных культур является оборотной стороной большей устойчивости и определенности соционормативной культуры в их жизни по сравнению с культурами экстенсивными. Эта черта объединяет культуры Западной Европы и Юго-Восточной Азии и отличает их от русской культуры. “Формализация” культуры. стремление найти новое именно в профессиональном манипулировании формами при повторяющихся содержательных сюжетах является верным признаком интенсивной культуры. Поэтому самые выдающиеся художественные произведения появляются на стыке, на пограничье интенсивной и экстенсивной культур (русская музыка и живопись XIX-XXвеков), когда еще живо содержание, но уже отшлифована форма.

Именно с экстенсивным характером развития культуры связана, на наш взгляд, и неоднократно отмечавшаяся В.О.Ключевским и другими исследователями русской цивилизации периодически возникающая “культурная амнезия”, стремление значительной части этноса сбросить накопленный ранее опыт, сконцентрированный в форме традиций, все бросить и начать сначала, не учитывая то положительное, что было накоплено в своей собственной культуре. Такое явление характерно именно для экстенсивных культур, поскольку им это позволяет и даже вынуждает делать их природная среда. Весь социальный опыт, накапливаемый в интенсивной культуре, перерабатывается и осмысливается в рамках достаточно узкой популяции, проживающей на ограниченном пространстве. Этот опыт связан в основном с предотвращением или разрешением конфликтов в рамках самой культуры, и поэтому он интересен для всех ее членов. Наоборот, экстенсивная культура практически не накапливает опыта разрешения внутренних конфликтов посредством согласования интересов сторон. Она ликвидирует возникающие в ней конфликты либо через подавление одной из сторон, либо через внешнюю экспансию; в любом случае не возникает необходимости выработки новых социальных институтов и технологий, то есть совершенствования самого общества, а в конечном итоге - накопления соционормативной информации. Конечно, и экстенсивная культура приобретает новый опыт. Однако этот опыт накапливается прежде всего в

периферийных локальностях. Значительная часть этого опыта, и прежде все, что связано межличностным общением в местных средах, практически бесполезна для “центра” ввиду специфичности условий их обитания. Этот опыт начинает актуализироваться для проживающих в центральных районах только в том случае, если происходит отток мигрантов с периферии либо если в центр перемещаются представители коренных этносов колонизируемых территорий, что происходит в основном в условиях кризиса экстенсивных культур.

Таким образом, кризис экстенсивной русской культуры и процесс перехода к культуре интенсивной занимают достаточно длительный исторический период, миновать который нельзя. В течение этого периода в рамках этноса преобладает менталитет, основные характеристики которого жестоко заданы историческими условиями развития этноса. Все экономические и политические институты этого периода в значительной степени детерминированы этим менталитетом; они могут быть изменены на “более прогрессивные” до тех пор, пока этнос не вступит в новый этап своего развития и не произойдет качественного перехода в развитии его менталитета.

Примечания:

Глава 1.

1.1.

Козлов В.И. Национальности СССР. М., 1975. С.84.

Говоренкова Т. Самоуправление: воспоминания о будущем\СССР: демографический прогноз. М., 1990. С. 173-184.

1.2.

Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? Избранные произведения. М., 1989. С. 23.

Миронов Б.Н. История и социология. М., 1984. С.89.

Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? Избранные произведения. М., 1989. С.42.

Миронов Б.Н. История и социология. М., 1984. С. 51 и далее.

Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917-1923. М., 1990. С.536.

Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. С. 180.

Тихонов В. Ликвидация класса\ СССР: демографический прогноз. М., 1990. С.195.

Моисенко В., Мукомель В. В буднях великих строек \ СССР: демографический прогноз. М., 1990. С. 216.

1.3.

Вишневский А.Г.

Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX - начале XX в. \ \ Брачность, рождаемость. С.90.

Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1984.

Козлов В.И. Национальности СССР. М., 1975. С. 149.

Там же, С.132.

Вишневский А.Г., Тольц М.С. Эволюция брачности и рождаемости в советский период \ \ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С.78.

Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX- начале XX в. \ \ Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С.103.

Глава II

Моисеенко В., Муколиль В. В буднях великих строек \ \ СССР: демографический диагноз. М., 1990. С...

Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы \ \ Вопросы истории. 1989. №4. С. 178.

Тихонов В. Ликвидация класса \ \ СССР : демографический диагноз. М., 1990. С. 195.

Там же. с. 194.

Ссылные мужики. Правда о спецпоселках \ \ Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. С. 192.

Материалы к серии “Народы и культуры”. Выпуск XII. Депортации народов СССР (1930-1950-е годы). М., 1992. С. 308.

Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С.173-174.

РУССКИЕ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Выборка территорий социологического исследования “Русские в многонациональном регионе” организовывалась таким образом, чтобы максимально полно были соблюдены несколько общепринятых правил грамматики опроса, среди которых главными являются:

1. Составление совокупности опрашиваемых респондентов в каждой из выбираемых территорий по общей методике и по единой технологической процедуре;

2. Учитывая исследовательские интересы рабочей группы, в выборку включались в основном те респонденты, которые фактом посещения того или иного учреждения культуры города, где осуществлялся непосредственно опрос, проявили определенный уровень своих культурных притязаний (опрос проводился на базе музеев, библиотек...)

Выборка регионов для социологического опроса, при относительно случайном построении, тем не менее обладает одной содержательной закономерностью, отвечающей задачам предпринятого общероссийского опроса. В ней налицо два самостоятельных типа этносоциальных условий проживания русских, каждый из которых формирует особый характер взаимоотношений русских с другими народами и отличается собственными проблемами, относящимися к сохранению и развитию этнической культуры.

Это, во-первых, районы, обладающие в подавляющем большинстве случаев чисто русским окружением, этнической однородностью и слабой контактностью в повседневной жизни с другими народами и народностями.

Во-вторых, в выборку включены города России, где очевидны активные процессы этнических общений русских с другими национальностями в различной их модификации - Казань, Ставрополь. Наконец, следует выделить в качестве интересного объекта социологического исследования Дудинку, которая, является однородноэтническим городом, в то же время находится в разнородном полиэтническом окружении.

Объем выборки в процентном отношении представлен в таблице № I (Общий массив всего исследования - 600 респондентов).

Табл. 1

**Объем совокупностей респондентов по каждому подмассиву
в %**

Дудинка	Вологда	Ставрополь	Норильск	Казань	Итого
17	13	32	20	18	100

Гипотетически можно было предположить, что в каждом отдаленном регионе наблюдаются специфические стереотипы контактности русских с другими национальностями и народностями, что опосредованно отражается на качестве потребления и отношений к явлениям местной культуры; столь же своеобразны и способы сохранения и развития самой русской культуры в

регионах с многоэтническим населением: различные аспекты этих проблем и явились основанием организации и проведения исследования “Русские в многонациональном регионе”.

Однако если на предыдущем этапе обработки социологических материалов этнокультурная ситуация была представлена по всем опрошенным территориям в целом, то здесь делается попытка данную информацию расчленить на пять социологических фрагментов, по числу попавших в выборку исследования городов и предложить сопоставительную аналитическую справку, интерпретирующую полученные результаты.

Следовательно, пользователь нашей информации получает прямой доступ к трем базам данных социологического исследования “Русские в многонациональном регионе”:

1. Дискета с записью результатов распределения ответов каждого респондента на каждый вопрос социологического инструментария - анкеты “Русские в многонациональном регионе”;

2. Текстовый отчет по итогам опроса исследования, совокупно описывающей этнокультурную ситуацию в России;

3. Сопоставительный текстовый отчет по результатам опроса с привлечением информации по каждому региону, подпадающему в выборку социологического исследования.

Социологическое исследование “Русские в многонациональном регионе” изначально было ориентировано на получение обобщенной информации на основе интерпретации результатов опроса по всем пяти подмассивам респондентов. Формирование общего массива в 600 анкет вполне позволяло ответить на ряд исследовательских вопросов с достаточной степенью репрезентативности.

В то же время сами составные блоки подмассивов, если их анализировать вне общего социологического контекста исследования, далеко не всегда дают основание качественно отследить ту или иную социокультурную проблему в каждом из городов в силу, главным образом, относительно малого числа респондентов, включенных в выборку исследования.

Таким образом развернутой и, важнее всего - репрезентативно выдержанной аналитической картины предложить для каждого из включенных регионов в выборку исследования в целом затруднительно. Поэтому предлагается продолжить данную работу в двух направлениях. В каждой из территорий, при достаточной заинтересованности со стороны местных властей, провести самостоятельное социологическое исследование, но с опорой на опробованный рабочий инструментарий опроса “Русские в многонациональном регионе” с большей выборкой (400-600 респондентов). Во-вторых, проанализировать конкретную социологическую информацию по тем блокам анкетных опросов исследования, которые в максимальной степени могут репрезентативно описать социокультурную ситуацию при относительно небольшом объеме опрошенных респондентов. Именно это и предпринимается в настоящем итоговом отчете, причем мы памятуем, что относительная узость информационной базы и специфичность каждого их подмассивов опрошенных респондентов могут существенно повлиять на качественные показатели делаемых нами аналитических выводов.

Тем не менее при соблюдении всех условий предпринятого социологического опроса и конкретности интерпретирования результатов,

можно выделить четыре проблемных узла, которые, являясь актуальными с точки зрения общего замысла социологического исследования, вполне могут быть интерпретированы с достаточной степенью надежности.

К первому кругу проблем относятся вопросы оценки русским респондентом взаимоотношений с другими этносами, проживающими совместно с ним. Здесь реально сделать как современный срез ситуации, так и пунктирно показать возможное развитие межэтнической проблемы с точки зрения респондента.

Ко второму кругу проблем, о которых можно вести разговор в сопоставительном плане по всем пяти городам, относятся проблемы, связанные с самосознанием опрошенных своей принадлежности к русской культуре и истории, Обычно здесь ответы резко поляризованы, что повышает уровень репрезентативности анализа результатов опроса.

Еще один аспект социологического исследования “Русские в многонациональном регионе”, который может быть описан в сопоставительном по регионам ряду - это описание респондентами реальной и возможной роли учреждений культуры в сохранении и развитии русской культуры.

Наконец, отдельной строкой заслуживает описания проблема организации в городах опроса русских культурных национальных центров и отношения к этой теме разговора населения.

Отметим один показатель, который, характеризуя состояние взаимоотношений различных этносов, как бы субъективно прогнозирует в восприятиях русских возможное их развитие во временной перспективе. Для русских свойственна драматизация межэтнических процессов: наиболее остро это свойственно для тех русских, которые проживают в Казани и Ставрополе. Ответы на вопрос анкеты исследования “*В ближайшее время, по вашему мнению, отношения между народами бывшего СССР*” - **улучшатся, ухудшатся, стабилизируются** приводятся в таблице №2

Табл. 2

Отношение населения опрошенных городов к процессу развития межэтнических отношений (в %)

	Дудинка	Вологда	Ставрополь	Норильск	Казань
Улучшатся	2	9	4	4	4
Ухудшатся	38	38	62	39	57
Стабилизируютс я	35	35	22	44	24
Затруднялись ответить	24	18	12	12	15

Кстати, этот вопрос вполне коррелируется другим вопросам социологического исследования, выявляющим наличие русофобских тенденций в многонациональных регионах: “*Приходилось ли вам в последнее время лично сталкиваться с проявлением неприязни к русским в вашем городе, регионе?*”(Табл. 3)

Табл. 3

Наличие антирусских тенденций в городе, регионе (в %)

	Дудинка	Вологда	Ставрополь	Норильск	Казань
Да	38	15	49	10	60
Нет	60	84	50	89	35

Как видно из приводимых описательных таблиц, такие ощущения характерны в первую очередь для русских, проживающих в тех городах, где существует разнотническая среда.

За неимением более строго выверенной социологической информации трудно говорить о причинах все-таки высокого уровня антирусских настроений (по мнению опрошенных русских респондентов) в таких в целом гомоэтнических городах, какими является Дудинка, (38% опрошенных отметили наличие антирусских настроений), Вологда, Норильск. Отметим только, что подобного рода социологические указатели на проблему должны стать для местных властей и общественности веской причиной для более глубоких социологических мониторингов.

В независимости от места проживания, плотности окружения другими этническими группами населения, русским присущ довольно высокий уровень этнического самосознания. Этот феномен отмечен в ходе проведения социологического опроса по всем территориям выборки. От 80 до 85% респондентов русских однозначно ответили на вопрос *“Гордитесь ли вы принадлежностью к русскому народу?”* (см. табл. 4)

Табл. 4 в % от числа опрошенных

	Дудинка	Вологда	Ставрополь	Норильск	Казань
Да	80	84	83	73	84
Нет	7	4	5	7	4
Затруднились ответить	13	12	12	19	12

Опять-таки за “кадром” исследования остается одно существенное социологическое явление: от 12 до 19% русских респондентов в различных по этническим условиям проживания городах, с различной степенью интегрированности в единую русскую культуру тем не менее затруднились ответить на этот вопрос.

Очевидно, что вопрос о принадлежности к русскому этносу напрямую соотносим с ощущениями респондентами определенного самостоятельного статуса и своеобразности русской культуры в той среде, где им приходится проживать. Нами был сформулирован блок вопросов, непосредственно выходящих на эту проблему. Одним из таких вопросов явился вопрос анкеты: *“Можно ли говорить о существовании в вашем регионе русской культурной среды?”* (см. табл.5).

Табл. 5

Оценки респондентами наличия в городе проживания русской культурной среды (в % от опрошенных)

	Дудинка	Вологда	Ставрополь	Норильск	Казань
Да	40	64	66	40	67

Нет	30	11	12	32	11
Затрудняюсь ответить	29	25	22	28	22

Определенно, заслуживает более глубокой научной интерпретации ответ респондентов таких, казалось бы, чисто русских городов, как Норильск и Дудинка, в этих городах каждый третий отметил, что в его городе нет русской культурной среды; в то же время в Казани, Ставрополе таковых было в три раза меньше. Эта информация по меньшей мере косвенно фиксирует неудовлетворенность русских жителей этих крупных северных городов развитием этнической культуры.

Жители именно этих городов также отметили еще одну любопытную и одновременно тревожную деталь - в своих самопризнаниях они продемонстрировали посредственное и даже просто плохое знание русской культуры (ответы на вопрос социологической анкеты *“Насколько хорошо вы знаете русскую культуру?”* (см. табл. 6).

Табл. 6

**Оценки русскими респондентами уровня знания своей культуры
(в % от числа опрошенных)**

	Дудинка	Вологда	Ставрополь	Норильск	Казань
Знаю очень хорошо	0	1	4	4	4
Знаю хорошо	29	35	36	29	64
Знаю посредственно	61	52	48	57	31
Знаю плохо	5	7	6	7	1
Затруднились ответить	5	5	7	2	1

Самодовлеющим в социологическом исследовании *“Русские в многонациональном регионе”* стало выявление возможностей разного рода институтов культуры в этнической консолидации, решение вопроса о потенциале таковых учреждений в смягчении национальных противостоятностей. Ибо какой бы ни была роль учреждений культуры в поисках путей создания бесконфликтных зон проживания этносов, ее нельзя все-таки перечеркнуть; однако до сих пор у нас именно эта сторона их деятельности слабо проанализирована и тем более социологически изучена. Конечно, многое зависит от степени доверия к этим институтам культуры, от их действительного социального статуса в данном городе, регионе.

В целом в ходе исследования убедительное подтверждение получает ярко выраженная потребность русских в существовании и организации новых учреждений культуры русской ориентации. Вопрос анкеты *“Что, по вашему мнению, необходимо сделать в вашем городе в первую очередь для сохранения и развития русской культуры?”* также подчеркнул институциональный характер предложений респондентов. Опрошенные предложили конкретный список возможных вариантов сохранения и развития культуры (вопрос был открытого типа), среди которых на первых местах предлагалось построить церковь, музей, театр, национальный культурный центр.

И в то же время исследованием отмечается и противоречивая тенденция, демонстрирующая одновременно с потребностями такого рода учреждений культуры как слабое знание русской культуры, так и невысокую интенсивность общения с теми из них, которые функционируют в городе. Удручает тот факт, что значительное число русских респондентов вообще не имеет опыта общения с ними.

Полагая, что сильным этноцентрирующим фактором нормального развития этнической культуры русских, решения многих проблем взаимоотношений их с другими народами и народностями в относительно замкнутом локусе остаются учреждения культуры, как местные, так и общенациональные, расположенные в центрах - в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге, мы не обошли вниманием и этот круг проблем. Естественно было предположить, что наличие таковых контактов человека, по крайней мере, ощущение их важности для сохранения высокой приобщенности к образцам национальной культуры - свидетельство этноцельности русских, сохранности их единящего историко-культурного пространства, способного определенным образом воздействовать на этноцентробежные процессы, столь показательные для нашего времени. Именно поэтому для нас принципиальным явился вопрос социологической анкеты *“В какой степени необходим для вас контакт с учреждениями культуры Москвы, Санкт-Петербурга, центрами русской культуры?”* Ответы на данный вопрос мы приводим в следующей таблице 7.

Табл. 7

Потребность общения респондентов с учреждениями культуры в центре
(в % от числа опрошенных)

	Дудинка	Вологда	Ставропол ь	Норильск	Казань
Такие контакты принципиально необходимы	58	49	57	59	81
Желательны эпизодические контакты	31	31	35	33	17
Не нужны	3	5	3	1	0
Достаточно контактов с местными учреждениями культуры	7	15	6	7	3

И в заключение - еще один принципиальный итог социологического исследования **“Русские в многонациональном регионе”**. Можно было бы предположить, что в тех городах, где существует относительная однородность русского этноса, создается более стойкая среда для развития и сохранения русских национальных традиций. Задавая вопрос нашим респондентам: *“Сохраняются ли в вашем городе народные традиции?”*, мы гипотетически рассчитывали на вполне определенно направленный веер респондентских ответов. Тем не менее эти ответы оказались довольно неожиданными, заслуживающими своей последующей более углубленной интерпретации - как научной, так и социологической. Оказалось, что именно жителям русских городов свойственны были отрицательные ответы, демонстрирующие

отсутствие каких-либо глубинных народных и национальных традиций в их городах; одновременно в многоэтнических городах русские в значительно более высокой степени отмечали наличие таковых в местах их проживания (см. табл. 8).

Табл. 8

Оценки респондентами наличия народных традиций в городе
(в % от опрошенных)

	Дудинка	Вологда	Ставрополь	Норильск	Казань
Да	43	812	51	37	59
Нет	26	9	23	56	17
Затруднились ответить	30	9	26	6	23

Аннотации статей

Е.Е.Кузьмина - Роль музея в решении этнических проблем (анализ исторического опыта).

Музей рассматривается в статье как важнейший центр сохранения и презентации этнических традиций в современных условиях. Автор дает широкую историческую канву функционирования отечественных музеев и на основе анализа приходит к интересным результатам в виде нескольких моделей музейной трансляции традиции в общество.

Н.А.Никишин - Музей в пограничном регионе.

Статья посвящена вопросам содействия музеев решению проблем гармонизации межнациональных отношений. Предлагается типология модельных ситуаций функционирования музеев в контактных зонах различных национально-культурных образований. Дается обзор вариантов участия музеев в решении соответствующих проблем (на примере разработок Лаборатории музейного проектирования Российского института культурологии в Калининградской, Ленинградской областях, в Республике Удмуртия и Таймырском автономном округе).

Е.П. Воротынцева - Музей в жизни многонационального региона (на материалах музеев Северного Кавказа II-й пол.XIX - 30-х г.ХХ в.в.)

В работе исследуется роль музея в жизни многонационального региона на материалах Северного Кавказа XIX- 30-х г.ХХ в. Автор анализирует процесс формирования музейной сети в историческом, социально-правовом, культурном и других аспектах.

В.Ю. Дукельский - Историческая ретроспекция как средство экспозиционного раскрытия многонациональных взаимодействий.

Автор излагает новую научную концепцию экспозиции Музея Татарстана. В цент ре внимания - многовековая история взаимодействия русского и татарского этносов. Основным средством экспозиционного раскрытия темы автор избрал метод исторической ретроспекции.

М.Б.Гнедовский - Внутренний образ культуры и его экспозиционное выражение.

Статья рассматривает проблему модернизации современного музея. Новые подходы к отражению внутреннего образа культуры раскрываются автором на примере создания экомuzeя ханты и манси - "Тору Маа". Творческий подход к сохранению наследия народа выразился в частности в том, что в создании музея самое непосредственное участие приняло само национальное сообщество ханты

и манси, что помогло подойти к образу культуры с позиций дихотомии внутреннего и внешнего образа.

Т.П.Поляков -Сны о Сарапуле или путешествие по Китеж-Граду.

Опыт создания концепции экспериментальной авторской экспозиции Музея истории и культуры Среднего Прикамья (г.Сарапул) интересен в первую очередь тем, что он как нельзя более наглядно представляет метод создания образно-художественной экспозиции, Это направление в последнее десятилетие завоевало прочные позиции в музейной практике, и одним из самых ярких представителей его является автор статьи.

Е.Е.Кузьмина -Некоторые современные концепции и проблема модернизации музеев.

Работа представляет на суд читателя анализ работ современных авторов различных научных культурологических и этнографических школ (например теории Г.С.Померанца, А.Я.Гуревича, Ю.Лотмана, Ю.А.Муравьева, Э.С.Маркаряна, С.А.Арутюнова, И.С.Кона, Ле Гоффа и др.). Анализ этих работ проведен автором под музейведческим “прицелом”, о чем говорят выводы статьи, имеющие прямой и непосредственный выход на музейную теорию и практику.

А.А.Сусоколов - Русский этнос в конце XIX-начале XX в.в.

Данное исследование написано несомненным влиянием информационной теории этноса В поле зрения автора- специфика этнокультурных процессов, этнического самосознания, особенностей этнического восприятия русских на фоне экстенсивного развития русской цивилизации.

Ю.У.Гуральник, Е.Е.Кузьмина - Русские в многонациональном регионе.

Работа предлагает читателю познакомиться с оригинальным инструментарием и результатами социологического исследования, посвященного анализу процессов формирования, развития и изменения менталитета русского населения в условиях многонационального региона.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

ВОРОТЫНЦЕВА Елена Петровна - кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве.

ГНЕДОВСКИЙ Михаил Борисович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории музейного проектирования Российского института культурологии.

ГУРАЛЬНИК Юрий Уранович - кандидат филологических наук, доцент кафедры музееведения Российского Гуманитарного Университета.

ДУКЕЛЬСКИЙ Владимир Юрьевич - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории музейного проектирования Российского института культурологии.

КУЗЬМИНА Елена Ефимовна - доктор исторических наук, главный специалист Российского института культурологии, председатель музейного комитета Ассоциации востоковедов.

НИКИШИН Николай Алексеевич - кандидат географических наук, заведующий лабораторией музейного проектирования Российского института культурологии

ПОЛЯКОВ Тарас Пантелеймонович - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории музейного проектирования Российского института культурологии,

СУСОКОЛОВ Александр Александрович - кандидат исторических наук, доцент Высшей школы экономики.

MUSEUM AND ETHNOLOGY

**Series of Electronic Issues
MUSEUM PRO 2.0**

Moscow 1997

EDITORIAL BOARD:
E.GALKINA (Editor-in-Chief)
E.KUZMINA,
N.NICKISHIN

The scientific paper collection “Museum and Ethnology” is concerned with an extensive investigation of museum role in the context of modern ethnosocial processes. From this viewpoint museum is considered as a factor of cultural reflection as well as a kind of mirror in which national community looks at to see its territory, history, culture, and identity as a whole, to search for the ways and modes of cultural and ethnic self-consciousness survival and reproduction.

These very problems of cultural transmission are the matter of great urgency in Russia because of real collapse of its historical memory in the XX-th century. That is the reason that developing multifarious ethno-cultural presentations is a top priority of museum modernization in Russia today.

The collection structure follows mentioned problems and consists of three parts, the first of which deals with theoretic generalization of the museum role in the ethno-social context, the second one focuses on imaginative potential of museum space for creating specific image of national culture on the basis of some innovative original museum concepts and the third part draws the readers’ attention to the prominent role of ethnographic researches in an early stage of museum modernization.

Contents

PART I.

Museum in the Context of Ethno-Social Processes

E.Kuzmina **Museum Role in Solving Ethnic Problems (Analysis of Historical Experience).**

N.Nickishin **Museum in Frontier Region.**

E.Vorotyntseva **Museum Phenomenon in Multinational Context (from the North Caucasus Data).**

PART II.

Intercultural Interaction in Museum Display

V.Dukelsky **Historical Retrospection as a Means for Expression of Intercultural Interaction in Museum Display.**

M.Gnedovsky **The Inner Image of Culture and its Display Expression.**

T.Polyakov **Dreams about Sarapul or a Tour around Kitege-Grad (Central Display Scenario for The Museum of History and Culture in the Middle Kama Region. Udmurtia, Sarapul Town).**

PART III.

Ethnographic Researches as a Pre-Projecting Elaboration for Museum Modernization

E.Kuzmina **Some Modern Conceptions and the Problem of Museum Modernization in Russia.**

A.Susokolov **The Russian Ethnos from the Close of the XIX to the beginning of the XX Centuries. Stages of the Extensive Culture Crisis (Experience of Ethno-Ecological Analysis).**

Yu.Guralnik, E.Kuzmina **The Russians in Multinational Region (on Social Research Materials).**

Abstracts

E.Kuzmina **Museum Role in Solving Ethnic Problems (Analysis of Historical Experience).**

A major focus of the paper is a fresh approach to museum as a kind of center for survival, presentation and transmission of ethnic traditions in the modern world. From this very viewpoint the author deals with the retrospective analysis of the ethnic museums activities throughout the soviet period, adapts their experience to the present situation as well as puts forward five basic models of cultural transmission on the grounds of hermeneutic method.

N.Nickishin **Museum in Frontier Region.**

The paper is concerned with searching for the ways of modernization of the old-fashioned museum model in the context of global administrative-political, economic and cultural reforms. The author puts forward a whole new set of model situations in museum practice concerning the areas of various multinational and cultural contacts as well as gives a review of different versions of museum participating in solution of local community issues especially on harmonization of ethnic and cultural interaction (on the basis of some concepts worked out by Museum Projecting Laboratory).

E.Vorotyntseva **Museum Phenomenon in the Multinational Context (from the North Caucasus Data).**

Based on a study of a great body of the North Caucasus data from the middle of the XIX to the beginning of the XX centuries the paper considers the problems, goals, and structure of the polyethnic region museum at different historical stages. In the light of this research the author stresses significance of the museum as a specific socio-cultural institute in regulating and modeling interethnic course of development.

V.Dukelsky **Historical Retrospection as a Means for Expression of Intercultural Interaction in Museum Display.**

The paper is concerned with the conception of Russian and Tatar cultural interaction embodied in display project of the Tatarstan Museum in 1991-1993. Reasoning from this conception the author puts forward a new interpretation of historical retrospection method in museum display as an efficient means for intercultural interaction expression.

M.Gnedovsky **The Inner Image of Culture and its Display Expression.**

The paper explores the problem of museum modernization further with emphasis on the whys and wherefores of conception developed for The Khanty and Mansi Ecomuseum "Torum Maa". Dealing with the conception main goals the author lays particular stress on creative approach to the heritage, deep insight into the world outlook and attitude, human and ecological essence of original native culture, rehabilitation of its spiritual values and finally on forming national self-consciousness of the aboriginal population by this means.

T.Polyakov **Dreams about Sarapul or a Tour around Kitege-Grad (Central Display Scenario for The Museum of History and Culture in the Middle Kama Region. Udmurtia, Sarapul Town).**

The paper is dedicated to the main features of the experimental author's display scenario developed for The Museum of History and Culture of the Middle Kama Region situated at the point of crossing and interaction of Russian, Udmurt, Tatar, Bashkir and other

cultures. The experience of scenario elaboration is of great interest for its artistic-imaginative method of display creation, gained wide acceptance in museum practice over the last decade.

E.Kuzmina **Some Modern Conceptions and the Problem of Museum Modernization in Russia.**

The paper is concerned with the analysis of some modern investigations on ethnography and culturology in the light of modernization of museum theory and practice. The author reasons that formation of new culture and attitude on the basis of Russian ethnic and psychological special features is a top priority of museum modernization process in Russia.

A.Susokolov **The Russian Ethnos from the Close of the XIX to the Beginning of the XX Centuries. Stages of the Extensive Culture Crisis (Experience of Ethno-Ecological Analysis).**

The paper deals with the demographic and cultural trends of Russian ethnos in the light of ethnos information theory. The author brings into focus direct relationship between specific character of ethno-cultural processes, ethnic consciousness, special features of ethnic perception on the one hand, and extensive factors of Russian civilization development on the other.

Yu.Guralnik, E.Kuzmina **The Russians in Multinational Region (on Social Research Materials).**

The paper considers the program, tools, data treatment, basic ideas and main conclusions of the sociological research called "The Russians in Multinational Region". On the basis of these grounds the authors provide fresh insight into the current status of Russian national mentality.